ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

М. П. ЧЕЧНЕВА

НЕБО ОСТАЕТСЯ НАШИМ

OZON.ru

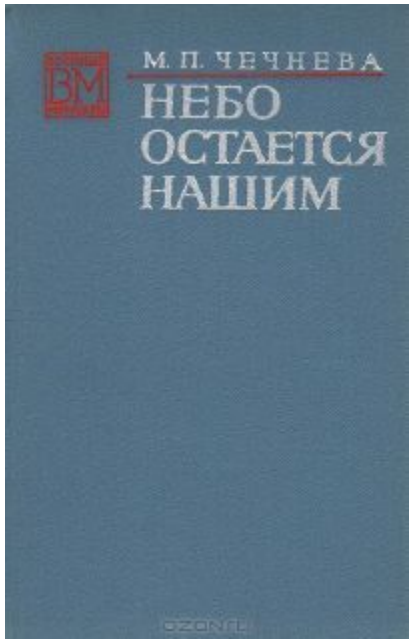
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Как и многие ее сверстницы. Марина Чечнева пришла в авиацию по путевке комсомола. Для нее и ее подруг, влюбленных в свою крылатую профессию, все в жизни было связано с небом. Они отдали молодость и нежность, талант и мастерство грозовому, распятому лучами прожекторов, исполосованному огненными трассами фронтовому небу. Автор рассказывает о своих боевых подругах, о тех, кто пришел к победе и кто не вернулся из полета, о послевоенных судьбах однополчан. С большим интересом воспринимаются страницы о послевоенной работе М. Чечневой а спортивной авиации.Эта книга является заново переработанным вариантом мемуаров М. П. Чечневой «Самолеты уходят в ночь«, вышедших около пятнадцати лет назад. Она содержит новые интересные факты.

•

Небо остается нашим
Трагедия на Хорошевском шоссе и мечта о небе
День, от которого отсчитывают жизнь
Дом на улице Горького
Хмурое утро
Испытание
Мы - солдаты!
Во имя жизни
Мечтали и сражались
Полк стал гвардейским
Всегда живые в памяти моей
У самого Черного моря
Здравствуй, Севастополь!
Впереди Германия
А все-таки мы счастливые!
Примечания



Чечнева Марина Павловна

Небо остается нашим

От автора

Мои записки не претендуют на исчерпывающий охват событий, хотя я и рассказываю о восемнадцатилетнем периоде жизни и службы в авиации, очень значительном для меня. В те годы судьба подарила мне редкое счастье - узнать замечательных летчиков и летчиц.

Их много, этих людей, разных характеров и судеб, знаменитых и неизвестных, но воспоминания о них одинаково дороги мне. Каждого привела в небо, как и меня, мечта летать. Одновременно со многими из них тридцать шесть лет назад переступила я заветный порог аэроклуба, за которым открывалась безбрежная, влекущая к себе даль.

Всех нас властно звала к себе эта даль. Вместе с товарищами я осваивала тогда азы нашей нелегкой, но прекрасной профессии, делила горести и радости, росла и мужала, прошла по трудным дорогам войны.

Никогда не забуду я этих людей. Им всем - прославленным и неизвестным - посвящаю своя скромный труд.

М. Чечнева [3]

Трагедия на Хорошевском шоссе и мечта о небе

До сегодняшнего дня этот неестественно белый снег стоит перед моими глазами. И еще сохранилось ощущение холода. Жгучего, подбирающегося, кажется, к самому сердцу.

Растерянно стоим мы с ребятами над сугробом. Зимний ветер вьет струйки поземки. Пронзительно резко скрипит снег под ногами прохожих. И на душе тупая опустошенность.

Мальчишка, видевший все своими глазами и невесть откуда знающий все в подробностях, рассказывает:

- Вначале он сделал круг над аэродромом. Снизился. Повел самолет на посадку. Не знаю, что случилось, только вдруг стало тихо: мотор умолк. Машина начала падать прямо на дома. Вот примерно на этот. - Мальчишка показал рукой в варежке на здание, стоявшее неподалеку. - Точно, на этот… Дом бы, конечно, разнесло. Ужас что было бы! И тогда он свалил самолет на крыло. Ударил взрыв. Прямо вот тут, где мы стоим.

Мальчишка ожесточенно размахивал руками…

С момента катастрофы прошло уже два дня, и поле у Хорошевского шоссе (я жила тогда совсем неподалеку) было прибрано. Снег и поземка довершили работу людей. Но мы никак не могли уйти с этого страшного места, и только потом, дома, я почувствовала, что обморозила щеки.

Машинально взглянула на календарь - 17 декабря 1938 года. Значит, случилось это 15-го.

Подробности стали известны позднее. В тот день Валерий Павлович Чкалов поднял в воздух скоростной истребитель И-180. Это был первый полет опытной машины. И случилось непоправимое. Отказал двигатель. Неуправляемая машина начала падать на дома. И тогда Чкалов [4] ценою своей жизни спас сотни людей, которым грозила смертельная опасность…

Нужно ли говорить, кем для нас, тогдашних девчонок и мальчишек, был Чкалов! Кто из нас не помнил его слов: *Всю свою жизнь до последнего вздоха отдам делу социализма… Вот в этом и есть мое счастье.* Кто из нас, следя за его полетами, восхищавшими мир, не мечтал хоть чуточку, хоть самую малость походить на него - человека, ставшего легендарным при жизни.

С тех пор прошло много немыслимо трудных лет, а горечь той потери ощущается до сих пор. И каждый раз, проходя мимо мемориальной доски, на которой начертано его имя, я вспоминаю заснеженный декабрь 1938 года, нахмуренные лица людей, газеты с портретом великого летчика, обведенным траурной каймой.

Тысячи тысяч юношей и девушек, навсегда связавших себя с авиацией, обязаны Чкалову своей судьбой. Сама его жизнь сделала их выше, красивее, лучше, явилась окрыляющим

примером служения Отчизне.

Светлым человеком был Чкалов. И почти все, кто поднялся в небо тридцатых годов после его гибели, шли его путями, жили в той атмосфере подвижничества, которая немыслима была без его полетов.

Так или иначе, но первые мечты о небе у меня и моих сверстников неразрывны с его именем.

С самой ранней юности это имя звало в дорогу…

* * *

- Прочитай нам, Чечнева, «Песню о Буревестнике». Учитель стоит у моей парты. А я начисто забыла текст. Потом вспомнила. Радостно отбарабанила несколько строф.

- Нет, Чечнева, - перебивает учитель. - Так читать нельзя. Это Горький! Пойми - Горький!…

И он продолжает сам. Торжественно, вдохновенно. В классе - тишина.

- «Буря! Скоро грянет буря!…»

Не знаю, как случилось, но я тоже громко выкрикнула:

- «Буря! Скоро грянет буря!…»

Класс взорвался от хохота. Мне стало обидно:

- Чего смеетесь?! Я тоже хочу летать… Хочу, как Чкалов. [5]

Снова хохот.

- Над этим нельзя смеяться, ребята. - Голос учителя стал суровым. - Мечту надо уважать. - Он подошел ко мне: - Хорошая у тебя мечта, Марина! Только очень много нужно сделать, чтобы осуществить ее. Хватит ли сил? Упорства?

* * *

Я занималась тогда в авиамодельном кружке. Даже построила несколько удачных моделей и вместе с другими ребятами участвовала в соревнованиях, организованных Московским Домом пионеров. И конечно, что теперь скрывать, тайно мечтала «быть, как Чкалов».

Семья наша жила на Хорошевском шоссе - вблизи Центрального аэродрома. Здесь никогда не стихал гул моторов, в воздухе мелькали машины, поднимались в небо аэростаты, вспыхивали в синеве белые купола парашютов. Вместе с подружками мы подолгу простаивали у ограды летного поля.

Мне еще не было пятнадцати, когда произошло незабываемое

событие - меня приняли в комсомол.

Осенью того же 1937 года я, образно выражаясь, сделала первую попытку оторваться от земли: пошла в районный аэроклуб.

- Рано… - сказали мне. - Ты маленькая. Еще пионерский галстук носишь. Подожди. Подумай.

Зайдя вторично, я обратилась к начальнику аэроклуба.

- Подрастешь, тогда и приходи. Посмотрим, как учишься. С плохими отметками не возьмем.

Промчался год. Теперь я отправилась в аэроклуб, имея рекомендацию районного комитета комсомола. Теперь уже не просила - настаивала. В виде исключения меня зачислили на теоретический курс отделения пилотов.

Поделилась своей радостью с отцом.

- Сына я хотел иметь, да нет его… Одна ты у меня, дочка, а характер, вижу, твердый.

Мама придерживалась другого мнения:

- Не девичье это занятие. Выбирай любое дело по душе, только не летай.

- Это решено, мама. Отступать поздно! [6]

…Сколько было в аэроклубе замечательных людей! Скажем, та же Валерия Хомякова. Впервые я встретилась с ней в конце декабря 1938 года в здании на Мантулинской улице, где размещалась учебная часть аэроклуба. В ту пору она была известным летчиком-инструктором. Помню сияние морозного дня за окошками, длинный коридор, прорезанный солнечными лучами, в которых плясали пылинки. По коридору шла статная молодая женщина. Светлые блики то ложились на ее красивое лицо, то исчезали, и тогда серые глаза женщины становились еще глубже, загадочнее. Обняв за плечи подругу летчицу Ольгу Шахову, Валерия увлеченно разговаривала с ней. Увидев учлетов, Хомякова подошла к нам, познакомилась, стала расспрашивать об учебе. Держалась она просто, по-дружески, и беседа наша сразу стала непринужденной, откровенной.

Для учлетов часто устраивали в аэроклубе встречи с опытными летчиками. После знакомства с Хомяковой мы попросили ее прийти. Она согласилась. В тот вечер мы услышали рассказ о ее жизни.

Валерия родилась в августе 1914 года. Детство провела в Колпино, под Ленинградом. От отца, инженера-химика, унаследовала любовь к химии. Увлекалась литературой. А мечтала… Мечтала о полетах, о небе…

После семилетки закончила техникум, поступила в Московский химико-технологический институт имени

Менделеева. Одновременно занималась в аэроклубе.

Вместе с дипломом девушка получила назначение на Дорогомиловский завод. Отработав смену, мчалась в аэроклуб Ленинградского района столицы. Валерия одинаково любила и планер и самолет. Но летчик, кроме всего, должен быть хорошим спортсменом. Помня об этом, девушка ходила на лыжах по заснеженному лесу, каталась на коньках, много играла в волейбол, плавала, тренировалась в прыжках с парашютом. А однажды почувствовала: авиация предъявляет монопольные права на человека. И сделала выбор, стала профессиональным летчиком.

Небесный почерк Хомяковой был захватывающе красив. Зачарованно смотрели мы, как на воздушном параде в День авиации она виртуозно выполняла виражи, бочки, спирали, петли Нестерова. Будучи летчицей высокого класса, она в совершенстве освоила все спортивные самолеты довоенного времени и безукоризненно летала на них. [7]

В августе 1940 года Валерию наградили почетным знаком Осоавиахима. Такой знак отличия в то время имели немногие пилоты.

* * *

Теоретические занятия в клубе с первых дней захватили меня. Не беда, что не высыпалась, что ноги порой подкашивались от усталости. Поколение наше - да не обидятся на меня люди других возрастов - было воистину одержимым и в своей вере, и в своем стремлении всегда находиться на передовой военных и мирных фронтов.

Характеры моих сверстников формировались в годы первых пятилеток, овеянных романтикой и героизмом. Именно тогда страна оделась в леса новостроек. Именно тогда начали расти новые заводы, фабрики, шахты, электростанции, строились железные дороги, клубы, школы, стадионы. На моих глазах Москва-река вскипела первой волной волжской воды. Тридцатые годы были отмечены не только небывалыми трудовыми свершениями. Наши летчики, аэронавты, парашютисты, планеристы утверждали славу Страны Советов как первоклассной авиационной державы. С уст не сходили имена героев-летчиков Чкалова, Байдукова, Белякова, Громова, Каманина, Ляпидевского. Порою нам даже казалось, что мы вместе с летчиками спасали челюскинцев, совершали дальние перелеты, прокладывали первые воздушные трассы над Арктикой.

«Коммунисты штурмуют небо!» - писала об этих годах Ольга Берггольц.

Мы жили напряженно, радостно, трудно. Утро начиналось звонком будильника. И потом - ни одной свободной минуты: школа, аэроклуб, комсомольские дела.

Жизнь властно звала вперед. Страна, наращивая темпы, обгоняла время. Недаром так и назвал Валентин Катаев одну из своих книг - «Время, вперед!».

Кто из нас в юношеские годы, когда человек весь находится во власти высокой романтики, не пробовал собирать в альбом любимые стихи или писать свои? Был такой альбом и у меня, ученицы девятого класса. Я тоже писала стихи. Одно из них даже опубликовали в авиационном журнале «Самолет» в 1939 году:

Я мечтаю быть пилотом
В нашей радостной стране.
Обогнать на самолете
Птицу в синей вышине… [8]

Поэтессы из меня, конечно, не получилось, да я и не стремилась ею стать. Другое было на уме. Я мечтала о времени, когда поведу самолет. И сейчас, оглядывая прошлое и думая о настоящем, я все больше убеждаюсь, что чувство скорости, потребность в ней заложены в каждом из нас. Скорость - одна из форм познания мира, хотя это, может быть, и звучит несколько необычно. Ведь действительность, ее явления познаются не в статике, а в движении, динамике. Чтобы лучше и полнее познать жизнь, нужна скорость во всем: в движении, в работе, в мышлении. И не потому ли человечество так медленно развивалось почти до XX века, что состояние техники не давало тогда возможности получить большую скорость? Первый паровоз, автомобиль, самолет появились на свет не только в силу утилитарных соображений. Наращивая темпы, человек словно бы подгонял течение жизни, и, чем совершеннее становились его знания, тем быстрее стремился он познать неразгаданное. Скорость подняла его над землей, проложила путь в космос. Она - величайшее завоевание человека. Она зовет вперед, открывает новые горизонты. Не потому ли в детстве и юности так хочется скорее свершить задуманное?

Годы моей учебы шли своим чередом, а обстановка в мире между тем накалялась. По Европе в хаосе погромов, в зареве костров гремели фашистские песни, реяли флаги со свастикой. Все умное, честное, что дала миру Германия, искало спасения вне пределов своей родины. Люди с затаенным страхом ждали развязки. И только рабочий класс, руководимый коммунистами, осмелился преградить путь нацистам. Истекая кровью, героически

сражалась Испания. Голоса Хосе Диаса и пламенной Пасионарии звучали над континентами, призывая всех, кому дорог мир, в ряды защитников республики.

Война стояла на пороге. Все мы, особенно те, кто был причастен к армии и авиации, чувствовали, понимали это…

С ожесточением осваивали мы основы авиационного дела.

На вступительной лекции начальник учебно-летного отдела аэроклуба Александр Иванович Мартынов знакомил курсантов с программой. Здесь, на его лекции, я впервые услышала малопонятные, но желанные слова: самолетовождение, теория полета, аэронавигация, метеорология, от которых пахло небом, простором, вышиной. [9]

С первой встречи Мартынов понравился нам, и это впечатление сохранилось на всю жизнь. Вместе со своими многочисленными воспитанниками он пошел защищать Родину от фашизма. И здесь, на фронте, Александр Иванович находил время, чтобы по-дружески следить за успехами своих подопечных, писать им отеческие письма. Мне он писал тоже.

Мы часто встречаемся и по сей день…

Время летело незаметно. После сдачи экзаменов по теоретической подготовке началась наземная практика. Меня зачислили в звено Анатолия Сергеевича Мацнева, в группу инструктора Михаила Павловича Дужнова.

Комсомолец Михаил Дужнов был ненамного старше своих питомцев. Высокий, стройный, подтянутый, беззаветно преданный своему делу, он во всем являлся для нас образцом.

С именем Дужнова у меня связаны особые воспоминания. Может, я и не стала бы летчицей, не повстречай его. Решительный, смелый, умеющий вовремя поддержать товарища, он очень помог мне тогда.

В аэроклубе занималось немало девушек, однако отношение к ним многих инструкторов было, мягко выражаясь, не восторженным. Инструкторы неохотно брали в свои группы женщин. Это и понятно. Женщины только начали приходить в авиацию. Не каждый верил, что мы сможем здесь работать наравне с мужчинами. Пример известных летчиц ни в чем не убеждал скептиков.

«Не женское дело авиация», - твердили они, всячески отговаривая девушек от поступления в аэроклуб.

Первой поддержала нас Валерия Хомякова. Она упорно выступала за обучение девушек летному делу, говорила о необходимости привлечения женщин в авиацию, о том, что именно в нашей социалистической стране не на словах, а на деле женщина должна иметь возможность раскрыть свои дарования.

Жизнь подтвердила правоту Хомяковой. В тяжкие годы испытаний женщины-авиаторы доказали, что Родина не напрасно оказывала им доверие.

С первых своих шагов в авиации я постоянно ощущала дружескую руку Леры Хомяковой, ее поддержку и заботу, знала, что в любом затруднительном случае она посоветует и поможет. Когда я начала заниматься в аэроклубе, мне едва исполнилось шестнадцать. Столько же было [10] моей подружке Гале Турабелидзе. Нас приняли в виде исключения, и обе очень боялись, что весной нас из-за возраста не допустят к летной практике. Мы с Галкой, конечно, бросились к Хомяковой. Она поняла с полуслова и обещала поддержать.

Позднее я убедилась, что наши страхи были беспочвенными. Однажды командир звена Анатолий Сергеевич Мацнев сказал мне:

- Я знаю немало хороших летчиц нашего аэроклуба - Валерию Хомякову, Ольгу Шахову, Марию Кузнецову. Они не уступают нам, мужчинам, в мастерстве вождения самолета. И все же… не женское это дело. Так вот…

И стал упорно убеждать меня, чтобы выбрала другую профессию. Услышь я эти слова от ограниченного человека, наверное, не обратила бы внимания. Но он, Анатолий Сергеевич, был не только опытным мастером и хорошим командиром. Он был умным, разносторонне образованным человеком. К его мнению я, естественно, не могла не прислушаться. И признаюсь: в душу закралось сомнение. Что, если он прав и я понапрасну трачу время и силы?

Как- то, не выдержав, поделилась своими мыслями с Дужновым. Выслушав меня, он ненадолго задумался и уверенно сказал:

- Успокойся, Марина. Все новое не сразу укладывается в голове человека. Нужно время. А Анатолия Сергеевича мы постараемся переубедить.

Может, это случайность, но Мацнев больше не заводил со мной разговора на эту тему…

День, от которого отсчитывают жизнь

К аэродрому с одной стороны подступали наполненные птичьим щебетом леса. С другой - ромашковые луга с красными россыпями клевера. Это был очаровательный в своей неброской красоте кусочек среднерусской земли.

Летное поле нашего аэроклуба находилось в деревне Набережной по Северной железной дороге. В весеннее и летнее время мы ездили туда на электричке. От станции Соколовской до

аэродрома шли пешком через речку [11] Клязьму и деревню Набережную. Докладывали о прибытии, переодевались и отправлялись на старт.

Когда начинались каникулы в институтах и школах, мы на все лето перебирались в лагеря. Заводская молодежь приезжала на полеты после работы.

Жизнь на аэродроме начиналась с восходом солнца и утихала, когда солнце уходило за горизонт. Работы было невпроворот, но мы не хныкали, мы успели полюбить небо.

Перед полетами помогали технику Васе Никитину подготовить самолет, а к вечеру вместе с ним мыли, чистили, заправляли, привязывали к штопорам, зачехляли машины и лишь после этого уходили в палатки, чтобы помыться и привести себя в порядок. Чуть позднее инструктор проводил разбор полетов, анализировал работу каждого курсанта, ставил задачи на следующий день.

После этого можно было идти на ужин. Потом - кино, встречи с опытными летчиками, лекции, дискуссии. А утром снова полеты.

Раз в неделю нас отпускали домой. Если увольнение совпадало с воскресеньем, я с отцом отправлялась в город. Он очень любил Ленинские горы, и мы часто бывали там. Москва открывалась тогда с птичьего полета. Вдали виднелся Кремль, солнце золотило его купола, а улицы разбегались вразлет, как лучи…

С большой неохотой я расставалась с отцом. Мне всегда было интересно и радостно с ним…

* * *

Первое время инструкторы «разыгрывали» для нас весь полет на земле. Учили правильно садиться в кабину, последовательно действовать при «взлете». Задания с каждым разом усложнялись.

И вот начались ознакомительные полеты. Впервые поднявшись в воздух, я так разволновалась, что просмотрела и разбег машины, и ее отрыв от земли. Опомнилась, когда под крылом уже замелькали красные крыши деревни, разбросанной у реки. Меня охватило какое-то блаженное оцепенение. Забыв наставления, я подняла руку над козырьком кабины. Тугая струя от винта отшвырнула руку назад, ударила о край кабины. Я испуганно взглянула на инструктора: заметил ли он все это. Наверное, Дужнов сам испытал когда-то нечто подобное. Улыбнувшись, [12] он положил У-2 в крутой разворот, да так, что

у меня дух захватило.

Так начались учебные полеты и курс летной подготовки. Вначале осваивали простейшие упражнения, отшлифовывали полет по кругу - взлет, разворот, построение маршрута, посадку. Летали с инструктором. Он находился в задней кабине и через дублированное управление исправлял ошибки ученика. Со временем ошибок становилось все меньше.

Убедившись, что я «кое-чему», как он выразился, научилась, Дужнов разрешил мне самостоятельный вылет. Это было в августе 1939 года.

Первый самостоятельный! У кого не замирало сердце при одном этом слове! Когда Михаил Павлович после очередного задания подошел ко мне и сказал, чтобы готовилась к первой пробе сил, я не сразу поняла его.

- Одна полетишь, ясно? - повторил он.

* * *

Аэродром просыпался рано. Обычно на выходной все уезжали в Москву. Старшина группы Николай Гусев предупредил, чтобы на этот раз мы ночевали в лагере. Было известно - инструктор наметил несколько человек для самостоятельных вылетов. Но кого? Каждый втайне надеялся, что выбор падет на него. Воскресенье я провела как во сне. Все думала о завтрашнем дне, мысленно представляла себе, как Дужнов произнесет мое имя, проводит до самолета, на обшивке которого еще дрожат капли утренней росы, как взмахнет флажком стартер, давая разрешение на взлет…

Нет! Лучше об этом не думать.

Утро в день полетов выдалось на редкость тихое, ласковое. Я проснулась задолго до подъема, вышла из палатки. На лугу под солнцем сверкала обильная роса, предвестница теплого, сухого дня. Над гладью реки стлались космы тумана, а в просветах между ними на другом берегу мелкими волнами колыхалась рожь. Мне показалось, что слышится легкий зеленый звон…

Со стороны деревни доносились невнятные голоса, тянуло горьковатым дымом. На реке гулко шлепал по мокрому белью валек. Над землей вставал новый день.

Я представила, как сегодня ворвусь в прохладную гладь небес, взбудоражу ее ревом мотора и оттуда, с высоты, [13] буду глядеть на землю, по которой хожу, которая взрастила меня и за которую я, если понадобится, не задумываясь, отдам жизнь. Отдам вот за это самое чудное мгновение, за это утро, за его

свежесть, за тихий перезвон зеленой ржи и пение жаворонка, за все то, что вмещается в одно короткое, но емкое слово - Родина.

В первый полет Дужнов, захватив техника, ушел сам… Мы знали, он хочет опробовать машину и убедиться в се исправности. Делалось это для того, чтобы курсант с первого самостоятельного вылета навсегда поверил в машину.

Приземлившись, инструктор зарулил У-2 на старт и с минуту основательно «погонял» мотор. Потом вылез из кабины, не спеша подошел к нам, медленно обвел нас глазами, словно испытывая наше терпение и выдержку.

- Что ж, друзья, - сказал наконец Михаил Павлович, - сегодня у нас по плану самостоятельные вылеты. С кого начнем?

Дужнов помедлил, наши глаза встретились.

- Чечнева, в самолет!

Привычно, но не так быстро, как во время учебных занятий, я влезла в кабину, пристегнула ремни. Самолет на линии предварительного старта. Дужнов уже доложил командиру звена Мацневу о моей готовности к вылету.

- Перед самостоятельным полетом два круга с вами сделает командир звена, - поясняет Михаил Павлович. - Летать, как со мной… Спокойнее, Чечнева. Все будет в порядке.

Я киваю.

Легко сказать - спокойнее. При взлете я, конечно, волнуюсь, и лишь в воздухе постепенно ко мне возвращается уверенность. Все пока идет как надо. Главное теперь - четко и грамотно, как учили, выполнить все элементы полета. Мацнев в свое время уговаривал меня бросить авиацию. Осрамиться перед ним я просто не имею права…

Выполнив два полета, с замиранием сердца жду замечаний Мацнева. Он покидает машину и жестом показывает, чтобы на инструкторское место положили мешок с песком для сохранения центра тяжести. Дужнов улыбается, одобрительно кивает мне. Он сам выпускает меня в воздух, идет, держась за нижнюю плоскость. Потом протягивает руку вперед. Старт дан. [14]

Увеличивая обороты, ревет мотор, У-2 набирает скорость и отрывается от земли. За спиной никого, я одна. Только я и верный мой друг - самолет, заслуженный ветеран, поднявший на своем веку в воздух не одну сотню ребят и девчат.

Я улыбаюсь и мысленно прошу: «Не подведи, дружище!» В ответ мерно рокочет мотор, и послушная моей воле машина ложится в разворот.

Два круга - это четырнадцать минут. Заруливаю машину на старт, а сама время от времени поглядываю туда, где стоят командиры и начальники.

Как они оценивают полет? Дужнов машет рукой и показывает большой палец. С плеч словно свалилась огромная тяжесть. Выключаю мотор, подбегаю к инструктору и срывающимся голосом докладываю о выполнении задания…

В последующие дни отрабатываем элементы полета по кругу, тренируемся в пилотажной зоне. Иногда со мной летает Дужнов. Мелкий вираж, спираль, змейка, штопор, боевой разворот - все усваивалось постепенно.

Говорят, страсть к небу - самая высокая страсть. Наверное, так оно и есть. Человек, однажды испытавший счастье самостоятельного полета, никогда не изменит своей мечте. Если, конечно, в душе он - летчик.

Много писалось о призвании и мужестве авиаторов. Никто не станет спорить, что эта профессия немыслима без подвижничества и риска. Но нужно быть бесконечно влюбленным в небо, чтобы, пройдя через неудачи и потери, искренне сказать, как Антуан де Сент-Экзюпери: «Ни о чем не жалею. Я играл - и проиграл. Такое у меня ремесло. А все же я дышал вольным ветром, ветром безбрежных просторов».

Он употребил это кажущееся в чем-то приниженным слово «ремесло». Но он мог бы сказать и «ремесло поэта». Все дело в том, в чьих устах звучит это слово.

Марина Раскова заметила однажды: «Наше ремесло не хуже и не лучше любого другого - ремесла сталевара, каменщика, сеятеля. Только мы не можем жить без неба, и в этом, наверное, мы неизлечимо больны».

Видимо, так тоскуют по синеве птицы, и я понимаю Михаила Водопьянова, человека, так много сделавшего для Арктики, когда он в грустную минуту написал на фотокарточке одному моему знакомому: «Как жаль, что не [15] могу уже летать в Арктику». Он больше не водил самолеты в этот холодный край. И улыбка у него на фотокарточке немножко виноватая, словно он извиняется перед далекими зимовщиками, перед капитанами, идущими Карским морем, перед друзьями, перед радистами завьюженной Чукотки.

Совершив первый самостоятельный полет, я уже не мыслила свою жизнь без неба, без поющего на высоте ветра и стремительно летящих облаков…

Когда Николая Каманина совсем недавно спросили: «Какое самое яркое событие в вашей комсомольской биографии, ваше самое значительное дело в комсомоле?» - он ответил: «День, когда я впервые сам повел самолет. Как, по-вашему, это - событие? Было это в июле 1928 года. А в двадцать пять лет мне довелось участвовать в челюскинской эпопее».

Летчик никогда не забудет свой первый самостоятельный полет. С этого начинается его биография.

* * *

Видимо, не все у меня получалось хорошо. Дужнов однажды сказал:

- Летную программу до сих пор вы выполняли успешно. А вот с глубокими виражами что-то не клеится.

Я и сама чувствовала, что эта фигура пилотажа давалась мне с трудом, иначе говоря, не вытанцовывалась. То нарушался заданный угол крена, то терялась высота и возрастала скорость. После разбора полета я вновь садилась с Дужновым в самолет и повторяла на земле все элементы маневра. Михаил Павлович ровным, спокойным голосом объяснял, в каком положении должен быть относительно горизонта нос машины и козырек кабины, когда самолет выводится из глубокого виража. И приказывал подняться в воздух.

Понемногу росли уверенность, мастерство.

…Наступала осень 1939 года. Пожелтела трава, первый багрянец тронул соседний лес, поплыли в воздухе серебряные нити паутины, стали холоднее ночи, ярче заблестели звезды в густом черном небе. Кончилось лето, завершилась и моя учеба в аэроклубе. Выпускные экзамены я сдала с отличными оценками. Взволнованные, счастливые, замерли мы в строю, слушая приказ о присвоении звания пилота. [16]

Но к радости примешивалась и грусть. Распадалась наша замечательная семья. Виктор Любвин, Виталий Грачев, Николай Гусев, Владимир Чалов, Николай Косов и многие другие ребята уезжали в истребительные школы. Мне тоже хотелось с ними. Думалось, что в Осоавиахиме делать больше нечего и только военное училище сможет открыть дорогу в большую авиацию. Но девушек в военные училища не принимали. Я ходила словно потерянная, не знала, как быть дальше.

- Ну чего ты, Маринка, раскисла? - бросил мне как-то Дужнов. - И в Осоавиахиме тебе дороги не закрыты. Учись дальше, повышай мастерство. У тебя все впереди…

Выпускной вечер проходил в здании Ленинградского райкома партии, райкома комсомола и райисполкома на Миусской площади, А через неделю меня вызвал к себе командир отряда Иван Иванович Щербаков, впоследствии полковник, Герой Советского Союза. Учлеты глубоко уважали и любили его за непревзойденное мастерство и чуткость к людям и всячески

старались подражать ему.

Щербаков еще раз поздравил меня с окончанием аэроклуба и объявил решение командования: меня и мою подругу Галю Турабелидзе направляли в Херсонскую авиационную школу Осоавиахима, готовившую летчиков-инструкторов и штурманов для работы в аэроклубах страны.

В Херсоне меня ждала большая неприятность: мандатная комиссия не пропустила меня по возрасту - мне еще не было восемнадцати.

Вернулась в Москву, помчалась в аэроклуб Ленинградского района. Снова со мной говорили Дужнов и Щербаков. По их совету я осталась в аэроклубе и через год одновременно с аттестатом зрелости получила диплом летчика-инструктора. Однако в тот момент будущее было для меня абсолютно неясным.

Дом на улице Горького

Я все- таки стала летчицей. Что помогло мне в этом? Собственное упорство? Но бывали минуты, когда я сомневалась в своих силах. Настойчивость? Ее тоже хватало далеко не всегда. [17]

И чем больше думаю, пытаясь ответить самой себе, чем тщательней перебираю мысленно те далекие месяцы и годы, тем упорнее подсказывает память одно имя - Раскова.

А рядом с ним два других - Гризодубова и Осипенко. Не будь этих трех чудесных женщин, не скоро бы, пожалуй, отошли в прошлое некоторые поговорки насчет курицы и бабьего ума, не скоро бы исчезли ухмылочки с лиц закоренелых скептиков, считавших, что женщина и авиация - понятия несовместимые.

* * *

Мы сидели с Лидой Максаковой на подоконнике и говорили о самом сокровенном. Я жаловалась подруге на судьбу.

- Обидно, Лида… Кончила пилотское отделение, а что толку? На Хасан не попала. К Халхин-Голу не успела… Другие воюют, а ты учись и учись. Кажется, этому не будет конца.

- Будет конец, Маринка. Найдется и для тебя интересное дело. Теперь, после полетов Гризодубовой и Расковой, все пойдет легче. Девчат в авиацию с каждым днем приходит все больше. Все мечтают о небе.

- Это верно… Узнать бы, что делает сейчас Раскова.

- Готовится к новым полетам. А почему тебя волнует этот вопрос?

- Скажу, только пусть это будет строго между нами… Я хочу стать летчиком-истребителем… Решила просить Марину Михайловну помочь мне.

- По-моему, это несерьезный разговор. Женщин в военные школы не принимают. Ты ведь прекрасно знаешь это.

- Знаю. Раньше не принимали. Но в жизни все меняется. Раньше женщины и героических перелетов не совершали! Будь что будет - я все же рискну.

Несколько дней после этого разговора я с тоской поглядывала на телефонный аппарат. И однажды решилась. Набрала нужный номер.

- Марина Михайловна! Вас беспокоит Марина Чечнева, ученица аэроклуба. Я бы хотела…

- Пожалуйста, приезжайте.

Раскова продиктовала свой адрес и объяснила, как быстрее и проще до нее добраться. [18]

Марина Михайловна жила на улице Горького, в доме, где ныне находится магазин подарков. Там и сейчас живет ее дочь Татьяна.

Как шальная, выскочила я из телефонной будки и помчалась по названному адресу.

Стоял декабрь, было очень морозно, но я не чувствовала холода. Я вообще мало на что реагировала в тот момент. Мелькали в радужном сиянии огней улицы, слышался перезвон трамваев, гудки автомашин, скрипел под ногами снег, шли по тротуарам прохожие. А мне было не до этого. В ушах звучал голос Расковой, а перед глазами стояло знакомое по портретам и кинохронике ее обаятельное, улыбающееся лицо.

Раскова встретила меня просто, радушно. Внимательно выслушала мою путаную, торопливую, не очень складную речь. И только иногда в едва заметной улыбке подрагивали ее губы. Никаких серьезных доводов в пользу своего решения я тогда, конечно, не привела, но Раскову, должно быть, тронула моя искренность.

- Марина Михайловна! - горячо закончила я свою исповедь. - Ну помогите мне стать истребителем! Клянусь, я не подведу вас!

Она помолчала немного.

- Выслушайте меня и не огорчайтесь. Чувство скорости знакомо каждому летчику, и перед ним трудно устоять. Человек всегда стремится к большему. И это хорошо. Кто ничего не хочет, остановился, тот рано или поздно становится балластом… Помочь я, к сожалению, не могу. Правила приема в военные школы нельзя нарушать. К тому же вы глубоко заблуждаетесь, считая, что добиться больших успехов сможете только в военной

авиации. Ведь вы хотите летать не только быстро, но и хорошо?

- Конечно.

- А научиться хорошо летать можно и в аэроклубе. Сейчас ваше место в Осоавиахиме. - Марина Михайловна помолчала, видимо что-то обдумывая, и добавила: - Обстановка в мире очень сложная. Фашисты наглеют с каждым днем. Нам нужно укреплять оборону. Авиации требуется много летных кадров. Вы учитесь на летчика-инструктора. Дело это очень важное. Старайтесь как можно лучше готовить курсантов для военных училищ. Осоавиахиму вы пока нужнее, чем армии. Поверьте мне. [19]

Что я могла возразить? Раскова была абсолютно права. Но мне от этого не стало легче. Я почувствовала, что рушатся все мои мечты, и не смогла скрыть своего разочарования.

- Ну-ну, выше голову, истребитель! Кто очень хочет чего-нибудь, тот обязательно своего добьется! - Раскова ласково посмотрела в глаза. - Желаю успеха, Марина. - Она крепко пожала мне руку, проводила до прихожей.

На всю жизнь осталась память об этой встрече, осталась любовь к этой необыкновенной, обаятельной женщине с грустными, проницательными глазами.

* * *

Шел 1939 год.

Это был счастливый для меня год. Счастливый потому, что я была молода, потому, что познала небо, потому, что рядом со мной на свете жил такой человек, как Марина Раскова, а значит, можно было надеяться еще раз, пускай нескоро, встретить ее. И я действительно через некоторое время увидела Марину Михайловну.

Было это летом 1940 года. Я шла по улице Горького, когда внезапно поток пешеходов хлынул на мостовую. Люди окружили остановившуюся открытую легковую машину. В машине сидела, смущенно улыбаясь, Раскова.

Я смотрела на нее во все глаза и думала: «Какая она простая, доступная, близкая, как здорово, когда человек, увенчанный славой, остается самим собой!»

Я назубок знала биографию Марины Михайловны. Знала, что она москвичка, что отец ее музыкант, что и она сама с ранних лет проявляла способности к музыке. Знала, что еще в детстве Раскова пережила трагедию: ее отца сбил на улице мотоциклист. Знала, что она училась в консерватории. Позже я прочитала в ее дневнике:

Профессор Страхов - добрейший человек. Музыка стала моим любимым занятием. Я уже хорошо пишу музыкальный диктант, пою сольфеджио, изучаю гармонию, занимаюсь ритмикой. Нужно сказать, что музыка есть неизбежная принадлежность моего сердца. Когда мое сердце сжато неприветливым и официальным отношением ко мне, то и музыка была сведена до минимума… Но когда мое сердце пригрето лаской, то и музыка в нем появлялась все больше и больше и наконец заняла одно из первых мест. Петр Николаевич со мной ласков, ободряет [20] *меня, всегда сочувствует мне, часто ласково гладит меня по голове или треплет по плечу, и я ожила.*

Окружающие и близкие прочили Марине Михайловне карьеру певицы или пианистки. Могла она также стать биологом, химиком, педагогом… Эти области знаний серьезно интересовали ее. А стала Марина Михайловна Раскова летчицей.

В нашей стране не было в то время такой девушки, которая не просиживала бы ночи напролет над «Записками штурмана» Расковой.

По газетам мы все следили за полетом Гризодубовой, Осипенко, Расковой. Но одно дело - сухая, сжатая газетная информация и совсем другое - рассказ участницы перелета. Кстати, я по сей день прекрасно помню, как это было.

«Сегодня экипаж в составе трех летчиц - Валентины Степановны Гризодубовой, Полины Денисовны Осипенко, Марины Михайловны Расковой - на самолете «Родина» начал беспосадочный перелет Москва - Дальний Восток», - услышали мы по радио утром 24 сентября 1938 года.

Экипажу «Родины» предстояло побить международный женский рекорд дальности беспосадочного полета по прямой. И этот рекорд был побит.

Летчицы выполнили задание партии и правительства. Выполнили, несмотря на тяжелейшие метеорологические условия, которые сопровождали «Родину» на протяжении всего полета.

Вся страна восхищалась отвагой, хладнокровием и высоким летным мастерством, которые проявили в труднейших условиях Гризодубова, Осипенко, Раскова. Они доказали всему миру, на какие подвиги способны советские летчицы, и первые среди женщин были удостоены звания Героя Советского Союза.

Солнечным осенним днем вся Москва двинулась к Комсомольской площади встречать героинь-летчиц, ехавших с Дальнего Востока специальным поездом.

Возбужденная и радостная, я тоже стояла в толпе.

* * *

- Значит, была у Расковой? - окружили меня подруги, услышав, как я с гордостью объявила о встрече с Мариной Михайловной. [21]

- Была.

- Долго говорили? Какая она?

- Очень простая. И говорили долго.

- О чем?

- О жизни, о том, что я мечтаю стать военным летчиком…

- Ну а она?

- Советует совершенствоваться в Осоавиахиме.

- Легко сказать! Для известной летчицы все просто…

- Эх, девчонки… Знали бы вы, какую нелегкую жизнь она прожила! В консерватории училась, химиком была, на заводе работала. Вышла замуж, появилась дочка Танюшка. Пришлось бросить работу. Потом стала чертежницей в аэронавигационной лаборатории… - Все это я выпалила одним духом. - А слышали, у кого она работала? У Белякова! У того самого, что с Чкаловым!…

И вдруг запнулась, не дай бог подумают, что я зазналась из-за такого знакомства!

Но молчать мне не дали.

- Рассказывай дальше, раз уж начала! И я продолжала.

Марину Михайловну заинтересовали штурманские расчеты. Вскоре она стала выполнять их быстро и точно. Начальник лаборатории Александр Васильевич Беляков поверил, что из Расковой получится прекрасный штурман, и помог ей изучить новую профессию.

Потом была учеба на заочном отделении Ленинградского авиационного института. А потом настал день, когда Беляков взял Марину Михайловну в первый полет…

Раскова стала штурманом. Кроме того, она стала еще и преподавателем Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского. Позже была участницей ряда перелетов, установила несколько рекордов, много раз была участницей воздушных парадов над Красной площадью.

- Остальное, девочки, вам известно…

* * *

Я и многие мои сверстники с благодарностью вспоминаем Осоавиахим.

…У меня имеется небольшая коллекция значков. Их выпускали разные общественные организации - либо как свои эмблемы, либо в честь какого-то знаменательного события. Есть среди значков такие, к которым меня тянет [22] постоянно и неудержимо. Я люблю не только рассматривать их, но и держать в руках. Это оборонные значки. Они особенно дороги мне, многое в моей жизни связано с ними.

Вот старый-престарый значок. Меня, должно быть, еще не было на свете, когда его носили. Это красная звезда с перекрещенными на ней двумя авиационными пропеллерами, в обе стороны от которой в широком размахе распростерлись два серебряных крыла. Под звездой на синей ленте четыре золотые буквы - ОДВФ.

Это значок первого в нашей стране Общества друзей воздушного флота. На добровольные взносы трудящихся это общество, созданное в 1923 году, построило первые советские авиаэскадрильи: «Ленин», «Ультиматум», «Наш ответ Чемберлену», «Ответ папе Римскому». За один только 1925 год ОДВФ передало Красному воздушному флоту 140 военных самолетов, построило 26 аэродромов с ангарами.

А рядом с этим значком приютился совсем простенький, отштампованный из белого металла. На нем маленький биплан с надписью «Авиахим», под которым указано: «Перелеты 1926 г.». Этот значок выпущен в память грандиозных по тем временам перелетов по маршруту Москва - Пекин на самолетах советской конструкции Р-1, снабженных первыми советскими моторами М-5.

Авиахим - это уже другое оборонное общество, созданное в 1925 году в результате слияния ОДВФ и Доброхима. У меня нет значка Доброхима и не знаю, существовал ли такой. Зато значок Авиахима, вот он - серп и молот, а на них авиационный пропеллер и химический баллон. Внизу на синей ленточке надпись: «Авиахим».

23 января 1927 года в нашей стране было создано Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству - Осоавиахим.

Кто забудет, как начинали мы штурм неба на плохоньких планерах и допотопных «летающих этажерках», собранных своими руками в мастерских Осоавиахима! А потом, когда Родина дала в руки юным совершенные машины, в первые полеты уходили ребята и девчата с комсомольскими билетами в нагрудных карманах комбинезонов. Они чувствовали, что им предстоят жестокие бои с злейшим врагом человечества - фашизмом. Именно поэтому перечеркивали небо над планетой трассы В. Чкалова и М. Громова, М. Водопьянова и И. Мазурука, В.

Гризодубовой [23] и М. Расковой. Поэтому мы, вчерашние мальчишки и девчонки, штурмовали аэроклубы и учебные заведения, овладевали оборонными специальностями.

Нас звала в небо не жажда славы. В воздухе пахло грозой. Чтобы достойно встретить ее, мы хотели иметь могучие крылья и стальную волю. И когда пошел на таран Виктор Талалихин, когда бросил свою пылающую машину на колонну фашистов Николай Гастелло - они не думали о бессмертии. Так им велело сердце! Всенародная слава, которой овеяны имена А. Покрышкина, И. Кожедуба, Б. Сафонова, явилась отнюдь не даром судьбы. Истоки ее лежат в их комсомольской юности, в их гражданском мужестве, в их партийной и комсомольской убежденности.

Обращение IX съезда ВЛКСМ «Комсомолец, на самолет!» прозвучало для молодежи не только как приказ, но и как голос совести.

Тысячи комсомольцев пришли в аэроклубы Осоавиахима, авиационные части, училища, на авиационные заводы. Те, кто стоял днем у фрезерных и токарных станков, вечерами и в выходные дни спешили на аэродром. Значок Осоавиахима виделся нам тогда как заветный пропуск в нашу летную и человеческую мечту.

В 1935 году в стране действовало 122 аэроклуба. В авиацию шли по комсомольским путевкам, и именно на плечи комсомольских призывов легла основная тяжесть воздушных боев надвигавшейся войны. А до нее были еще Испания, Хасан, Халхин-Гол. И уже в этих боях коммунисты и комсомольцы доказали свою верность интернациональному долгу, мужество, воинское мастерство.

Только в 1940 году аэроклубы Осоавиахима подготовили несколько десятков тысяч летчиков, авиамехаников в других специалистов для Военно-Воздушных Сил. Это им предстояло помериться силами с асами Геринга и Рихтгофена. И весь мир знает, чем кончилась эта невиданная в истории воздушная битва.

В тесном содружестве с Ленинским комсомолом Осоавиахим проделал в предвоенные годы немалую работу, способствовавшую подготовке народа к отражению фашистской агрессии. В небывалом патриотическом порыве устремились комсомольцы и молодежь в части действующей армии, в партизанские отряды и истребительные батальоны. Большинство ребят отлично владели оружием. [24]

Только во втором полугодии 1941 года Осоавиахим с честью выполнил задание по подготовке в аэроклубах 25 тысяч летчиков и направил в воздушно-десантные войска 114 тысяч юношей, получивших парашютную подготовку. Сотни тысяч членов

общества пришли в армию, имея специальность пулеметчиков, минометчиков, водителей автомашин, летчиков, парашютистов, и бесстрашно дрались на фронтах. 273 члена общества были удостоены звания Героя Советского Союза, десятки тысяч человек награждены орденами и медалями.

Разве не следует вспомнить добрым словом оборонное общество, столько сделавшее для страны…

* * *

Незадолго до войны начала определяться и моя судьба. Закончив 144-ю школу Ленинградского района Москвы, я осталась в ней по решению райкома комсомола старшей пионервожатой. Работая, стала одновременно готовиться в авиационный институт. А все свободное время по-прежнему проводила на аэродроме. Уже одно это обстоятельство вызывало восторг у моих подопечных.

Я была просто счастлива, узнав, что многие ребята из нашей школы твердо решили связать свою жизнь с авиацией. И желание их осуществилось. Николай Малинин и Петр Арбатский стали летчиками, Борис Ермолович и Сергей Солдатов - авиационными инженерами…

Сколько бы ни минуло лет, какие бы счастливые и радостные события ни произошли в жизни, всегда с нежностью и волнением вспоминаешь комсомольскую юность. Она - как первая любовь. И даже больше. Она - твоя судьба, и твои крылатые мечты, и все лучшее, что есть в твоей душе.

Какая наиболее характерная черта отличала комсомольцев моего поколения? Если говорить о главном, то это, пожалуй, подвижничество. У нас была своя романтика. Но в ней, как тонко заметил когда-то поэт Михаил Светлов, было больше обязанностей, чем прав. Таково было время. И не случайно мы считали счастливыми тех, кому довелось драться у Хасана и Халхин-Гола, кто воевал в небе Испании, пробивал первые трассы метро, кто, как Чкалов или Гризодубова, первыми прокладывали невидимые трассы в небе. Палатки Магнитки и Комсомольска-на-Амуре будоражили наше воображение не меньше, [25] чем сегодняшнюю молодежь будоражат полети космонавтов.

Да, таким было наше поколение. И это о нас сказал позднее поэт Василий Федоров в замечательной поэме «Седьмое небо»:

Летел
Через года тридцатые
Стремительный моторный век.

И захотела стать крылатою
Страна саней,
Страна телег.
Слова
«По- чкаловски»,
«По- громовски»
Уже слетали с наших губ,
Когда с путевкою райкомовской
Явились мы в аэроклуб.
Нас выстукали,
Нас измерили,
Нас подержали на весах.
Пять наших чувств врачи проверили -
На смелость,
Выдержку
И страх…

До сих пор помню заявление одной из моих сверстниц в аэроклуб: «Отказать мне вы не имеете права. Всю свою жизнь я готовилась к тому, чтобы стать летчицей. И, даже если вы мне откажете, я все равно ею стану». Той, которая всю жизнь «готовилась стать летчицей» было всего шестнадцать. Стала она потом, в сорок первом, не летчицей, а санитаркой. И погибла под Минском. Но разве можно сказать, что эта девушка изменила своей мечте? Разве жизнь ее не была крылатой?!

А таких заявлений были тогда тысячи.

Хмурое утро

Вглядываясь в те далекие теперь годы, я словно сквозь дымку вижу нежаркое июньское утро и двух человек с чемоданчиком на Ленинградском шоссе. В мужчине есть что-то цыганское. У него живые глаза, густые черные волосы, быстрые движения, звучный голос. Рядом с ним девушка, почти девочка, тоже черная, как галка, с большими темными глазами. [26]

- Папа, идем скорей, - торопит девушка.

- Не спеши, дочка. Успеем, - успокаивает мужчина, но все же прибавляет шаг. - А главное, не забудь: как только прилетишь, дай телеграмму.

- Хорошо, папа.

- Смотри, Маринка! Я тут совсем изведусь один. Ты хоть и летчица теперь, а для меня - все равно ребенок…

Надо ли пояснять, что там на шоссе находилась я с отцом и что было это накануне войны? Отец провожал меня на отдых в Крым по путевке ЦК ВЛКСМ.

Вскоре мы добрались до ворот Центрального аэродрома и,

предъявив билет, вышли на летное поле. Транспортный самолет показался мне громадиной. Я с любопытством обошла машину. Все в ней поражало меня. Привыкнув к маленькому учебному самолету У-2, на котором летала сама и обучала полетам других, сейчас рядом с огромной транспортной машиной я чувствовала себя маленькой и беспомощной.

Простившись с отцом, я заняла свое место в салоне…

Из жаркого Симферополя автобус должен был отвезти нас в санаторий «Красновка» в Ялте. Это был санаторий ЦК ВЛКСМ, куда направляли на отдых комсомольцев, премированных за отличную работу.

Через несколько часов предстояла встреча с морем. Я читала морские рассказы Станюковича, подолгу простаивала у картин Айвазовского, но никогда мне не приходилось видеть моря.

Наконец автобус, пропетляв, сколько положено, по раскаленному шоссе, прибыл на остановку «Перевал». Внизу ослепительно сверкало что-то огромное и светлое. Такое огромное и такое светлое, что глаза зажмуривались сами собой.

В Ялту мы приехали уже под вечер и почти тут же улеглись спать. Никакой телеграммы отцу я, конечно, не отправила, но, засыпая, дала себе слово прямо утром забежать на телеграф.

Летчики всегда поднимаются рано. Я встала первой, вышла на балкон. У самого берега высилась ель, картинно разбросавшая косматые ветви. А за ней раскинулось море. Только оно оказалось вовсе не синим. У самых берегов вода прозрачно-зеленая, дальше зелень переходит в синеву, потом приобретает сиреневый оттенок, синеет, [27] темнеет, чернеет, а уже на горизонте море снова становится светлым, почти неотличимым от неба.

Прекрасно и все вокруг. Среди переливчатой зелени краснеют пятна черепичных крыш. Синее, серое, красное, зеленое, белое - светотени создают такую гамму красок, что трудно оторвать глаза. А главное, все эти цвета и краски живут. Небо светлеет, алеет, подергивается желтизной, и море отвечает ему разноцветьем отражений. Краски неуловимо переливаются, смешиваются, становятся ярче, один тон переходит в другой, и вдруг из моря огромным огненным факелом вырывается первый ослепительный луч солнца. Тепло и празднично становится на земле. От крыш, от деревьев, от травы поднимается тончайший пар. Просыпаются птицы. Где-то слышится звон. Наступает утро.

Нет, море не обмануло меня! В жизни оно было еще прекраснее, чем в стихах и на полотнах художников!

Ночью я проснулась от страшного шума. За окном бушевал ураган, лил дождь. Утром на пляже было пустынно и неуютно. Море выглядело холодным, хмурым и все-таки было прекрасным.

Не помню, сколько времени просидела я у воды. Прошло, видимо, часа два, пока я заметила, что на пляже нет никого, кроме меня. Сердце сжалось от неясной тревоги. Я бросилась к санаторию.

Первым человеком, которого я встретила на пороге, была наша нянечка. Она как-то недружелюбно посмотрела на меня и молча отвернулась.

Ничего не понимая, я влетела в свою комнату. Постели были неубраны, мои подруги по санаторию Валя Пономарева и Тамара Кончухидзе возились около чемоданов.

- В чем дело? Куда вы собираетесь?

- Ты что, с луны свалилась? Война…

* * *

Война - короткое и страшное слово. Сразу изменило оно все вокруг. Серьезней и старше стали мои сверстники. В один миг словно поблекли яркие краски нарядного приморского города. Неуютным и неприветливым выглядел даже наш красавец санаторий.

К полудню нам стало известно: в первую очередь отправят к месту постоянного жительства военнообязанных мужчин. Как будет обстоять дело с нами, девушками, никто [28] не знал. А между тем выехать из Ялты было не так-то просто.

Мне посоветовали обратиться в местный военкомат. Я так и сделала. Зашла к военкому, сказала, что я летчица и что хочу на фронт. Военком окинул меня недоверчивым взглядом и попросил летные документы. Предъявить их я никак не могла: документы остались в Москве. Услышав об этом, военком еще раз оглядел меня с головы до ног и не без ехидства предложил зайти в следующий раз, когда стану постарше…

Испытание

Только в начале июля получила я возможность вернуться в Москву. Отец не встречал меня на вокзале. Из его записки, оставленной на столе, я узнала, что он работает подряд две смены и будет поздно. Отец осунулся, похудел. Мы не могли наговориться в тот вечер. Я призналась, что решила идти на фронт.

- Что ж, дочка, сейчас, наверное, нельзя иначе, - медленно сказал отец. - Тяжело мне, но знаю - по-другому нельзя. Человек должен жить в ладу со своей совестью. Это - главное…

Как благодарна была я ему за то, что понял меня и не отговаривал. В тот вечер я еще раз убедилась: отец был мне

прежде всего большим другом…

С просьбой об отправке на фронт мы с подругами обратились в райвоенкомат Ленинградского района. Но и в Москве в первые месяцы войны молодые летчицы-спортсменки на все заявления и просьбы о зачислении в действующую армию получали только отказы. Однако мы не унывали и продолжали писать в различные инстанции.

В райком комсомола мы заходили всегда, как в родной дом, потому что секретари районного комитета Наташа Лебедева, Сергей Косовский, Николай Абрютин понимали и поддерживали нас. Помогли они мне и тогда. Райком направил меня на должность летчика-инструктора в Центральный аэроклуб имени В. П. Чкалова.

Мне в то время едва исполнилось восемнадцать. Тысячи тысяч моих сверстников вступили в войну в сорок первом. Многие так и не вернулись домой. Давно это было. [29]

Но сколько бы ни прошло лет, какие бы бури ни сотрясали планету, через годы, как свет далеких звезд, будут доходить до живущих их голоса. Голоса, звучавшие перед атакой и расстрелом, перед последним броском в небытие и бессмертие.

В минуты наивысшего духовного накала до конца обнажалась правда характера и натуры, очищенная от всего наносного, показного и беспощадно определяющая цену человека в жизни, степень его мужества, верность флагу.

Оставшись один на один с совестью, надо было сделать выбор между жизнью и смертью. И выбор делался безошибочно. Матрос в окровавленной тельняшке поднимался с последней гранатой навстречу танку. Летчик предпочитал таран парашюту. Солдат, обнаружив, что рядом все полегли, сжав зубы, один шел на врага.

За спиной у одного из них был Севастополь, у другого - Сталинград, у третьего - безымянный грустный осенний перелесок с белым кружевом берез. За ними была вся Россия, без которой не существовало для солдата ни солнца, ни любви, ни самой жизни. А лет моим сверстникам было еще так мало, и птицы звенели в небе, и ждали любимые, и полыхали под холодными звездами черемуховые рассветы, и так неистово хотелось жить…

А когда начинаешь думать о жизни, то первые мысли твои - о матери. Ведь от нее все дороги наши под солнцем и наша судьба. Она учит сделать первый шаг в жизни, ей мы поверяем свои мечты, заботы, тревоги. И нет для матери большего счастья, чем сознание, что дети ее выросли стоящими людьми. Такими, что не подведут друга, выстоят в час испытаний, выдержат на трудном переходе.

Комсомолец Казьмин писал матери с фронта в октябре 1942 года: «Не листай, мама, закапанные воском листы древних книг, не ходи к деду Архипу Найденову, не ищи вместе с ним святого чуда. Послушай меня: мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы, мы побеждаем ее потому, что мы деремся не только за свою жизнь. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святая, святых - Родину. Когда я произношу это слово, мне хочется стать на колени».

Родина - это и ты сам, и народ, и все, чем ты живешь и дышишь, и прошлое, и настоящее, и будущее. Все вмещает в себя это понятие, всеобъемлющее и святое. [30]

Круты и не всегда солнечны пути солдата. Тем, кто прошел Великую Отечественную, хорошо это известно. Мы не знали на фронте, кто из нас доживет до победы. Зато твердо знали: будет жить Россия. А это было главным. Без этой веры был бы ничем каждый из нас, без нее невозможно было выстоять.

Любовь к Родине передается у русских людей из поколения в поколение. Не случайно нам и сегодня дороги слова, сказанные Петром перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте - ему жизнь не дорога, только бы жила Россия». Их с полным правом мог бы повторить каждый из нас в те дни.

* * *

В Москве меня ждала новость - аэроклуб Ленинградского района соединили с Центральным аэроклубом имени В. П. Чкалова. Учебные полеты в Москве были запрещены, началась подготовка к перебазированию под Сталинград, во Владимировку.

Незадолго до отъезда я на себе почувствовала безжалостный удар войны. 22 июля 1941 года несколько фашистских самолетов прорвались в город. Одна из бомб угодила в наш дом. Он пылал на моих глазах, а я стояла и смотрела, как бушует вокруг огонь.

Долго ли пробыла я в таком состоянии - не помню. Огонь постепенно утих, дымились только руины домов. По пожарищу молча, словно тени, бродили люди. Уже заалело небо, начинался новый день. В последний раз я оглянулась на место, где всего несколько часов назад стоял мой дом, и зашагала вдоль улицы. Вдруг чья-то большая рука ласково опустилась на мою голову.

- Ничего, доченька, - услышала я голос отца, - надо крепиться. Они за все заплатят сторицей…

25 июля 1941 года мы расстались с отцом. Я уезжала под Сталинград.

Глядя в бесконечно дорогие глаза, могла ли я думать, что

вижу его в последний раз.

- Береги себя, Мариночка. Помни - ты у меня одна.

- Спасибо, папочка!

Мы обнялись и поцеловались…

* * *

Страна поднялась на смертный бой. Фронт был всюду: не только на передовых позициях, но и в тылу. Жили [31] одной мыслью, одним желанием - сделать все для победы!

Мой фронт был в небе под Сталинградом. Здесь мне дали группу курсантов и сказали: «Учи!»

На аэродроме собралось много известных и неизвестных летчиков - спортсменов и планеристов. Здесь я встретилась с Валерией Хомяковой, Марией Кузнецовой, Ольгой Шаховой и другими инструкторами-летчиками, знакомыми по Ленинградскому аэроклубу Москвы. Вновь собралась дружная семья авиаторов, и это помогало в работе. Чувство товарищества, сознание, что в любую минуту у друзей можно найти совет и помощь, вселяли уверенность, прибавляли сил. А это было так важно!

Мои подопечные оказались значительно старше меня. Это, естественно, беспокоило. Одно дело заниматься со сверстниками, другое - со взрослыми. Да и инструкторским опытом я не могла похвастать.

Курсанты были людьми самых различных профессий, были в их числе даже художники Виктор Прибыловский, Владимир Переяславец, Николай Горлов. Я впервые тогда близко столкнулась с людьми искусства и, признаться, вначале относилась к ним с некоторым предубеждением. Мне казалось, летчиками могут стать только люди выносливые, для этого надо иметь призвание, внутреннюю потребность, что ли. А тут, с одной стороны, краски, кисточки, с другой - самолет; на одном полюсе созидание прекрасного, на другом - смерть, разрушение. Можно ли одновременно заниматься тем и другим? Хватит ли у них для этого сил, мужества? Но жизнь, как всегда, оказалась сложнее и многообразнее моих наивных представлений. Лишь позже я поняла, что дело не в профессии и вкусах: чем тоньше организован человек, чем больше он видит, знает, понимает, тем сильнее ненавидит смерть, все, что мешает ему творить и украшать землю, на которой живет.

Я пригляделась к «своим» художникам и постепенно привыкла к ним, сдружилась. Они оказались славными ребятами.

И если я научила их управлять самолетом, то они тоже передали мне немало полезного, прекрасного.

Все годы войны Прибыловский, Переяславец, Горлов находились на фронте, а после победы закончили студию имени Грекова. Всем троим присвоено звание народною художника РСФСР. [32]

…Под Сталинградом мы занимались подготовкой летчиков для армии. Небо здесь было пока еще мирным, людям не приходилось с тревогой ждать завывания сирен. И все же на волжское небо уже упала тень войны.

В те дни мы особенно сдружились с Валерией Хомяковой. Стоило мне завидеть на летном поле ее знакомую фигуру, почувствовать на своем плече прикосновение дружеской руки, и у меня словно прибавлялось сил.

На аэродроме было много коммунистов. И сейчас, оглядываясь на прошлое, с гордостью могу сказать, что в те тяжелые месяцы именно коммунисты сплачивали вокруг себя всех нас. И мы, комсомольцы, тянулись к старшим товарищам, верным друзьям и наставникам.

Война не отняла у нас молодости. Она сделала нас немного мудрее, заставила быстрее возмужать. Но все равно нам очень нужны были совет и помощь старших.

Если не ладилось с полетами, если попадались «трудные» ученики, если возникали непредвиденные осложнения в нашей и без того нелегкой летной жизни, я по-прежнему бежала за советом к своей старшей подруге Валерии Хомяковой. Она воспринимала наши заботы как свои собственные, не жалела ни времени, ни сил, чтобы помочь товарищам, и, если это зависело от нее, выполняла, все наши просьбы.

Под Сталинградом я вновь встретилась с Ольгой Сущинской. С ней мы учились в аэроклубе Ленинградского района столицы, одновременно получили звание летчика-инструктора. Ольга была старше меня, но это не мешало нашей дружбе. Она всегда была хорошим товарищем.

Я страстно любила авиацию и не удивлялась, когда кто-то жертвовал ради нее многим. Но вот почему Ольга - профессиональная актриса, хорошая балерина столичного театра - отказалась от искусства и всецело посвятила себя авиационному спорту, я никак не могла взять в толк.

Мы не виделись с ней, наверное, около полугода, и встреча доставила мне большую радость. В первом же совместном полете (нам приходилось много летать «на себя» - в дни командирской учебы) мы с Ольгой решили чуточку порезвиться в воздухе и проделали на У-2 больше десятка витков штопора в пилотажной

зоне. Начальник летной части В. М. Малюгин видел наше ребячество. Когда мы приземлились, он крепко отчитал обеих и в наказание [33] временно отстранил нас от полетов. Ольга сникла. Но сразу взяла себя в руки, заметив, как сильно расстроилась я. Она обняла меня за плечи, потом сделала антраша в воздухе, склонилась передо мной в грациозном поклоне. Она перестала дурачиться только после того, как заставила меня улыбнуться.

Вскоре нам, к сожалению, пришлось расстаться. Войну мы провели врозь. Однако все эти годы я не забывала подругу. Забегая вперед, скажу, что пережила истинную радость, когда в апреле 1953 года прочитала в журнале «Крылья Родины» маленькую заметку: «500-й прыжок парашютистки Сущинской».

* * *

С тревогой смотрели мы на карту, утыканную флажками. Флажки медленно, но неумолимо передвигались на восток.

Страна переживала тяжелое время. Фашистские полчища наступали широким фронтом от Балтийского до Черного моря. Враг надвигался на Москву и Кавказ, настойчиво отжимал наши войска к Волге. И все-таки народ не пал духом, не проявил ни малейшего признака растерянности. Каждый понимал: война - это не только победы.

В некоторых книгах об этой трудной поре наши неудачи в первые месяцы войны пытаются объяснить хаосом, который якобы охватил людей. Неправда это. Я, как очевидец, утверждаю: не было ничего подобного. Были временные неудачи, была страшная боль. Слишком хорошо мы понимали, что без России, без Советской власти нет для нас на земле ни счастья, ни воздуха, ни жизни.

Для тех, кто окружал меня, не существовало вопроса: быть или не быть Советской державе? Мы знали: пока жив хоть один из нас - Россия была, есть и будет.

Мы были комсомольцами, а этим сказано многое.

По мобилизации ЦК ВЛКСМ в первые три дня войны в действующую армию ушли 900 тысяч комсомольцев, и среди них 50 тысяч комсомольцев Москвы.

В течение первых пяти месяцев войны МГК партии послал на фронт 100 тысяч коммунистов и 260 тысяч комсомольцев. В ходе Отечественной войны московская организация комсомола непрерывно направляла на фронт свои лучшие силы. В битве с фашизмом участвовало четыре пятых ее состава. [34]

Около 100 тысяч юношей и девушек работали на

строительстве оборонительных рубежей под Москвой.

Я горжусь тем, что комсомольская организация столицы за активное участие в войне награждена орденом Красного Знамени. Горжусь, что 490 комсомольцев-москвичей получили высокое звание Героя Советского Союза, что десятки тысяч человек награждены орденами и медалями. Горжусь, что москвичами были Виктор Талалихин, Зоя Космодемьянская, Николай Гастелло, Александр Матросов и Тимур Фрунзе, имена которых будут вечно жить в памяти народной.

Как и во времена Николая Островского, комсомольская сталь закалялась в огне сражений, в напряженном, самоотверженном труде. Юноши и девушки, вчерашние школьники, не знавшие до тех пор ни голода, ни нужды, в суровый час испытаний проявили выдержку, стойкость и непоколебимую веру в победу{1} .

Многое дал каждому из нас комсомол. Мне, например, он дал не только крылья. Он определил мое место в строю, дал почувствовать, что я нужна людям. А это ощущение, по-моему, уже само по себе является одним из элементов челрвеческого счастья. И если разобраться серьезно и глубоко, оно крепко связано с комсомольской юностью.

Тридцать лет минуло после войны. У нас было время все продумать, мысленно оглядеть прошедшее, сделать для себя выводы на будущее, а главное - еще и еще раз прочувствовать, как прочно связана твоя судьба с судьбой Родины.

Я не люблю романов, повестей и пьес, где годы войны изображаются как время страданий, жестокости, ошибок. Я не верю таким книгам, потому что сама была солдатом, пережила горечь потерь и боль отступления, видела обездоленных советских людей.

Но я видела и победу. Видела ежеминутный, непрекращавшийся во времени подвиг. Видела, как чувство ответственности за судьбу России поднимало и очищало людей.

Там, под огнем, человек обнажался. Он был или героем или трусом. Мужественным или слабым. В главном [35] свет и тень были разграничены четко и резко. Могу с полной ответственностью сказать, что именно душевный свет, озарявший советского человека, определил исход борьбы с врагом.

На гигантские нравственные вершины взошел тогда русский народ. И художник, который не замечает этого, никогда не сможет правдиво показать войну.

Мы - солдаты!

Шли дни. Полеты, разборы, теоретические занятия. К вечеру уставали так, что засыпали, едва положив голову на подушку. А

утром, чуть свет, вновь на ногах. И опять полеты, полеты, полеты…

В один из октябрьских дней до Владимировки дошла весть, всколыхнувшая всех летчиц: Расковой поручили формировать женскую авиационную часть.

Сбывалось наше заветное желание громить врага в одном боевом строю с мужчинами. Девушки-летчицы кричали «ура», обнимались, поздравляли друг друга.

Через несколько дней мы узнали все подробности. Оказалось, что уже с начала войны в Центральный Комитет партии, ЦК ВЛКСМ и другие организации ежедневно приходили десятки писем от летчиц Осоавиахима, Гражданского воздушного флота и просто от девушек, работавших на различных авиационных предприятиях, с просьбой направить их на фронт.

Партия и правительство пошли навстречу желанию советских патриоток, и в сентябре было вынесено решение о создании женских авиационных полков, костяк которых должны были составить летчицы-спортсменки и пилоты ГВФ.

Вместе со своими помощницами - неоднократной мировой рекордсменкой Верой Ломако, известными летчицами сестрами Тамарой и Милицей Казариновыми, комиссарами Евдокией Рачкевич и Линой Елисеевой, с политработниками и другими опытными летчицами - Раскова составляла списки женщин-авиаторов, разыскивала их в Гражданском воздушном флоте, в аэроклубах, в авиационной промышленности. [36]

Имя Расковой было овеяно легендой, и сотни женщин с разных концов страны откликнулись на ее призыв.

Вскоре в Москву вызвали некоторых наших летчиц. Первыми уезжали Валерия Хомякова, Ольга Шахова, Мария Кузнецова, Раиса Беляева, имевшие большой опыт летной работы. Мы, молодые летчицы, смотрели на них с завистью и, прощаясь, жалобно просили замолвить словечко за нас.

Формирование женской авиационной части вначале проходило в Москве. К Марине Расковой шли и шли девушки с производства, из институтов и техникумов. В одну шеренгу с опытными летчицами становились совсем юные, но смелые сердцем и стойкие духом. Большинство девушек не только никогда не летали, но даже не знали самолетов. При этих условиях очень нелегко было создать в сжатые сроки боеспособные воинские части.

* * *

Сотни комсомолок собрались в ЦК ВЛКСМ 10 октября 1941 года. Длинная очередь выстроилась к отделу кадров.

Екатерина Рябова, которая была тогда студенткой Московского университета, рассказывала позже:

Мы пошли в вузком комсомола. Там стали убеждать, что в армии будет очень трудно, может, не по силам даже. Потом упорно интересовались, не жалко ли оставить родителей. Тех, кто колебался, сразу вычеркивали из списка… Я держалась стойко и была готова переносить любые трудности, только бы попасть на фронт. Оставшихся в списке пригласили в ЦК комсомола. Здесь тоже отговаривали. И все же те, кто держался твердо, прошли. Нас зачислили вооруженцами и сказали, что командиром будет Марина Раскова. Никто не знал, что такое «вооруженцы», но все тут же согласились…

Сборным пунктом формирования женской авиационной части стала Военно-воздушная академия имени Жуковского. Сюда направлял девушек ЦК комсомола, сюда же со всех концов страны, из глубокого тыла и из фронтовых частей, приезжали женщины-авиаторы, которые должны были составить боевое ядро женских авиационных полков.

* * *

Я по- прежнему занималась подготовкой летчиков для армии. От подруг, которые первыми уехали в женскую [37] авиачасть, не было никаких вестей. Я ходила расстроенная. Дужнов и Мацнев при встречах только разводили руками, давая понять, что помочь ничем не могут. Наконец пришла долгожданная телеграмма: «Чечневу откомандировать в распоряжение Расковой».

Я выехала в Энгельс{2}.

Город Энгельс. Здесь началась моя дружба со многими девчатами, с которыми мы затем вместе прошли по долгим дорогам войны. Большинство девушек (я говорю здесь лишь о тех, кто впоследствии вошел в состав нашего полка) уже были знакомы друг с другом - либо раньше встречались, либо учились вместе. Надя Попова, Лариса Розанова, Соня Бурзаева, Катя Пискарева перед войной закончили Херсонскую авиашколу Осоавиахима и работали летчицами-инструкторами. Сима Амосова, Дина Никулина, Оля Санфирова, Вера Тихомирова летали на мирных трассах ГВФ. Наиболее многочисленной была группа москвичек. Ирина Ракобольская, Аня Еленина, Катя Рябова, Женя Руднева, Дуся Пасько, Руфа Гашева, Полина Гельман, Леля Радчикова были студентками Московского

университета. Галя Докутович, Наташа Меклин и Рая Аронова занимались в авиационном институте. А Таня Сумарокова и Катя Доспанова готовились стать врачами.

Едва я прибыла в формируемую женскую авиачасть, во мне вновь пробудилась старая мечта стать истребителем. Мне казалось, достаточно попасть на прием к Расковой - и я сумею упросить ее поддержать мою просьбу.

Встреча с Расковой состоялась раньше, чем я могла рассчитывать. Как-то, идя по коридору, я услышала обращенные ко мне слова:

- Вы уже тут? Ну здравствуйте, истребитель!

Я обернулась. Знакомое милое открытое лицо, светящиеся умом ласковые глаза, решительный росчерк бровей, высокий красивый лоб, гладко зачесанные назад и собранные в тугой пучок волосы.

- Марина Михайловна! Товарищ майор, - тут же поправилась я, - летчик-инструктор Чечнева прибыла в ваше распоряжение.

Раскова улыбнулась и протянула мне руку. [38]

- Рада вас видеть. А вы повзрослели, возмужали. Это хорошо. Ну, пошли ко мне, - сказала она, распахивая дверь кабинета.

Марина Михайловна долго расспрашивала меня о прошлой работе. Узнав, что я летаю ночью, удивленно вскинула брови:

- Даже так? Это чудесно, такие летчики нам очень нужны.

- Для ПВО? - обрадованно спросила я, имея в виду истребительную авиацию.

- Не только для ПВО. - Раскова помолчала и неожиданно предложила: - Хотите летать на ночных бомбардировщиках ближнего действия?

Я не сразу поняла ее.

- Разве такие имеются?

- Конечно. И вы их отлично знаете, только не догадываетесь. Это ваши У-2.

У меня вытянулось лицо.

- Ну вот и разочарование. А работа предстоит интересная. Будет создан полк ночников, оснащенный У-2. Цель его - оказывать помощь наземным войскам непосредственно на передовой. Хорошая маневренность этой машины, неприхотливость в эксплуатации, простота в управлении позволят проводить на ней такие операции, которые быстроходным или тяжелым машинам вовсе недоступны. К примеру, бомбежка с малых высот огневых точек противника, его ближайших тылов и коммуникаций, разведка. Опасно, но увлекательно! Я не тороплю вас с ответом. Подумайте, а потом приходите ко мне.

Я согласилась не раздумывая, увлеченная ее рассказом. И

лишь когда вышла за дверь, с грустью вспомнила об истребителях. Но расстраиваться не стала. Впереди меня ждал фронт. А это в конечном счете было самое главное…

* * *

Группа формирования женских авиационных частей значилась в городе Энгельсе в качестве авиационной части № 122. В часть продолжало прибывать пополнение. Через приемную комиссию прошло более тысячи девушек.

С приездом в Энгельс весь личный состав распределили по группам. В летную вошли летчицы из аэроклубов [39] и Гражданского воздушного флота, в штурманскую - штурманы, получившие это звание в авиашколе Осоавиахима, и студентки вузов. Тех, кто имел техническое образование, определили в группы авиамехаников по вооружению, по приборам и по эксплуатации.

В соответствии с приказом командующего Военно-Воздушными Силами страны генерала А. А. Новикова{3} надлежало в самые короткие сроки сформировать не один, как предполагалось первоначально, а три авиационных полка: 586-й истребительный, 587-й бомбардировочный и 588-й ночных бомбардировщиков. Номера полков уже существовали, но сами полки вплоть до февраля 1942 года значились только в приказе. Предстояло отобрать людей в соответствии с их знаниями, опытом, возможностями, подготовить их, помочь овладеть боевой техникой, а главное - перевоспитать их, покончить с настроениями мирного времени, установить воинский порядок, привить строгую дисциплину. Примечательным в этом смысле было первое по прибытии в Энгельс «Приказание штаба особых полков от 25 октября 1941 года», гласившее:

Всему личному составу приказываю: перед баней пройти стрижку волос.

Устанавливаю для всего личного состава сбора единую прическу: перед - на пол-уха и под польку - затылок.

Ношение других видов причесок только с моего персонального в каждом отдельном случае разрешения.

Нач. сбора особых полков Герой Советского Союза майор Раскова.

Вот с каких мелочей пришлось начинать Марине Михайловне Расковой.

* * *

Курс обучения летно-техническим специальностям в мирное время был рассчитан на три года, теперь его предстояло пройти в весьма сжатый срок. Если учесть, что никто из нас не был знаком ни с тактикой, ни со штурманским делом, ни с бомбово-стрелковым вооружением, ни с другими дисциплинами, без знания которых нельзя было обойтись в боевой обстановке, то можно представить, какая огромная нагрузка легла на плечи девушек-добровольцев. [40]

Особенно трудно приходилось штурманам. До войны женщин-штурманов в авиации было немного. А тогда, в сорок первом, девушкам, в большинстве своем вчерашним студенткам и работницам, предстояло за короткое время овладеть аэронавигацией и бомбометанием. Группа штурманов была наиболее многочисленной, сюда-то и нацелили свое внимание партийная и комсомольская организации, а также политработники.

Времени на занятия уходило по 13 часов в сутки, и еще, кроме того, после обеда приходилось заниматься азбукой Морзе, - вспоминает Полина Гельман. - *Но мы ни перед чем не пасовали, ведь все мы пришли добровольно, никто не заставлял идти на фронт, поэтому все силы отдавали учебе, горели желанием как можно быстрее попасть на фронт.*

Занимались много, но никто не жаловался. Хотя мы и не приняли еще воинскую присягу, каждая мысленно считала себя солдатом с первого часа войны. Это чувство заботливо поддерживали старшие товарищи - командиры и политработники.

Организатором боевой подготовки, душевным наставником женщин-авиаторов была майор М. М. Раскова. Она уделяла много времени контролю за учебой, принимала экзамены и зачеты по многим дисциплинам, не только учила, но постоянно училась сама.

* * *

…День и ночь над аэродромом гудели самолеты. Летчики нужны были фронту. Поэтому мы, не жалея сил, снова и снова отрабатывали боевые полеты.

Не легко и не сразу дались нам маршрутные полеты, выходы на цель в непроглядной тьме, когда небо закрыто тучами и не видно ни звезд, ни лупы, учебные прицельные бомбометания по полигону, освещенному на какие-то доли секунды

осветительными бомбами.

Однажды я вернулась из ночного полета в подавленном состоянии - очень неудачно приземлилась, едва не разбила машину.

Спрыгнув на землю, я в сердцах бросила подруге:

- Не выйдет из меня ночника! Видишь, какая неудачная посадка…

- Надо сделать так, чтобы вышел, Чечнева! - раздался из темноты резкий голос Расковой. [41]

- Все равно не выйдет! - упрямо стояла я на своем. Марина Михайловна внимательно посмотрела на меня.

Я опустила глаза.

- Это у нее пройдет, товарищ майор, - вступилась за меня Надя Попова.

- Вот что, Чечнева, успокойся, не нервничай… Выше голову! После войны хочу видеть у тебя ордена. Не меньше двух!

- Так уж и двух!…

Раскова засмеялась:

- Три можно. А меньше двух не пойдет!…

Марина Михайловна повернулась и зашагала к другому самолету. Я видела, как она с завидной легкостью вскочила на плоскость крыла и стала что-то объяснять летчице.

Такой Раскова была всегда. В любое время суток она находилась рядом со своими девушками: проводила разборы, летала, беседовала с людьми, отдавала распоряжения, внимательно присматривалась к подчиненным, учила их. Казалось, она никогда не отдыхает, во всяком случае, ее постоянно видели за делом. Мы не замечали у Марины Михайловны внешних признаков усталости. Она умела владеть собой. Всем нам казалось, что эта женщина обладает невиданной энергией.

* * *

Трудно было не одной мне. Женя Руднева исповедовалась в дневнике:

Сижу на морзянке и огорчаюсь. Ничего у меня не клеится: с цифрами еще кое-как, а вот с буквами я никак не справлюсь, мы принимаем по радио, сразу на слух. Сейчас мы разучили условные знаки радиообмена, так я, наверное, всегда буду сообщать, что слышу плохо, не поняла и чтобы давали медленнее. И интересно получилось: эти звуки я сразу усвоила. Ну да ладно, справлюсь.

Ежедневные занятия требовали максимальной отдачи сил. А

тут еще частые тревоги, дежурства на старте в снежные ночи, разогревание промерзших моторов перед вылетами, короткие проводы и долгое ожидание подруг с учебных полетов…

Зима в тот год выдалась на редкость суровой. Стояли сорокаградусные морозы. Доставалось всем - и нам, летчицам, и штурманам. Но особенно лихо было техникам и [42] вооружением. Во время учебных полетов с рассвета и до вечерней зари девушки находились на аэродроме. Они готовили машины в пургу и метель. На ветру замерзали лица, от металла коченели руки даже в теплых рукавицах, но наши верные помощницы не уходили, пока не была проверена каждая гайка, каждый винтик. И я не припомню случая, чтобы в тот период из-за технической неисправности у какой-либо машины отказал мотор. Именно здесь, в суровых испытаниях, родилась наша дружба со специалистами наземной службы и твердая уверенность в них.

К началу февраля 1942 года уровень подготовки личного состава женской авиационной части позволил приступить к главному - формированию, обучению и сколачиванию авиационных полков.

В силу специфики боевой подготовки формирование полков проходило в различные сроки. Первым был сформирован 586-й истребительный женский полк, командиром которого назначили одну из опытнейших летчиц нашей страны майора Тамару Александровну Казаринову. Этот полк получил на вооружение новейшие по тому времени истребители конструкции А. С. Яковлева - Як-1. Истребительный полк был укомплектован и обучен раньше других и вошел в состав 144-й авиационной дивизии ПВО города Саратова. Там он принял боевое крещение, там начался его боевой путь.

Вторым был сформирован 588-й авиационный полк ночных бомбардировщиков, все должности в котором занимали женщины. Он состоял из двух эскадрилий. Командиром полка назначили Евдокию Давыдовну Бершанскую.

Отличная летчица, она несколько лет трудилась в Батайском авиационном училище, умела быстро сходиться с людьми. Еще в 1937 году за успешную преподавательскую деятельность Бершанскую наградили орденом «Знак Почета».

Перед войной Евдокия Давыдовна работала в отряде специального применения. Она обслуживала колхозы, летала на пассажирских и почтовых линиях, одновременно, как депутат Краснодарского городского Совета и член горкома партии, вела большую общественно-политическую работу.

Майора М. М. Раскову и старшего лейтенанта Е. Д. Бершанскую связывала крепкая и сердечная дружба. [43] С самого

начала Марина Михайловна встретила Евдокию Давыдовну просто и тепло, словно они были давно знакомы. Эти две коммунистки служили примером во всем для нас, молодых девушек.

Начальником штаба полка стала бывшая студентка четвертого курса механико-математического факультета МГУ Ирина Ракобольская.

Меня назначили начальником штаба, - вспоминала она впоследствии. - *Командир полка Е. Д. Бершанская ходила с орденом в звании старшего лейтенанта - и меня к ней начальником штаба! Я тогда еще не имела никакого звания, не имела даже представления, что должна делать. Помню, нужно было оформлять аттестации на звания, но, ввиду того что это делалось впервые, пришлось переписывать их по пять раз. В приказе № 1 было зафиксировано, что мы приступили к исполнению обязанностей. Вторым приказом утверждалось распределение по экипажам личного состава и назначение должностных лиц. Вначале мы чувствовали себя неловко: ведь совсем недавно все были на одинаковом положении, а тут вдруг я - командир. Вхожу в комнату - все должны встать, спросить разрешения и т. д. Не сразу удалось мне освоиться с новым положением, и далось это нелегко.*

Бывший инженер Иркутской летной школы Софья Озеркова, талантливый, знающий свое дело специалист, была назначена на должность инженера полка. Она обучала техников прямо у самолета, была очень справедливой и требовательной, не допускала поблажек. Ведь от того, как работает на земле техник, зависит надежность машины в полете. В подчинении Софьи Озерковой находились такие опытные специалисты, как инженер полка по вооружению Надежда Стрелкова и инженер по электроспецоборудованию Клавдия Илюшина. Штурманом полка стала Софья Бурзаева. Все они были отличными специалистами своего дела и авторитетными командирами.

Особенно мы обрадовались, узнав, что комиссаром назначена Евдокия Яковлевна Рачкевич. Очень скоро мы между собой стали называть ее «наша мамочка». Возможно, это звучит сентиментально, но Рачкевич действительно стала для нас не только командиром, старшим товарищем, но и близким, родным человеком. С ней мы могли делиться любыми, самыми сокровенными мыслями, любыми своими переживаниями. Мы доверяли ей даже свои тайны. [44]

Евдокия Яковлевна имела огромный жизненный опыт. Дочь бедняка, она рано познала нужду и горе. Уже в детстве Дуся отличалась удивительно сильным для ребенка характером. Ей,

одиннадцатилетней девочке, доверяли партизаны, поручая некоторые задания. Отец, опасаясь репрессий, ругал дочку. Но Дуся не отступала от своего. Нашелся предатель, который донес петлюровцам на ребенка. Однажды бандиты ворвались в дом ее родителей, учинили погром, а девочку увезли с собой. На допросе ее избили, пытаясь выяснить, что она знает о партизанах. Дуся молчала.

Через две недели партизанам удалось освободить свою юную помощницу. Дуся вернулась домой. Родители запретили ей общаться с партизанами. Однако девочка не послушалась и на этот раз. Вскоре она помогла выследить и разгромить банду.

В 1920 году Дуся навсегда покинула родительский дом и стала воспитанницей пограничного отряда. Здесь она вступила в комсомол, затем в партию, отсюда уехала в Киев на юридические курсы. Закончив их, стала работать судьей в Каменец-Подольске, где ее несколько лет подряд избирали членом бюро окружного комитета партии.

С этого времени Евдокия Яковлевна постоянно находилась в самой гуще жизни. В 1932 году она - на военной службе в кавалерии. Затем получает направление на учебу в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, с отличием заканчивает ее и становится преподавателем военного училища связи в Ленинграде. Начало войны застало ее в адъюнктуре академии. Партия послала коммунистку Рачкевич комиссаром формирования женской авиационной части. Затем она стала комиссаром полка ночных бомбардировщиков.

С первых дней работы в полку Евдокия Яковлевна стремилась внести в наш коллектив атмосферу сердечности и настоящей дружбы. И это ей удалось.

Вскоре нас распределили по экипажам. Вместе со штурманом Ольгой Клюевой я попала в эскадрилью бывшей летчицы Гражданского флота Серафимы Амосовой. В Амосовой все дышало благородством. Уже с первого знакомства в ней угадывалась большая внутренняя сила. Немногословная, выдержанная, Амосова никогда не повышала голоса, не раздражалась, работала без спешки. Красивые серые глаза ее были всегда спокойны и внимательны, [45] но иногда взгляд их становился холодным, острым. Только глаза и выдавали ее настроение, а сама она по-прежнему оставалась выдержанной, рассудительной. И все же мы, ее подчиненные, хорошо знали: провинишься - пощады от командира не жди.

Комиссаром эскадрильи была Ксения Карпунина, дочь потомственного пролетария. Отец ее сражался в дивизии Щорса и погиб на фронте, когда Ксения только начинала ходить. Поэтому

жизнь рано преподала ей свои суровые уроки. К тому времени, когда она пришла к нам, Карпунина имела уже, несмотря на молодость, большой жизненный опыт и солидный стаж комсомольской и партийной работы.

* * *

Итак, полк сформирован. Снова началась напряженная учеба. Мы учились летать в лучах прожекторов, осваивали искусство противозенитного маневра, бомбежку с низких высот.

Наш полк получил на вооружение маленькие, скромные самолеты У-2, знакомые многим летчицам по аэроклубам. Этот самолет был создан замечательным советским авиаконструктором Н. Н. Поликарповым еще в 1927 году и вступил в эксплуатацию в 1928 году. За время, минувшее с тех пор, советская авиационная промышленность выпустила много разнообразных типов самолетов всевозможного назначения, совершенствовавшихся из года в год. А У-2 продолжал свою службу, завоевывая все большую популярность. Он был предназначен для учебных полетов в аэроклубах, но нашел широкое применение в народном хозяйстве, а в годы войны был санитарным, связным и боевым самолетом - легким ночным бомбардировщиком. Скорость У-2 имел небольшую, грузоподъемность незначительную. Но зато отличался простотой управления и, самое главное, не требовал для взлета и посадки площадки больших размеров.

В военное время под плоскостями и фюзеляжем самолета делалось шесть-восемь бомбодержателей, а тросы от замков проводили в кабины летчика и штурмана. Прицел для бомбометания был еще проще - на правом борту кабины штурмана устанавливались два металлических стержня, покрытые светящимся составом, а в правой плоскости располагалось окошечко для просмотра земли во [46] время прицеливания. Однако небольшая скорость, отсутствие брони, низкий потолок полета позволяли использовать самолет лишь ночью.

Как только не называли этого труженика войны: летчики полков У-2 - королем воздуха, пехота - старшиной фронта, партизаны - огородником или кукурузником, а гитлеровцы боялись У-2 не меньше других самолетов, хотя и называли его «русфанер».

Трудно перечислить все, что делал этот небесный тихоход в дни войны, - вспоминает летчик 1-го класса полковник Б.

Степанов. - *Перевозил раненых, летал на разведку, проверял маскировку своей артиллерии, телефонную и телеграфную связь, а при необходимости рвал провода «кошкой», сбрасывал листовки и всегда был в готовности № 1 для вылета на бомбометание. В качестве пассажиров на нем перевозили солдат и маршалов, членов военных советов, командующих армиями и фронтами, корреспондентов, медицинских сестер и врачей, писателей, артистов, интендантов и адъютантов.*

Этот неприхотливый самолет и предстояло освоить личному составу нашего полка. Освоить не только его материальную часть, но и разнообразную тактику применения. Тут-то и выяснилось, что большинство летчиц ночью никогда не летали, а те, кто летал, имели очень маленький налет часов. Необходимо было приобрести опыт ночного самолетовождения. С этой целью летчицы учились управлять самолетом днем, не видя земли, в закрытой кабине, только по командам опытных летчиков и по показаниям приборов. Командир полка старший лейтенант Е. Д. Бершанская летала днем и ночью с каждой из нас. Потом в полеты включались молодые, только что обученные штурманы, которые уже знали теорию, но не имели летной практики. Командир полка уделяла много внимания и штурманам, вкладывала в их обучение все свое умение и мастерство.

* * *

8 февраля 1942 года состоялось первое в полку организационное партийное собрание. К этому времени на партийном учете было 17 членов и кандидатов партии. На собрании избрали бюро, секретарем которого стала политрук Мария Ивановна Рунт. На другой день состоялось первое организационное комсомольское собрание. 82 комсомолки [47] единодушно избрали секретарем бюро полковой организации Ольгу Фетисову, ранее работавшую в ЦК ВЛКСМ.

Коммунистки и комсомолки составляли большинство личного состава, и не случайно наш полк с первого дня считался партийно-комсомольским.

Партийная и комсомольская организации под руководством комиссара полка Рачкевич помогали командованию выполнить главную задачу: научить личный состав технике пилотирования в ночных условиях и грамотной эксплуатации материальной части, сплотить нас в дружный коллектив, с крепкой воинской дисциплиной и сознательным отношением к делу. И добились прекрасных результатов.

* * *

В конце февраля произошло важное событие в жизни полка: те из нас, кто еще не принял военную присягу, в тот день присягали на верность Родине, своему народу. Эта торжественная церемония проходила в большом зале. Мы построились в ровные, как по линейке, ряды. Вынесли Знамя. Наступила минута тишины, а потом мощное эхо разнесло по зданию повторяемые сотнями голосов слова присяги.

Вместе со всеми произношу:

…вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь…

Вот теперь мы стали настоящими бойцами. Теперь мы связаны нерушимым воинским долгом и честью с теми, кто уже пролил свою кровь на поле брани. И если мы нарушим присягу, пусть всеобщее презрение и смерть покарают каждую из нас.

Однажды после трудного полета по маршруту в сложных метеоусловиях подошла ко мне Сима Амосова.

- Тебе нужно хорошенько отдохнуть, - ласково, но твердо сказала она. - Завтра предстоит учебное бомбометание на полигоне… Кстати, как выполнили задание сегодня? - поинтересовалась комэск.

Я была недовольна собой и честно призналась в этом.

- Мужество состоит не только в том, чтобы с первой попытки достичь цели, - заметила после паузы Амосова. - Волевой человек мужествен и в неудачах. Он не раскисает, а становится злее, упрямее. Он учится на ошибках. И потому способен выполнить любое задание. [48]

Сказать, что я была благодарна своему командиру Симе Амосовой за то, что услышала, - значит ничего не сказать. В тот момент мне были просто необходимы такие слова. И они вызвали ответное движение сердца. Трудно передать, что я испытала. Но с той поры приказ командира перестал быть для меня просто уставной формулой, не подлежавшей обсуждению. Весь смысл моей жизни заключался отныне в том, чтобы не подвести человека, который верил в меня и в дни побед, и в дни поражений.

Психологически все это очень сложно, но в то же время легко объяснимо. В молодости всегда кажется, что любое испытание тебе по плечу. Кажется до тех пор, пока не убедишься: одного желания мало! Нужны и воля, и упорство, и мужество. И наконец, самый элементарный боевой опыт, который позволяет

неоперившимся птенцам становиться со временем орлами.

Я ненавижу бодряческие книжонки, где подвиг не вершится, а делается по нехитрому литературному шаблону. Скольких подруг мы потеряли, сколько раз сами побывали на грани смерти, прежде чем обрели воинское мастерство, которое с поправками на неизбежные случайности войны предопределяло победу, а не поражение в бою.

Нехитрое дело «геройски» пойти на зенитный огонь, чтобы тебя разнесло на куски, когда ты еще не дошла до цели. Истинное геройство состоит в том, чтобы умело провести машину через огонь, поразить противника и вернуться, пусть пощипанной, к своим: каждый самолет был тогда на учете. А если уж приходилось погибать, если складывалась безвыходная ситуация, то истинные солдаты даже смертью своей причиняли урон врагу.

* * *

Наступила весна сорок второго. Потемнел и осел на пригорках снег. Днем на солнце звонко барабанила хрустальная капель. Ветер расшвыривал тяжелые плотные облака, среди которых все чаще сверкали голубые окна. Оттуда лились на озябшую землю тепло и свет. Но зима не сдавалась без боя, отходила медленно. Из-за часто меняющейся погоды летчицам и штурманам приходилось быть настороже. И все же избежать ее коварства не удалось. [49]

Полк уже готовился к отправке на фронт. В ночь на 9 марта все эскадрильи уходили в последний учебный полет по маршруту и на бомбометание. Ночь выдалась теплая. Над землей висела дымка, горизонт просматривался плохо. Но особых затруднений не предвиделось. Метеорологи предсказали хорошую погоду, и мы со спокойной душой поднялись в воздух.

Вначале действительно все шло хорошо. Но когда мы уже совершили большую часть пути и находились на последнем этапе выполнения задания, погода вдруг резко изменилась. Видимость совсем пропала. В этой обстановке два экипажа потеряли пространственную ориентировку и разбились.

В ту ночь погибли четыре наши подруги: Лиля Тармосина, Надя Комогорцева, Аня Малахова и Маша Виноградова. Все мы были потрясены случившимся, но особенно тяжело переживала Надя Попова: с первых дней она дружила с Лилей. Девушки бывали вместе и на занятиях, и в полетах, и в общежитии. В свободные минуты они тоже держались рядом: Лиля обычно садилась за рояль, а Надя Попова пела. И Тармосина, и ее

штурман Надя Комогорцева отличались исключительной скромностью. Комогорцева была прекрасной спортсменкой и готовилась стать математиком…

Вскоре после войны я побывала у матери погибшей Ани Малаховой. Елена Ивановна долго рассказывала мне о детстве дочери, о ее учебе, о первых шагах в авиации…

Через два дня мы похоронили погибших подруг.

Первые потери… Смерть прошла рядом и жестоко напомнила о себе. Это случилось настолько неожиданно, что многие девушки растерялись и несколько дней ходили подавленные, молчаливые.

После катастрофы стало ясно, что всем нужно еще много учиться, накапливать опыт, шлифовать мастерство, если мы хотим стать настоящими летчицами.

Смертью подруг была омрачена радость от сознания скорого вылета на фронт. И так всегда - горести и радости шагают рядом. И те и другие оставляют заметный след. Но жизнь неумолимо идет вперед, диктует свои законы. Затягиваются раны, и человек с нетерпением снова пытается заглянуть в будущее.

…Жизнь многих из нас, кого коснулись участие, совет, поддержка Марины Расковой, сложилась иначе, чем могла [50] сложиться. Щедро передавала нам эта замечательная женщина свой ум, талант, мужество, мастерство. Мы, ее воспитанницы, обязаны ей очень многим.

Прекрасным и удивительным человеком была Марина Михайловна. Мне посчастливилось узнать ее как доброго старшего друга, требовательного командира, сердечного наставника. Для меня она осталась на всю жизнь редким примером сочетания покоряющей женственности и строгой деловитости.

А несколько лет назад мне довелось прочитать ее письма к матери. Немного сохранилось этих писем, как немного их было и отправлено. С благоговейным волнением читала я их: ведь писались они как раз в тот период, когда нас готовили к боевой работе на фронте.

2 апреля 1942 года.

…У нас испортилась погода. Два дня стояла такая пурга, что в 5 метрах не было видно человека. При этом ветер достигал силы 20 метров в секунду. Это настоящий шторм! Ломало крыши, поломало дверь в мой ангар. Хлопот было много. Необходимо было сохранить все свои самолеты - и в ангарах, и стоящие просто на поле. Это стоило большого труда, но все обошлось благополучно: все наши чудесные самолеты целы.

Правда, когда пурга, стихла, все мы были похожи на чучела, так как наша одежда была покрыта коркой льда, а когда лед

растаял, то все было мокрое, хоть выжимай. Еле-еле успевали высушиться и снова бежали сменять тех, кто уже обледеневал, защищая от стихии самолеты. Сделав небольшую передышку, пурга замела снова. Но за это время мы уже успели кое-что укрепить, и новая пурга принесла нам меньше хлопот.

Мой народ показал себя замечательно. В пурге пробирались они к стоянкам самолетов в тесном строю, держа направление по компасу, так как ничего не было видно. Это был хороший экзамен и для меня…

15 мая 1942 года.

…Наша жизнь прекрасна великой исторической героикой. Какие подвиги способен совершить наш народ и какой единой волей в борьбе за свое счастье и свободу спаян наш великий Союз! Люди сейчас на глазах растут во всем своем величии…

Дополнительную программу, рассчитанную на март, апрель и половину мая, которую после гибели наших четырех [51] подруг прислал штаб ВВС Приволжского военного округа, полк ночных бомбардировщиков выполнил успешно.

Теперь нашей ближней далью был фронт. Там, через всю страну, от студеного Северного моря до сверкающих горных вершин Кавказа, протянулась искромсанная и истерзанная войной, пропитанная гарью и кровью полоса земли, где жизнь со смертью наравне. Эта земля властно звала нас. Я хотела идти туда коммунистом… Кандидатом в члены КПСС я стала раньше. Теперь, в мае, перед самым вылетом подала заявление о приеме в члены партии.

На партийное собрание пошли вместе с парторгом полка Марией Рунт. Я, конечно, волновалась. Рунт увидела это. Попыталась успокоить меня.

- Какая же ты трусиха! - шутливо заметила она. - А казалась такой боевой. Вот уж не думала!

- Мария Ивановна, а вдруг не примут?…

В небольшой комнате уже собрались все коммунисты. Под их взглядами я совсем растерялась. Мое счастье, что рядом оказалась комэск Сима Амосова: ее тоже принимали в члены КПСС. Амосова сразу поняла мое состояние. Она легонько коснулась моего плеча. Волновалась она. не меньше, чем я, но внешне была совершенно спокойна. Словно сквозь сон, услышала я, как парторг прочитала мою анкету, рекомендации, заявление. Каким-то чужим, хриплым голосом я начала рассказывать биографию.

К моему удивлению, вопросов мне не задавали.

- Знаем ее! - послышалось с мест.

- Кто за то, чтобы принять Чечневу Марину Павловну в члены

партии, прошу голосовать, - сказал председатель.

Я была принята единогласно. Тут же на собрании меня поздравляли, жали руку. А когда вернулись в общежитие, Мария Рунт громко объявила:

- Товарищи, сержант Чечнева принята в ряды Коммунистической партии!…

В мае 1942 года в партию вступили многие наши девушки.

В том же месяце комиссия штаба Военно-Воздушных Сил Приволжского военного округа признала, что в нашем полку ночных бомбардировщиков все подготовлено к перебазированию на фронт. Майор М. М. Раскова вылетела [52] в Москву с докладом. Дожидаясь ее возвращения, мы тщательно изучали маршрут предстоявшего большого и трудного перелета.

Наконец был получен долгожданный приказ.

Перед вылетом на фронт Марина Михайловна Раскова сказала нам:

- Свою преданность Родине вы доказали в учебе. Теперь докажите в бою. Это будет потруднее. Но я в вас верю. Верю, что со временем вы станете гвардейцами…

В солнечный день 23 мая самолеты вырулили на старт, выстроились поэскадрильно, взлетели звено за звеном. Лидировали в воздухе командир полка Бершанская с майором Расковой. Сделав круг над аэродромом, мы легли на заданный курс.

Прощай, школа! Мы долго будем помнить тебя. Здесь, в Энгельсе, мы стали солдатами. Здесь нам вручили машины, отсюда мы ушли в бой. Кончилась учеба, началась боевая страда. Мы перешагнули порог войны.

В моей летной биографии тоже начался другой, боевой, самый трудный период - период испытания на мужество в огне сражений.

Во имя жизни

Мы вылетели на Южный фронт. Но Марина Михайловна Раскова еще не оставила нас. Полетела вместе в Донбасс, чтобы познакомиться с воздушной армией, в которую был назначен наш полк.

Когда был получен приказ о зачислении нашего комсомольского полка в состав 218-й ночной бомбардировочной дивизии, Раскова, выстроив личный состав, прошла вдоль строя, вглядываясь в наши лица.

- Счастливого неба, девушки! Счастливого неба!… - негромко говорила она на ходу.

Это были последние слова Марины Михайловны, которые мне

довелось услышать. Она улетела в Энгельс, там ждал женский полк пикирующих бомбардировщиков, командиром которого была назначена майор Раскова. [53]

Итак, впервые в истории на фронт прибыла целая женская авиационная часть, чтобы наравне с мужчинами нести тяжкий труд войны.

В новом соединении к нам отнеслись настороженно, подчас даже не скрывали иронии. Первое время командование да и летчики побаивались «женских капризов», не очень-то верили в наши силы. Да и в самом деле, одно - летать в мирном небе на гражданских самолетах, другое - быть солдатом, каждый день идти навстречу смерти, зная, что так было сегодня, так будет завтра, послезавтра, в течение недель, месяцев, лет, до тех пор, пока где-то там, на западе, на чужой земле, не отгремит последний выстрел.

Справедливости ради следует сказать, что мы сами в какой-то мере дали повод относиться к нам с недоверием и иронией. Произошло это как раз тогда, когда наш полк совершал перелет из Энгельса на Южный фронт.

Стоял солнечный жаркий день. Еще не опаленное зноем небо было удивительно чисто. Внизу, под нами, расстилалась степь без конца и края: зеленый колышущийся океан. Земля еще не прогрелась, болтанка нас не мучила, лететь было одно удовольствие.

Соблюдая ровные интервалы в боевых порядках, мы приближались к станице Морозовской. Полет протекал нормально, шли точно по графику. Я обернулась назад к штурману Оле Клюевой:

- Ну, как летим? Правда, здорово?

Оля в ответ улыбнулась и показала большой палец. Покрутив головой, она оглядела воздушное пространство, и с лица ее тут же будто стерли улыбку.

- Маринка! - В голосе Клюевой звучала тревога. - Смотри!

С запада на нас стремительно неслись какие-то черные точки. Мозг обожгло: «Фашисты!»

Что делать? Я посмотрела на ведущего. Самолет командира эскадрильи Серафимы Амосовой спокойно продолжал полет. Неужели она не видит?

- Марина! - кричит по переговорному аппарату Клюева. - Посмотри: соседнее звено рассыпается!

Сомнения кончились - впереди были вражеские истребители. Я покачала плоскостями, привлекая внимание ведомой нашего звена Нади Тропаревской. «Вижу», - ответила она тоже покачиванием. Одновременно мы произвели [54] маневр. Звено

нарушило заданные дистанции и интервалы. Самолеты резко потеряли высоту и пошли почти на бреющем полете. Теперь на фоне желто-зеленой степи трудно было заметить наши камуфлированные машины.

Истребители с воем пронеслись над нами, сделали боевой разворот и вновь устремились на беззащитные У-2. Про себя я отметила, что почему-то не слышно тарахтения пулеметов. Мерзавцы! Еще издеваются! От волнения даже не поглядела на опознавательные знаки.

Минут через пять в воздухе появилась другая группа истребителей. Эти - наши, как показалось мне. Спасибо, выручили! И только на аэродроме выяснилось, что никаких вражеских самолетов не было. Под Сталинградом у Морозовской нас встретили истребители прикрытия. Летчики, зная, что летят необстрелянные «птички», решили проверить нашу выдержку и повели на нас «атаку». А между прочим, далеко не все девушки знали, что то были наши самолеты.

Весть об этом случае быстро разнеслась по всей воздушной армии генерала К. А. Вершинина. Остряки получили новую пищу для разговоров. Но мы, как ни горько было сознавать свою промашку, не стали предаваться унынию. Довольно скоро наши летчицы доказали, что советские женщины-фронтовички умеют бить врага не хуже, чем это делают защитники Родины - мужчины…

Вскоре в полк прибыл командир дивизии Дмитрий Дмитриевич Попов. Появился он перед строем хмурый, серьезный. Ни слова не говоря, прошел от самолета к самолету и удалился с командованием полка в штаб. По всему чувствовалось: Попов принимал нас в свою дивизию далеко не с восторгом. Девушки расстроились. Батальонный комиссар Рачкевич тотчас заметила наше подавленное состояние:

- Ну-ка, не киснуть! Тоже мне, кисейные барышни. Горько, конечно, но унывать не следует. На ошибках учатся, а впереди достаточно времени, чтобы посрамить маловеров и доказать, что они поспешили с выводами.

* * *

Боевая деятельность полка началась под Ворошиловградом во время нашей дислокации в поселке Труд Горняка. По неопытности мы считали, что нас тотчас пошлют на боевые задания. Но командование решило иначе. [55]

В бои нас вводили постепенно. В первое время мы совершали лишь ознакомительные полеты к линии фронта, изучали район боевых действий, снова тренировались в полетах при свете прожекторов, короче говоря, привыкали к фронтовой обстановке. И хотя все мы мечтали скорее приступить к делу, приходилось проявлять выдержку и терпение.

Сразу же по прибытии на аэродром мы почувствовали близость фронта, его грозное дыхание. С запада, как неумолчный рокот прибоя, непрерывно доносилась артиллерийская канонада, по ночам в темной звездной вышине надсадно завывали моторы вражеских самолетов, летевших на восток. Фашистские бомбы рвались в Каменске, Ворошиловграде, Миллерово.

На горизонте то и дело вспыхивали отблески пожаров. В такие минуты я невольно вспоминала ночь на 22 июля, первую бомбежку Москвы и объятый пламенем родной дом.

Полк бросили в самое пекло - в район станиц Константиновской, Мелеховской и Раздорской. Тогда как раз шли ожесточенные сражения в южной части Донбасса, на реке Миус, у Таганрога: гитлеровцы рвались к Дону.

И вот поступил долгожданный приказ.

Первыми вылетели открывать боевой счет полка Евдокия Давыдовна Бершанская со штурманом полка Софьей Бурзаевой и экипажи командиров эскадрилий Симы Амосовой со штурманом Ларисой Розановой и Любы Ольховской с Верой Тарасовой.

Накануне в полку состоялось партийное собрание. На нем присутствовали командир дивизии полковник Дмитрий Дмитриевич Попов и представители политотдела. Собрание приняло резолюцию, в которой обращалось ко всему личному составу с призывом работать так, чтобы полк стал одним из лучших на Южном фронте.

- Ого! - не удержался от восклицания полковник Попов. - Куда сразу махнули!

- Вы плохо знаете наших девушек, товарищ полковник, - заметила Рачкевич.

- Что ж, постараемся узнать. А впрочем, одобряю. Цель конкретная. Это уже само по себе неплохо. Действуйте, а

командование со своей стороны поможет вам.

Провожать товарищей вышли все. Было это 8 июня 1942 года. На старте присутствовало также командование [56] дивизии. Такое внимание обрадовало девушек и в какой-то степени ослабило горечь первых дней нашего пребывания в дивизии.

Тут же на поле состоялся короткий митинг. Открыла его комиссар полка Рачкевич. Евдокия Яковлевна как-то по-своему, просто, но образно сумела высказать наши чувства и мысли. Она говорила о том, что у нас сегодня радостное событие - начало боевой деятельности полка. Учеба кончилась, и настало время проявить свои способности и мужество в боях.

- Каждая сброшенная вами бомба должна лечь точно в цель. Каждый экипаж, в какой бы трудной обстановке он ни оказался, должен биться до последнего вздоха, пока видят глаза, слышат уши, пальцы ощущают ручку управления…

- Вот так, Маринка! - прошептала Оля Клюева.

В ответ я слегка сжала руку подруги. Смысл речи нашего комиссара всем был ясен. Да, только так могли биться с врагом настоящие патриоты, до последнего вздоха! Нашей стране выпало трудное испытание, речь шла о жизни или смерти молодого Советского государства. Рассчитывать нам было не на кого. Поэтому каждый из нас был обязан бить врага за двоих, за троих.

Как мне и моим подругам хотелось в ту ночь подняться в воздух! Как мы завидовали нашим командирам! На первое задание улетели лучшие экипажи. Но мы не имели права обижаться. Так и должно быть - идущие впереди указывают дорогу, ведут за собой. Первые бомбы с надписью «За Родину!» уже подвешены под плоскостями. Пройдет совсем немного времени, и они, рассекая со свистом ночную тьму, полетят на головы тех, кто принес нам войну…

Взревели моторы. Самолеты ушли в ночь. Я скорее угадывала, чем видела, как отрывались от земли их темные силуэты. Потом рокот моторов стал еле слышным. На аэродроме вдруг наступила такая тишина, что я услышала, как под дуновением ветерка шуршит под ногами молодая трава.

«Счастливого пути, товарищи!» - мысленно произносила каждая из нас. Молча стоял на старте и командир дивизии полковник Попов. Аэродром словно застыл в тревожном ожидании. Девушки, разбившись на группы, сперва молчали, потом кто-то уронил слово, кто-то откликнулся, [57] постепенно завязался разговор. Говорили о самом обыденном, но по всему чувствовалось: мысли сейчас с теми, кто в воздухе.

Рядом, как всегда, была Евдокия Яковлевна Рачкевич. Она незаметно подходила то к одной, то к другой группе. Постоит,

послушает, скажет несколько слов и идет дальше. Верный солдат партии, она с первого появления в полку готовила нас к боям, прививала качества, необходимые советскому солдату, умела простым, доходчивым словом выразить любовь к Родине и ненависть к врагу. Она, наш комиссар, в течение всей войны олицетворяла нашу совесть и честь, была и навсегда осталась для нас образцом коммуниста, настоящим человеком.

- Что загрустила, Марина? - вдруг послышался рядом тихий, ровный голос Рачкевич. - Завидуешь?

- Нет… то есть да, - поправилась я. - Но ведь скоро наступит и моя очередь?

- Конечно.

Время тянулось до ужаса медленно, но никто не уходил. Наконец послышался характерный рокот мотора. Разговоры моментально оборвались, все взгляды устремились к темному небу. Рассмотреть ничего было невозможно, но шум все нарастал, приближался и вдруг сделался глуше.

- Пошла на посадку, - произнес кто-то рядом со мной.

Дробно застучали шасси по сухой земле аэродрома. Обороты винта стали реже. Почихивая отработанным газом, к линии предварительного старта медленно подрулил первый самолет.

Мы молча ждали. Заложив руки за спину, всматриваясь в темноту, как и другие, ждал командир дивизии Попов. Наконец послышались шаги. Из плотной чернильной густоты ночи появилась летчица. По походке я узнала Бершанскую. Рядом с ней шла Соня Бурзаева. Поравнявшись с Поповым, Евдокия Давыдовна доложила о выполнении задания и не спеша, видимо желая, чтобы каждое ее слово дошло до нас, начала рассказывать, как протекал полет.

Фашистские зенитчики обстреляли самолет. Маневрируя по курсу, Бершанская вывела У-2 к намеченной цели и отбомбилась на высоте около 600 метров. Следом за ней сбросил бомбы экипаж Амосовой.

В это время усилился зенитный обстрел. Несколько [58] осколков угодило в самолет Бершанской, но, к счастью, ни один из них не попал в мотор.

Узнав о благополучной посадке Амосовой, мы с нетерпением ожидали возвращения последнего экипажа. Кончилось расчетное время, а машина Любы Ольховской все не появлялась. Напрасно мы напрягали слух, пытаясь уловить отдаленный шум мотора. Небо над нами молчало. Лишь в бездонной глубине его холодно мерцали звезды да временами на горизонте вспыхивали отблески не то далекой грозы, не то взрывов.

В тревоге прошла ночь. Заалела заря, заклубился над полем

туман, а мы не расходились, ждали, надеялись.

Утром командование связалось со штабом дивизии, но и оттуда ничего утешительного не сообщили.

Минуло еще несколько дней. Надежды больше не осталось. Война отняла у нас двух подруг. Неужели каждый полет будет сопровождаться смертью?…

Мы долго не имели никаких сведений о Любе и Вере и не знали подробностей их гибели. Лишь после войны со слов местных жителей удалось восстановить, и то далеко не полную картину происшедшего в ту тяжелую ночь.

А произошло вот что. Люба Ольховская и Вера Тарасова выполнили задание, но попали под плотный зенитный огонь. Уйти от него им не удалось. Осколками снарядов девушек тяжело ранило. Истекая кровью, Люба Ольховская посадила У-2, но выбраться из кабины ни она, ни Вера Тарасова не смогли. Утром жители ближайшего села нашли подруг мертвыми. Это произошло у поселка Красный Луч. Там и похоронены наши подруги. Благодарные жители установили в том районе памятник погибшим советским воинам.

Не так давно я прочитала в дневнике комиссара эскадрильи Ирины Дрягиной такую запись:

Вчера я писала письмо матери, что наши дни, наша молодежь кажутся мне живыми страницами из книги «Как закалялась сталь». Живешь и видишь, как много кругом тебя простых и хороших людей, как много настоящих скромных героев, имен которых, может быть, никто не узнает.

Никогда не изгладится из памяти образ Любы Ольховской, голубоглазой дочери Украины, моего славного боевого командира. Встретилась я с Любой еще в декабре [59] *1941 г. в Энгельсе, когда она только приехала к нам в часть…*

Люба Ольховская не боялась трудностей, везде и всюду была впереди. Очень любила своего командира вся наша эскадрилья. И было за что. Никто так не заботился о людях, не относился к ним так чутко, как Люба.

А какой она была требовательной! Заметит непорядок в комнате, выстроит, бывало, весь личный состав перед общежитием и скажет:

- Женщины вы или не женщины! Понимаете или нет, что находитесь в армии? Почему я не вижу порядка?…

Бойцы наземных частей рассказывали такой случай{4} . Когда наши стояли в обороне на реке Миус, над линией фронта низко-низко пролетел самолет У-2. Над самыми окопами летчик убрал газ, и из кабины пилота послышался гневный женский голос:

- Что вы сидите?! Мы бомбим фрицев, а вы не наступаете?!

В ту же ночь подразделение пехоты перешло в атаку, в результате которой удалось захватить несколько блиндажей и дотов противника… Мне иногда кажется, той летчицей была наша Люба, хотя нет доказательств этому…

На место Любы Ольховской командиром эскадрильи назначили отличную летчицу Дину Никулину. Веру Тарасову заменила бывшая студентка механико-математического факультета Московского университета Женя Руднева. Это была достойная замена. Рудневой прочили большое будущее. Она обладала незаурядными способностями и со временем, возможно, стала бы крупным ученым. Но началась война, и Женя по призыву комсомола ушла на фронт.

- Сейчас не до учебы, - сказала она на прощание родителям. - Вернусь живой, все наверстаю…

Накануне первого боевого вылета многие наши девушки подали заявления о приеме в партию. Дина Никулина и Женя Руднева были в их числе.

На следующую ночь после гибели Любы Ольховской и Веры Тарасовой в воздух поднялся весь полк - двадцать экипажей. Первый массированный налет на врага посвящался памяти погибших подруг. [60]

Это был наш первый боевой вылет. Взлетали с интервалами в три минуты. Я терпеливо ждала своей очереди. Мой штурман Ольга Клюева так загрузила свою кабину осветительными бомбами - САБ, что ей негде было повернуться. Ольга долго возилась за моей спиной, устраиваясь поудобнее, и при этом тихонько что-то бормотала.

- Как у тебя дела, скоро ты устроишься? - спрашиваю ее.

- Сейчас. Тут никак не развернешься.

- Еще бы! Можно подумать, ты собираешься иллюминировать весь фронт…

Наконец получено разрешение на взлет. Самолет, набирая скорость, бежит по влажной, покрытой росой земле. Еще несколько секунд, и тряска прекращается - полет начался. Набираю высоту. Внизу смутно просматриваются знакомые ориентиры. В воздухе не так темно, как на земле. Даже при облачности можно летать без приборов.

Мерно рокочет мотор. Стараюсь его не перегружать, иду на умеренном экономичном режиме. Под плоскостями 180 килограммов бомб. Это не так много, но и не мало. Во всяком случае, если все положить в цель, то их будет вполне достаточно, чтобы разметать вражескую батарею, пустить под откос железнодорожный состав или навсегда вогнать в землю несколько десятков фашистских вояк.

Ровно работает мотор. Тугая струя воздуха бьет в козырек, и он чуть вибрирует. Фосфоресцируют в темноте кабины цифры на приборных досках. Внимательно слежу за показаниями приборов, то и дело посматриваю на часы. Каким-то шестым чувством ощущаю, что скоро фронт. Еще немного - и в небо вонзятся иглы прожекторных лучей, залают внизу вражеские зенитки.

- Приготовиться, - говорит штурман, - мы на подходе. Выдерживай заданный режим полета. Буду засекать огневые точки.

Но делать этого не пришлось. Когда пересекали линию фронта, гитлеровцы не произвели ни единого выстрела. Подходим к цели, ждем ураганного огня, а его нет и нет. Высота 900 метров. Впереди по курсу экипаж нашего командира звена Тани Макаровой сбросил осветительные бомбы, а немного погодя последовала серия взрывов. Но удивительное дело - противник снова почему-то молчит. Осведомляюсь у штурмана, не сбились ли мы с курса.

- Нет, все время шли абсолютно точно. [61]

- Тогда почему не стреляют?

- Не знаю, - помедлив, отвечает Ольга - Но идем мы правильно.

- Может, еще не дошли до цели?

- Это исключено, - уверяет Клюева. - Цель под нами. Расчетное время истекло. Присмотрись к ориентирам.

Я веду машину дальше, напряженно гляжу на землю. Однако местность внизу незнакомая. Делаю разворот и возвращаюсь назад. Ольга была права. Она сбрасывает САБ. В свете их, выхваченная из мрака, отчетливо показалась цель.

- Я же говорила, что летели правильно! - торжествующе кричит Клюева. - Буду прицеливаться и сброшу первые бомб:л.

Самолет чуть вздрогнул. И тут же внизу появились взрывы. Но враг опять упорно молчит. Еще толчок: оторвались последние бомбы.

Теперь можно домой. Начало положено, хотя и не так, как думалось. Крещение огнем не состоялось, но задание выполнено.

- Бери обратный курс, - говорит штурман.

- Поздравляю, Оля, с нашими первыми! - кричу я в переговорный аппарат.

- Спасибо, тебя также.

* * *

Отличными летчиками, какими стали мои подруги на

фронте, становятся не сразу. Путь в небо - тернистый путь. И не у каждого хватает выдержки пройти его до конца.

Постепенно полк втягивался в боевой ритм. Вылеты следовали один за другим, но враг упорно отмалчивался. Лишь изредка громыхнет случайный выстрел, и вновь тишина. Он не желал реагировать на наши самолеты. Мы стали уже думать, что командование дивизии нарочно поручает нам обрабатывать незначительные малоукрепленные объекты, чтобы постепенно, без потерь дать летчицам возможность привыкнуть к фронтовой обстановке. Но потом выяснилось, что фашисты подтягивали в район наших действий крупные силы для решительного удара по Сталинграду, Грозному, Баку и потому старались не демаскировать себя. [62]

Впрочем, затишье это продолжалось недолго. Однажды мы вылетели на бомбежку живой силы и техники противника на станцию Покровскую, вблизи Таганрога. Вместо Ольги в заднюю кабину моего У-2 села штурман эскадрильи Лариса Розанова. Розанова регулярно вылетала с каждым экипажем эскадрильи, проверяя мастерство летчиц. Узнав, что ее оставляют на земле, Клюева насупилась и пошла было прочь от самолета.

- Ты чего? - остановила я подругу.

- Нашли время для проверки! Сейчас не учеба, а война!

- Розанова для тебя старается. Опыта у нее больше, и мои недостатки она заметит скорее. Так что обижаешься ты напрасно.

- А я и не обижаюсь, - смягчилась Оля. - Просто самой летать хочется.

- Успеешь, налетаешься еще. Будешь рада, когда кто-нибудь подменит тебя в кабине.

- Может, ты и права… Но сейчас у меня нет желания отсиживаться на аэродроме.

- Жди меня. Через два часа, а то и раньше я буду здесь. На второй вылет опять пойдем вместе.

Ольга передернула плечами и скрылась в темноте. Розанова в кабине просматривала штурманские расчеты. Вероятно, она слышала последние слова Клюевой и спросила, что между нами произошло.

- Так, ничего особенного, - уклонилась я от прямого ответа.

И вот мы в воздухе. Стараюсь вести машину без сучка, без задоринки. Пересекаем линию фронта, проходящую по реке Миус. Штурман дает заданный боевой курс. Вот уже повисли в воздухе САБ. Жду, когда внизу раздадутся взрывы. И вдруг… самолет попал в перекрестие прожекторов. Загрохотали зенитки. Не сразу поняв, что случилось, я хотела посмотреть, откуда стреляют. В тот же миг луч прожектора, точно бритва, резанул по глазам. Я на

мгновение растерялась и машинально отжала ручку управления. Самолет стал пикировать.

Какая неосторожность! Нужно моментально исправить ошибку, иначе врежемся в землю. Выравниваю машину и веду ее только по приборам. Розанова то и дело командует: «Влево! Вправо!» Но вырваться из перекрестия лучей не удается. А снаряды рвутся все ближе. В свете лучей [63] прожекторов мельком замечаю в плоскостях несколько больших рваных дыр от осколков.

- Держи скорость! Скорость! - кричит Лариса. - Еще вправо! Быстрее маневрируй!

Действую автоматически. В груди ни волнения, ни страха. От напряжения стиснула зубы так, что стало больно. У меня нет ни малейшей возможности следить за обстановкой: все внимание приковано к приборам и командам штурмана, которые, не переставая, звучат в переговорном аппарате. Ревет мотор. Сквозь его рокот я, кажется, слышу, как остервенело бьют внизу зенитки. Кругом мрак, а в центре его, в перекрестии прожекторной вилки, мечется наш маленький У-2. Долго так продолжаться не может. Прошло минут пять, как намертво схватили нас в свои объятия прожекторные лучи. Любой ценой надо вырваться из этого ада. Даю ручку от себя, затем бросаю машину в крутой вираж и вдруг - словно проваливаюсь в темную бездонную пропасть. Перед глазами плывут радужные круги.

- Молодец, Маринка! - слышу возбужденный голос Розановой.

- Это ты, Леся, молодец! - отвечаю штурману эскадрильи.

Обратный путь был нелегок. Израненный самолет плохо слушался рулей. В довершение всего испортилась погода, резко ухудшилась видимость, а до аэродрома еще далеко. Дотянем ли? Я смотрю на приборы. Пока все идет хорошо. Горючего в баках достаточно, мотор работает нормально.

- Все в порядке, - подбадривает меня Лариса, - идем как по струнке.

Я усмехаюсь, но молчу. Лариса не хуже меня видит, в каком состоянии самолет. Как же я благодарна ей за поддержку! Хорошо, когда с тобой верный товарищ и друг. Тогда невозможное становится возможным, прибавляется сил и уверенности. Вот наконец и аэродром.

Перед третьим разворотом мигаю бортовыми огнями, запрашивая разрешение на посадку. Внизу включаются фонари «летучая мышь», обозначающие посадочный знак. Они все ближе. Лицо обдает ночной сыростью, дробно стучат по земле колеса. Заруливаю на заправочную линию, выключаю мотор и минуты две, не шевелясь, сижу в кабине. От огромного напряжения нет

сил даже двинуть [64] пальцем. Наконец прихожу в себя, выбираюсь из кабины. Обнимаю Ларису, и мы молча идем на КП. Нас уже ждут.

- Товарищ командир полка, - докладываю Бершанской, - боевое задание выполнено!

Евдокия Давыдовна по-матерински обняла нас и расцеловала.

- Поздравляю с боевым крещением.

На разборе командование полка отметило успешную работу экипажей и поздравило нас с хорошими результатами.

- Служим Советскому Союзу! - прозвучал в ответ хор голосов.

* * *

Мы с Ольгой Клюевой ходили мрачные: наша машина все еще была в ремонте.

- Как дела? - то и дело приставали мы к технику Кате Титовой. - Скоро закончишь?

- Ой, девчата, - отмахивалась она перепачканными в масле руками. - Не мешайте! Идите лучше отдыхать!

- Мы не в санаторий приехали… Скажи лучше, может, тебе помочь?

- Ничего не надо, только отстаньте, пожалуйста! - незлобиво просила Титова.

Пожалуй, нам действительно лучше было уйти. Мы хорошо понимали, что напрасно надоедаем ей. Катя Титова была замечательным техником. Перед войной она окончила Харьковское техническое училище и прекрасно разбиралась в самолетах. Худенькая, живая, красивая, никогда не унывающая, она была нам с Ольгой верным другом и товарищем. Да и не только нам. Часто, закончив свои дела, она тут же бралась помогать техникам других звеньев, и не потому, что ее просили об этом. Просто такой уж был у нее беспокойный характер. Катя не могла сидеть сложа руки, когда товарищи были загружены по горло и нуждались в помощи.

Катя любила стихи. Мы нередко замечали, как она. шепчет их за работой. Подойдешь бывало:

- Ты о чем?

Она посмотрит отсутствующим взглядом, вздохнет и признается:

- О стихах… Замечательные стихи. Вот бы мне такие писать… Да вы, наверное, и не читали их. [65]

- Где там! Конечно не читали. Мы ведь неграмотные, - шутила Ольга.

* * *

На отремонтированном самолете мы поднялись в воздух в ночь на 20 июля. Курс - на знакомую крупную железнодорожную станцию Покровское. Здесь противник сосредоточил много техники и живой силы, укрепил подступы к станции, а свою ПВО приспособил для борьбы с нашей тяжелой авиацией. Против У-2 такая система не могла быть эффективной, и именно поэтому командование нацелило на Покровское наш полк. Не зная в первое время ни типа самолетов, ни нашей тактики, гитлеровцы никак не могли понять причину малой эффективности своего огня. Но даже при таких условиях приходилось быть осторожными. Поэтому мы действовали так. Перед станцией набирали высоту несколько большую, чем нужно было для бомбометания, а к цели подходили с приглушенными моторами, чтобы раньше времени не обнаружить себя. В полете непрерывно, отклоняясь то вправо, то влево, меняли высоту. Расчет наш строился на внезапности. И этого мы достигали. Враг не мог предугадать, когда на него обрушатся бомбы.

Ночные полеты здорово выматывали нас. Мы все похудели, но зато с каждым вылетом росли мастерство, выдержка, воля.

Экипажи нашего полка наносили бомбовые удары ночью по войскам и технике противника в районе Матвеева Кургана, по переправам гитлеровцев через реки Миус, Северный Донец, Дон, а также по дорогам, по которым немецкие войска наступали в Сальских степях и в районе Ставрополя. Лето сорок второго года на Южном фронте отличалось особенно ожесточенными боями. Враг бешено рвался к Сталинграду и на Кавказ. Наши войска отходили, ведя кровопролитные бои, цепляясь за каждый рубеж, за каждую высоту. В этих условиях линия фронта непрерывно менялась, все труднее было определять передний край, труднее ориентироваться с воздуха, чтобы случайно не ударить по своим наземным частям. А полку давались все более ответственные задания, требовавшие огромного морального и физического напряжения от каждого летчика, штурмана, техника, вооруженца, политработника, работника штаба. [66]

Полк отходил вместе с нашими войсками, помогая наземным частям Южного фронта задерживать неприятеля. О напряжении боев можно судить по выдержкам из боевых донесений, сохранившихся в архивах. С волнением прочитала я совсем недавно такой документ:

С момента начала боевой работы полк уничтожал

мотомехчасти и живую силу противника, сооружения и укрепления, склады с боеприпасами и горючим, железнодорожные станции и эшелоны, переправы по реке Дон, в районах станции Успенская и населенных пунктов Мариенгейм, Калиново, Покровское, Александровка, Ново-Бахмутский; сооружения и укрепления на высоте 115, переправы на реке Дон в районах Константиновский, Раздорской, Багаевки.

11 июля 1942 года при бомбардировке железнодорожного эшелона на станции Успенская было разбито несколько вагонов, в результате чего возникли сильные взрывы и пожары. В ту же ночь на высоте 115 прямым попаданием бомб был взорван склад с боеприпасами. В ночь на 25 июля 1942 года, три раза вылетая всем составом, полк разрушил переправу через реку Дон в районе Константиновской, 26 июля в течение ночи произведено 47 самолето-вылетов по уничтожению скоплений мотомехчастей и живой силы противника у переправ через реку Дон в районах Багаевки, Раздорской. 27 июля 1942 года в течение ночи произведено три успешных вылета всем полком по уничтожению переправы через реку Дон в районе Раздорской. В результате бомбардировки переправа была разрушена и нанесен большой урон технике и живой силе противника, переправлявшегося на лодках и плотах.

* * *

Спать нам удавалось только урывками, прямо под замаскированными самолетами. Часто бывали перебои с питанием и продовольствием. Но жители делились с летчицами последними крохами.

А работы все прибавлялось. Кроме обычных полетов на бомбометание приходилось выполнять дневные разведывательные полеты, доставлявшие нам куда больше хлопот и переживаний, чем ночные. Ночью имеешь дело только с зенитчиками, но им тоже трудно вести в темноте прицельный огонь. Днем же кроме зенитчиков приходилось [67] остерегаться еще истребителей, против которых у нас не было никакого оружия.

Да и вообще, что такое У-2? Образно выражаясь, кусок перкали и фанеры, почти стоящая на месте мишень. Единственная защита при встрече с противником - хорошая маневренность машины да выдержка экипажа. Поэтому летишь и непрерывно следишь за воздухом. Появится на горизонте черная точка, вот и гадаешь, свой или чужой. И тут же на всякий случай

высматриваешь балку или овраг, чтобы вовремя нырнуть туда в случае атаки.

Устойчивый в полете, легкий в управлении, У-2 не нуждался в специальных аэродромах и мог летать в любую погоду, на очень малых высотах. Особенно успешным оказалось ночное бомбометание с этих маленьких машин не только по переднему краю, но и по различным коммуникациям гитлеровцев - по их эшелонам, по железнодорожным объектам, переправам, аэродромам, по скоплению живой силы и техники.

С наступлением темноты и до рассвета У-2 непрерывно висели над целью, методично, через каждые три - пять минут сбрасывая бомбы. И фашисты боялись нашей «ласточки». Уже в 1942 году за каждый сбитый самолет У-2 гитлеровских летчиков и зенитчиков награждали Железным крестом.

Вплоть до лета 1944 года мы летали без парашютов. Преднамеренно, конечно. Предпочитали вместо парашютов брать с собой лишние два десятка килограммов бомб. О том, что самолет могут сбить, мы не то чтобы не думали, а как-то не придавали этому большого значения. Считали, что раз уж война, то этим все сказано. Но иной раз сжималось сердце: а не напрасно ли мы пренебрегаем парашютом? Правда, днем от него все равно толку было мало, так как летали мы на очень малой высоте, на бреющем полете. Ну а ночью он, конечно, мог пригодиться.

* * *

Каждую ночь мы бомбили наступавшие части врага, а когда гитлеровцы подходили чуть ли не к аэродромам или площадкам, откуда мы вели боевую работу, экипажи перелетали на восток.

Однажды во время боевого вылета на самолете Нины Распоповой отлетела половина лопасти винта, а экипажам нужно было срочно перебазироваться. Что делать? Оставлять самолет нельзя. Взорвать? Техник экипажа Тоня [68] Рудакова ударилась в слезы. Решили попробовать завести мотор. Машина начала вибрировать. Тогда Нина Распопова попросила Тоню отпилить вторую лопасть винта.

- Лишь бы долететь до Эльхотово…

Самым тяжелым было тогда для летчика остаться без машины. Опробовали мотор. Улететь было необходимо - гитлеровцы находились совсем рядом.

В заднюю кабину к Распоповой посадили с инструментом техника звена Марию Щелканову. Это был скорее

психологический, чем практический шаг. Ну действительно, чем техник может помочь в воздухе летчику?!

Самолет Распоповой шел между другими машинами. В полете вибрация усилилась. Щелканова, поднявшись в кабине до пояса, с опаской поглядывала на расчалки и узлы. Машину непрерывно трясло. И все-таки долетели. Экипажи других самолетов уступили дорогу Распоповой. Она благополучно произвела посадку. Через несколько часов доставили новый винт, и машину ввели в строй. А вечером летчик Нина Распопова со штурманом Лелей Радчиковой вылетела на задание и первый раз в жизни попала под ураганный огонь зениток. Но счастье сопутствовало девушке и на этот раз…

Я уже говорила, что конфигурация линии фронта менялась непрерывно, чуть ли не каждые сутки. Случалось, что за ночь, пока мы выполняли задание, передовые части противника почти вплотную подходили к району базирования полка. Так было, например, под поселком Целина. Не успела я приземлиться после очередного вылета и зарулить самолет на место заправки, как подошла командир полка Бершанская и приказала немедленно перелететь на другую площадку.

- Зачем? - удивилась я.

- Фашисты на подходе, - ответила Евдокия Давыдовна. - Слышите, канонада совсем близко?

Мечтали и сражались

Станица Ольгинская утопает в пышной зелени садов. Самолеты рассредоточены прямо под фруктовыми деревьями. В тени яблони, усыпанной крупными спелыми плодами, сидим мы с Ольгой Клюевой и думаем о предстоящей ночи. Жарко. На небе ни облачка. [69]

- Благодать-то Какая, Оля! - говорю я своему штурману.

- Да… Если бы мы здесь задержались подольше и если бы не было войны…

Ольгинская особенно запомнилась нам. Расположились мы там привольно, свободно. Но было и одно существенное неудобство: под жилье нам отвели бывший коровник. Как мы его ни чистили, как ни старались, в помещении всегда стоял тяжелый специфический запах. В шутку девчата называли наше общежитие гостиницей «Крылатая корова».

- Придумали же девушки - «Крылатая корова», - снова заговорила Клюева, но вдруг умолкла на полуслове. - Прислушайся, Марина, кто поет?

К нам приближались Надя Попова, Женя Руднева, Катя Рябова. Надя пела, девчата вторили. Ее приятный голос

невозможно было спутать ни с чьим другим.

- Надя! Спой «Синий платочек»! - попросила Ольга.

- Заказы принимаются только в филармонии «Крылатой коровы»…

Девушки ушли, но долго еще долетала до нас мелодия песни.

- Хорошо поют девчата… Знаешь, Ольга, мне иногда кажется, что нет никакой войны, а только снится кошмарный сон.

- Мне тоже так кажется, - говорит Оля. - Только сны я вижу красивые, будто попала я в сказку, а вокруг лесные гномы толпятся… крохотные такие бородатые старички…

- Тоже мне, нашла чем любоваться! Лучше уж приснился бы тебе прекрасный принц…

- Нет, Маринка, принцев я не видела ни наяву, ни во сне. А вот луга снятся часто, но почему-то не зеленые, а разноцветные… А в небе ласточки летают, и я - вместе с ними. Только не на самолете, а прямо так - без крыльев.

- И зенитки не стреляют?

- Да полно тебе издеваться! Я же всерьез! И знаешь, музыка - грустная и торжественная…

Наш разговор прервала дежурная по штабу. Меня вызывали к командиру полка.

Евдокия Давыдовна изучающе посмотрела на меня. Я стояла по стойке «смирно» и внимательно слушала задание. [70] Нужно было срочно отвезти офицера связи в расположение наземных войск вблизи линии фронта. Рядом с Бершанской я увидела запыленного усталого человека. Самолет, на котором он летел, был атакован фашистским истребителем, летчик получил смертельное ранение, но успел посадить машину. Офицер связи чудом спасся.

Незадолго до наступления темноты мы вылетели и на бреющем направились к линии фронта. Мой пассажир сидел на месте штурмана. Не успели пролететь и нескольких километров, как на нас обрушился истребитель. К счастью, он промахнулся на первом заходе. Я, не раздумывая, посадила «ласточку» прямо на проселочную дорогу и крикнула офицеру, чтобы он отбежал подальше, а сама залегла с другой стороны самолета, К счастью, появились наши истребители, возвращавшиеся с задания. Заметив их, фашист тут же отказался от попыток уничтожить мой беззащитный У-2. Продолжив полет, я точно выполнила задание.

* * *

У меня чудом сохранился номер армейской газеты от 23

июля 1942 года. Пробежала заголовки - и вдруг вижу: знакомая подпись - И. Ракобольская. И, словно эхо давних дней, ожили в газетных строках те дни и ночи в Ольгинской, наши ночные полеты на бомбежку гитлеровцев, рвавшихся к Ростову-на-Дону.

Вот что писалось в той заметке:

В маленьком саду на траве собрался личный состав. Командир полка Е. Бершанская ставит боевую задачу экипажам, коротко и ясно формулирует ее:

«Наша задача - уничтожить скопления войск противника и переправу в пункте Р.». Далее идут указания о высоте полета, калибре бомб, заходе на цель и отходе от нее, о сигналах и т. д.

Открыв карты, летный состав еще раз проверяет правильность проложенных маршрутов, указанные характерные ориентиры.

Все ясно.

- По самолетам! - командует капитан.

…Точно в установленное время, через каждые три минуты, стартуют ночные бомбардировщики.

Около переправы по обоим берегам водного рубежа и в прибрежном населенном пункте скопились вражеские машины , [71] танки, повозки, войска. Быстро отыскивается цель. Одну за другой кладут фугасные и зажигательные бомбы первые три экипажа.

Возвратившись с боевого задания, старшина Надежда Попова докладывает:

- На месте разрывов САБ вспыхнул длительный пожар. Сильные взрывы в месте скопления автомашин наблюдал экипаж младшего лейтенанта Марии Смирновой.

Над целью беспрерывно «работают» наши бомбардировщики. Они сыплют свой смертоносный груз на вражеское гнездо.

Сержант Екатерина Пискарева, старшины Раиса Аронова и Надежда Попова, вернувшись со второго вылета, докладывали о хороших результатах бомбометания. После взрыва их бомб в воздух поднялись облака густого черного дыма: горели бензосклады.

До самого утра непрерывно рокотали моторы ночных бомбардировщиков. Шла напряженная боевая работа.

В эту ночь подавляющее большинство экипажей совершили по три боевых вылета.

Из Ольгинской мы вскоре перелетели на Ставрополье, в Петровское.

Враг был пока сильнее нас, и мы отходили. Отходили, веря, что придет время, когда советские войска будут гнать фашистов на запад, до самого Берлина.

В Ставрополье уже чувствовалась близость Кавказа и даже

просматривались сквозь дымку тумана контуры могучих снежных вершин. Суровый и неприступный Кавказский хребет казался нам той самой преградой, у которой остановят и разобьют врага. А пока что фашисты ожесточенно бомбили Пятигорск, Минеральные Воды. Там, где раньше спокойно прохаживались отдыхающие, теперь свистели осколки, содрогались от взрывов стены лечебниц и санаториев.

На станции Эльхотово, куда перебазировался наш полк, в первый день скопилось много самолетов различных типов. Отсюда мы летали бомбить фашистские войска ночью, а днем отправлялись на разведку линии фронта.

Командир эскадрильи Сима Амосова поручила нам с Олей Клюевой под вечер, когда еще было светло, разведать линию фронта и движение немецких войск в районе [72] Минеральные Воды, Пятигорск, Георгиевск. Задание было трудным и опасным, но не новым для нас. Обсудив его с Олей во всех подробностях, мы направились к самолету…

Недалеко от наших машин находились самолеты мужского полка. К нам подошел голубоглазый лейтенант небольшого роста, с вьющимися белокурыми волосами. Он видел, что мы вот-вот вылетим, поинтересовался заданием, искренне удивился, как можно на таком беззащитном самолете идти на опасное дело. Я в то время была сержантом. Лейтенант по очереди посмотрел на меня и Ольгу, а потом сказал:

- Да ведь вас убьют, сержант!

В ответ я пожала плечами: знаю, мол, на фронте все может быть. И стала готовиться к взлету. Запустила мотор, опробовала его во всех режимах, вырулила на старт. Лейтенант поднял руку и помахал нам…

Когда, выполнив задание, мы благополучно вернулись в Эльхотово, на землю уже опустилась южная августовская ночь. Первым, кого я увидела, зарулив самолет на прежнее место, был тот самый голубоглазый лейтенант. Он, судя по всему, ждал нашего возвращения. Так произошла встреча с человеком, который после войны стал мне близким и родным…

На следующее утро мы перелетели на аэродром в районе Грозного.

В эти тяжелые дни 1942 года во время выполнения специального задания фашистский истребитель обстрелял самолет старшины Надежды Поповой и при последней атаке поджег его. Надя успела приземлиться, выбраться из кабины. Машина сгорела на ее глазах.

Семнадцать дней добиралась летчица до своего полка. Во время этих трудных скитаний она встретила летчика-истребителя

Семена Харламова, который, сбив вражеский самолет, тоже был атакован истребителями. После вынужденной посадки раненый Харламов, как и Попова, разыскивал свою часть.

Так на фронтовых дорогах встретились два замечательных летчика. И через всю войну пронесли они свое светлое чувство друг к другу.

Раньше сюда ездили отдыхать. Над станцией, как всегда, занимаясь алой зарей на снежных вершинах гор, поднималось [73] солнце. Только теперь туристы не отправлялись затемно к Сунженскому и Терскому перевалам.

В горных ущельях гремело эхо автоматных очередей. На скалы падали бомбы. Тревожно полыхали в предгорьях кровавые закаты.

Некогда мирные города и местечки - Моздок, Ищерская, Прохладная, Дигора, Ардон, Эльхотово - значились в сводках как линия обороны.

Начиная летнее наступление 1942 года на юге, гитлеровцы рассчитывали коротким ударом захватить Северный Кавказ, овладеть югом страны и, прибрав к рукам нефть, оставить нашу армию без горючего. Не считаясь с потерями, бросали они свои ударные дивизии на этот участок фронта. На юге завязался тугой узел событий…

Разъяренные полчища бронированных зверей рвутся к жизненным центрам нашей страны, топчут цветущие поля советского Дона, - писала наша фронтовая газета «Боевые соколы». - *Серьезная опасность нависла над нашей любимой Родиной, над советским Югом. Предотвратить эту опасность, сорвать замыслы врага, остановить, измотать, а затем разбить немецко-фашистских оккупантов - таков священный долг советских воинов.*

Наши бойцы, командиры и политработники героически и мужественно защищают каждую пядь родной советской земли.

Но чтобы остановить и разбить оккупантов, мы должны напрячь все свои силы, умножить наши удары…

Интересы обороны любимой Родины требуют от нас предельного боевого напряжения, максимального увеличения самолето-вылетов, высокого качества бомбометания, разведки.

Летчики, штурманы, техники, механики! Родина ждет от вас новых подвигов/ Сильнее бейте немецко-фашистских грабителей/ Пусть придонецкие степи станут могилой взбесившегося фашистского зверя.

…На сей раз мы расположились в очень живописной станице Ассиновской. Самолеты рассредоточили между фруктовыми деревьями. Для взлета служила небольшая площадка, окруженная

с трех сторон глубокими канавами. Чтобы можно было выкатить машины на взлетную площадку, через канавы пришлось перекинуть мостки.

После степей Ставрополья нас, признаться, пугали высокие горы. Все здесь казалось необычным. Мы не представляли, [74] как будем летать в горах, где нет привычных ориентиров, где и площадки-то под аэродром были похожи на «пятачки», окруженные препятствиями.

Не удивительно, что, готовясь к боям в новых условиях, мы занимались с особым упорством. В Ассиновской полк базировался до января 1943 года. Здесь наши девушки подружились с местными жителями, в шутку говорили о себе, что пустили глубокие корни. Хотя разместились все в общежитии, у каждой из нас была «своя» хозяйка. К ней мы ходили погладить, постирать, а иногда просто так, поговорить, помочь по дому. Хозяйки, в большинстве своем пожилые замужние женщины, относились к нам очень тепло, с нетерпением ждали из полетов, волновались и переживали за нас, как за родных. Они не переставали удивляться, как это мы, такие молоденькие, совсем девчонки, воюем наравне с мужчинами.

Занимаясь однажды каким-то делом, я почувствовала, сто хозяйка изучающе смотрит на меня.

- И не страшно тебе летать к фашистам? - неожиданно спросила женщина.

- Конечно, страшно, - честно сказала я. - Только ведь ко всему привыкаешь.

- Я вчера мужу письмо отправила. Там о вас говорю. Пусть прочитает, может, ему и полегчает, когда узнает, какие у нас отважные девчата.

* * *

Лето было на исходе. Облака все чаще заволакивали небо, а при них труднее стало ориентироваться в воздухе. И до сих пор нам было нелегко - ведь никому не приходилось летать в горах, - теперь же наша работа еще усложнилась. Особенно досаждали изменчивые воздушные течения и сильные туманы.

Погода менялась так быстро, что не было никакой возможности уследить за этими переменами, и получалось иной раз, что обратный путь домой оказывался сложнее, чем бомбежка вражеских объектов. Бывало, вылетаешь - ночь ясная, ориентироваться легко, а на обратном пути попадаешь в такой туман, что летишь, как в молоке, и приземляешься при свете

ракет. А при нашей маленькой площадке это совсем плохо, чуть промазал - либо угодишь в арык, либо скапотируешь. [75]

Работали мы в то время и с подскока, так называлась взлетная площадка, находившаяся на некотором удалении от аэродрома - ближе к фронту. С наступлением темноты мы перегоняли туда свои машины, а с рассветом, после боевой ночи, улетали обратно, в Ассиновскую.

Фашисты стянули в район Моздока столько зенитной артиллерии, что каждый экипаж неминуемо попадал под обстрел. Враг уже начал приспосабливаться к нашей тактике. Нам требовалось срочно применить какие-то новые формы и методы борьбы.

До сих пор мы действовали в одиночку. С одиночными самолетами гитлеровцам было легче бороться. Поэтому решено было применить новый прием - полет парами. Суть этого приема сводилась к следующему. Первый экипаж на полном газу проносился над целью, вызывая весь огонь на себя и отвлекая противника, а второй, следовавший с интервалом в полторы-две минуты, планировал на заданную цель с приглушенным мотором и в этот момент сбрасывал бомбы. Если враг переключался на ведомого, то тогда, развернувшись, цель атаковал ведущий.

Испробовать этот метод поручили Наде Поповой со штурманом Катей Рябовой и мне с Олей Клюевой. К тому времени мы отлично слетались с Поповой, у нас выработалось полное взаимопонимание в воздухе. А это немаловажное обстоятельство для успеха в любом деле. Перед полетом мы тщательно продумали все варианты подхода к цели и действия обоих экипажей. Объект для бомбежки оказался нелегкий - переправа через Терек у Моздока. Эта переправа имела большое значение для фашистов, поэтому они основательно прикрыли ее средствами ПВО. Прорваться к переправе было весьма трудно не только днем, но и ночью.

По плану наш экипаж летел первым и вызывал на себя огонь противника. Начинать бомбежку поручили Поповой. Интервал по времени между машинами нужно было выдержать очень строго.

Сверив часы, мы разошлись по самолетам. Выпускать нас в воздух пришла сама Бершанская. Мы сразу поняли: вместе с нами волнуется и командование. Да это было и понятно: справятся наши экипажи с заданием, - значит, выдержит испытание новый тактический прием. Во всяком случае, первая неудача могла подорвать у летчиц [76] и штурманов веру в него. Значит, полет должен был пройти успешно. Иными словами, надо было выложиться, как говорят спортсмены.

Вот и знакомые ориентиры. Слабо мерцает тусклым серебром

лента реки. Линию фронта пересекли на высоте 1200 метров. По времени мы должны быть над целью. Пора! Даю ручку от себя, прибавляю газ, и мы устремляемся на скрытую во тьме цель. Вражеская оборона подозрительно молчит. Скорей бы уж начинали, что ли! Конечно, мало приятного, когда лучи прожекторов слепят глаза, а зенитки бьют по тебе со всех сторон. Но еще хуже неизвестность, когда не знаешь, где враг и что он задумал.

Ко всему можно привыкнуть: к ожесточенному орудийному огню, свисту осколков, к рваным дырам в плоскостях, к сумасшедшей пляске мрака и света, к ночным посадкам, когда земля угадывается каким-то особым, шестым чувством. Привыкаешь ко всему, что таит в себе явную опасность: сама опасность не так страшна, если ты не раз шел навстречу, преодолевая ее. И в то же время человек не может побороть в себе давящее чувство ожидания опасности. Сколько я ни летала и в какие переплеты ни попадала, для меня всегда было страшнее предчувствие опасности, чем сама опасность.

Внезапно на наш тихоход обрушился шквал огня. В небе началась свистопляска прожекторных лучей. Я повела машину змейкой, уклоняясь то влево, то вправо. Нельзя было позволить врагу надолго поймать У-2 в перекрестие лучей и в то же время, как это ни рискованно, требовалось подольше «поводить» прожектористов. Ведь главная моя задача заключалась тогда в том, чтобы обеспечить подход к цели самолета Поповой.

Снаряды ложились все плотнее. Осколки рвали плоскости, и было просто непонятно, как это они не задели пока нас самих, не попали в двигатель. Но вот сзади под нами появились вспышки взрывов. Наш самолет тотчас окутала мгла, обстрел прекратился.

- Попова и Рябова сработали! - кричит Ольга. - Теперь пора нам. Жми быстрей!

И я «жму». Набираю высоту и планирую на цель с тыла. Бомбы ложатся точно. Вновь бьют зенитки, лезвия лучей вспарывают темное небо. Но уже поздно. Задание выполнено, мы берем курс на свой аэродром. [77]

В ту же ночь вылетели на бомбежку парами еще несколько экипажей. Новый прием полностью себя оправдал.

* * *

Любые наши действия, особенно действия парами, обязательно предполагали надежное боевое содружество между экипажами, взаимную выручку. И в самом деле у нас

существовала крепкая спайка. Не было случая, чтобы кто-то из летчиц бросил подругу в опасности. Девиз «сам погибай, а товарища выручай» стал для нас непреложным законом. Это порой помогало экипажам благополучно выходить из самых сложных ситуаций.

Многие из нас стали уже закаленными солдатами. В длинные осенние ночи иногда приходилось делать по восемь - десять вылетов. Летчицы буквально не вылезали из кабин, особенно когда нам давали «ночи максимум» - с максимальным количеством боевых вылетов на каждый экипаж. Штурманы докладывали о выполнении задания здесь же, у самолетов. Техники и вооруженны молниеносно заправляли машины и подвешивали бомбы.

В одну из таких ночей нам предстояло бомбить Моздок. Самолет заместителя командира эскадрильи Ольги Санфировой со штурманом Руфой Гашевой был почти у цели схвачен лучами прожекторов и попал под сильный перекрестный зенитный огонь. Как ни маневрировала летчица, ей не удавалось вырваться из освещенного прожекторами пространства. Положение «ласточки» казалось безнадежным. Вот-вот один из снарядов должен был угодить в нее. Санфирова пошла на резкое снижение. В это время на подходе к той же цели оказалась командир звена Нина Распопова со штурманом Ларисой Радчиковой. Увидев, что Санфирова и Гашева в опасности, подруги бросились на помощь. Распопова решила отвлечь огонь врага на себя. Снизившись до предела, она направила свой У-2 на немецкие прожекторные установки. На земле произошел сильный взрыв. Воспользовавшись замешательством врага, Ольга Санфирова вывела свою машину из зоны огня. Прожектористы переключились на самолет Распоповой. Обстрел усилился. Уходя из-под огня, Санфирова и Гашева с высоты 700 метров начали бомбить зенитные батареи фашистов. Одна из батарей замолчала…

Пока шла эта неравная стычка двух почти безоружных самолетов с зенитчиками, появились и другие наши экипажи. Все спешили на помощь товарищам. Таня Макарова [78] со штурманом Верой Белик, видя, что самолет Распоповой находится под сильным обстрелом, намертво схваченный лучами прожекторов, попытались подавить огонь зенитных батарей бомбами. Но вдруг У-2 Распоповой начал резко снижаться и планировать в сторону своей территории. Понять, что произошло, было невозможно: то ли гитлеровцам удалось подбить машину, то ли были ранены девушки. Вновь подходившие экипажи один за другим продолжали бить по зенитным точкам, по прожекторам,

по скоплению живой силы и техники противника. Отбомбившись, наши девушки вернулись на аэродром. Нина Распопова с Ларисой Радчиковой на свою базу не прилетели. Неужели за жизнь подруг им пришлось заплатить своей жизнью? Наши опасения были напрасны. Вскоре из штаба дивизии сообщили, что летчицы нашлись. А через некоторое время Нина и Лариса приехал в полк.

Доклад девушек Вершанской был лаконичным. Во время боя их ранило осколками снарядов. Оказалась пробоина в бензобаке. Из-за недостатка питания заглох мотор. Самолет быстро терял высоту. Распопова решила, что ей не дотянуть до своих передовых частей, и направила машину в сторону Терека.

- Зачем? - удивилась Бершанская.

- Хотела утопить ее…

К счастью, произошло почти невероятное: девушек спас воздушный поток. Когда до земли оставалось не более десяти метров, воздушный поток подхватил «ласточку» и перебросил через позицию противника. Приземлилась летчица на нейтральной полосе.

- Вот и все… - закончила свой рассказ Распопова. На другой день мы узнали, что из скромности Нина о многом умолчала. Когда самолет приземлился, фашисты открыли по нему сильный огонь. Подруги отползли в сторону, чтобы переждать обстрел, но уходить совсем они не собирались. Девушки рассчитывали, что рано или поздно к самолету подползут наши пехотинцы и с их помощью удастся оттащить У-2 подальше от врага. Но помощь не приходила, а силы у летчиц все убывали - давала себя знать потеря крови. Когда стало невмоготу, ослабевшие девушки поползли к своим. У передовой наших летчиц подобрали пехотинцы. Их хотели тут же отправить в госпиталь, однако подруги наотрез отказались и потребовали, чтобы их доставили в полк. [79]

…В августе меня назначили командиром звена, а Клюеву - штурманом звена. В мое звено вошли экипажи Нади Тропаревской и Нины Худяковой со штурманами Лидой Свистуновой и Катей Тимченко. Вначале я испытывала большую неловкость в связи с новым назначением. Худякова и Тропаревская были и старше и опытнее меня. Своими сомнениями я поделилась с Бершанской.

- Неплохо, что вы, Чечнева, самокритичны, - сказала Евдокия Давыдовна. - Это качество поможет вам стать хорошим командиром. Однако приказ отдан, и надо его выполнять. Идите принимайте звено.

Евдокия Давыдовна и на этот раз оказалась права. Нина Худякова и Надя Тропаревская не проявили и тени недовольства

моим назначением. Они первыми сердечно поздравили меня. Мало того. Пока я осваивалась в новой роли, Худякова и Тропаревская взяли надо мной негласное шефство. Делалось это весьма деликатно, но я кое-что замечала и была очень признательна подругам за помощь.

* * *

В тот период противник не вел широких наступательных операций, но тем не менее бои не затихали. Наш полк взаимодействовал тогда с 11-м стрелковым корпусом, прикрывавшим подступы к Орджоникидзе и Грозному. Мы уже хорошо освоились в горах и за ночь вылетали на бомбежку в августе - сентябре по пять-шесть раз. Приземлившись, летчики не покидали машин и сведения о результатах боевых действий передавали штабным работникам тут же на аэродроме, пока техники осматривали самолеты и заправляли их горючим, а вооруженцы подвешивали бомбы.

Интенсивная работа уже начала сказываться на технике, все чаще стали барахлить моторы, хотя мы старались изо всех сил продлить срок их службы. Почти весь ремонт, в том числе и средний, наши специалисты проводили сами. И все же в сентябре в полевые авиамастерские улетело «на поправку» несколько самолетов. Ира Себрова и Ольга Санфирова первыми из нас очутились в положении всадников без коней. Вслед за ними вылетели в Хачмас, где размещались мастерские, и мы с Катей Титовой. Но недолго длилось наше уныние. Коллектив 44-й полевой авиаремонтной мастерской (ПАМ), руководимый Федором [80] Степановичем Бабуцким, отнесся к заказам женского авиационного полка очень внимательно. Самолеты выходили из ремонта раньше намеченных сроков.

С тех пор, уверовав в мастерство и энтузиазм коллектива ремонтных мастерских, отправляя машины в Хачмас, мы уже не опасались, что надолго останемся без работы: наши самолеты ремонтировали быстро. А в канун 25-й годовщины комсомола коллектив ПАМ собрал и подарил полку новенький У-2. Его вручили одному из лучших экипажей - Тане Макаровой и Вере Белик.

В ходе боев росло мастерство наших летчиц. Теперь летчики из соседних полков, встречаясь с девушками, не величали их больше птичками небесными. Между женским полком Е. Д. Бершанской и мужским полком К. Д. Бочарова, тоже летавшим на У-2, завязалась крепкая фронтовая дружба. Но эта дружба на

земле не мешала нам быть яростными соперниками в воздухе. Между нашими полками шло упорное соревнование за первенство в дивизии.

В сентябре мы подводили первые итоги боевых действий. Со 2 июля по 5 августа летчицы полка совершили 711 ночных вылетов, в результате которых возникло 58 пожаров, 16 сильных взрывов, были разрушены две крупные речные переправы, уничтожены прожекторные и зенитные точки. Но данные эти были далеко не полными. Уточнять их, как правило, помогала наземная разведка.

В сентябре 1942 года в ущельях Кавказа не умолкал гул орудий: бросая в бой все новые резервы, гитлеровцы рвались к Грозному и Баку.

Женский авиационный полк базировался в то время в районе Сунженского хребта. Оттуда мы регулярно наносили удары по живой силе и технике врага в районах Моздока, Кизляра, Прохладного.

Каждую ночь наши У-2 улетали за линию фронта бомбить технику и живую силу противника. Но иногда приходилось возвращаться домой с неизрасходованным бомбовым грузом. Случалось это, когда цель была закрыта туманом или низкой облачностью. В такой ситуации нам категорически предписывалось возвращаться на свой аэродром. И все же…

Я была свидетелем, как строго отчитывала командир полка Е. Д. Бершанская комиссара эскадрильи Ирину [81] Дрягину за то, что та пыталась пробиться через Терский хребет к цели, когда на седловине хребта лежала густая еблачность во много слоев. Затея эта была особенно опасной потому, что дело происходило в декабре, самолет мог мгновенно обледенеть и стать неуправляемым.

Кстати сказать, в подобные ситуации Ира попадала не раз, но все кончалось благополучно, даже посадки на чужом аэродроме…

* * *

Мы стали солдатами, солдатами яростными и мужественными. О многих даже в газетной хронике писалось с почтительным уважением:

В леске южнее пункта В. накапливались мотомехвойска противника. Одновременно на станции Н. нашей разведкой было замечено несколько эшелонов с войсками и грузами. Вблизи этой станции, по дорогам и через переправу, двигались резервы врага.

Командование поставило перед летным составом

подразделения капитана т. Бершанской задачу: уничтожить скопление вражеской техники и живой силы в указанных пунктах.

Целую ночь напряженно работали боевые экипажи. Почти все они совершили по два боевых полета предельного радиуса действия.

Особенно меткой бомбардировке был подвергнут лес - место расположения фашистских танков и мотопехоты. Экипаж летчицы Полины Макагон со штурманом Верой Белик после бомбометания наблюдал огромный взрыв и пожар с характерным для горения танков белым дымом. Большой силы взрывы и пожары возникали от бомбардировок экипажей Татьяны Макаровой, Ольги Санфировой и других.

Одновременно с этим ряд экипажей нанес несколько последовательных ударов по врагу в пунктах Н. и по переправе через К.

Экипажи летчиков Нины Худяковой со штурманом Екатериной Тимченко, Марины Чечневой со штурманом Ольгой Клюевой, отходя от цели, видели, как рвались их фугаски в месте скопища врагов, как пылали пожары большой силы…{5} [82]

И так было каждую ночь. Днем с нашего аэродрома «подскока» стартовали ястребки, беспрерывно штурмовавшие врага. В сумерки на смену им приходили бомбардировщики-ночники. И тогда опять оживал, вспыхивал разноцветными огнями аэродром.

* * *

27 сентября 1942 года нам вручили первые фронтовые награды. Меня наградили орденом Красного Знамени. Моего штурмана Олю Клюеву - орденом Красной Звезды. Многие получили тогда ордена. Но особенно я радовалась за нашего техника Катю Титову. Таким, как она, скромным, незаметным труженикам мы во многом были обязаны своими успехами. Как врачи, они постоянно держали руку на пульсе нашего второго сердца. И это сердце мощностью более сотни лошадиных сил никогда нас не подводило, хотя частенько мы не жалели его. Чем напряженнее становилась борьба, тем больше доставалось его могучим железным мускулам.

В те сентябрьские дни я испытала не только радость, но и большое горе: до нас дошла весть о гибели Валерии Хомяковой. Мы расстались с Лерой в мае 1942 года. Наши военные дороги разошлись: я со своим полком улетела на Южный фронт, а ее назначили заместителем командира эскадрильи женского истребительного полка.

Днем и ночью Валерия вместе с подругами охраняла с воздуха Саратов. За образцовое выполнение боевых заданий командование не раз объявляло ей благодарность.

Я горжусь, что моя подруга лейтенант Валерия Хомякова была первой женщиной в мире, сбившей в ночном бою самолет противника. Произошло это в ночь на 25 сентября 1942 года, когда группа вражеских бомбардировщиков Ю-88 прорвалась к Саратову. А через несколько дней Валерии не стало. Она погибла, выполняя боевое задание командования.

Так и осталось недописанным письмо к матери, начатое перед вылетом. На полуслове была прервана ее задушевная беседа с Ольгой Шаховой о счастье, о будущем…

Для всех, кто знал и любил Валерию - а не любить ее было просто невозможно, - она навсегда останется не только замечательным летчиком. В ее образе органично слились для меня и моих сверстниц прекрасные человеческие и деловые качества, покоряющая женственность и [83] решительность, преданность долгу, смелость, не знавшая границ. Валерия была человеком большой души и открытого сердца, беззаветным и самоотверженным во всем: в служении авиации, в дружбе, в любви…

Память о Валерии жива. Я имела возможность еще раз убедиться в том, когда не так давно посетила Московский химико-технологический институт, где она училась и где по просьбе студентов и преподавателей я долго рассказывала о ее короткой, но славной жизни.

Валерию помнят товарищи по аэроклубу, с которыми она работала перед войной. Помнят боевые подруги. И я верю - о ней будут знать новые поколения молодежи.

* * *

Наступила осень. Зарядили дожди. Но мы работали без перерывов. Трудные это были полеты. Цель порою была полностью закрыта облачностью или туманом. Мы находили окна и старались во что бы то ни стало выполнить задание. Зато каждый боевой вылет в этих сложных условиях прибавлял нам опыта, помогал вырабатывать тактику борьбы с врагом.

Очень успешно действовал в те дни экипаж в составе Надежды Поповой и Екатерины Рябовой. И не случайно о них неоднократно писала фронтовая газета, не случайно именно их ставили в пример другим летчицам и штурманам.

Надю Попову - красивую голубоглазую девушку, женственную

и нежную - любили у нас все. Я с ней подружилась с первых дней пребывания в полку. Мы не раз приходили на выручку друг другу, это сблизило нас еще больше…

В раскрытое настежь окно нашего общежития было видно, как щербатая луна путается в ветвях деревьев, как внизу, под луной, проступают очертания гор, а в ночной синеве неба мерцают веселые звездочки.

В тот день что-то долго не поступала из штаба дивизии боевая задача. В свободные минуты мы, как обычно, мечтали о будущем.

Опершись локтями о подоконник, задумчиво глядела вдаль Женя Руднева. Мы с Надей Поповой пристроились рядышком с ней.

- Как хорошо, девочки! - зачарованно произносит Женя. - Вы видите - это Вселенная. И Луна, и наша [84] Земля, и мы - воюющие букашки - все это Вселенная… - Женя умолкла, по ее бледному лицу разлилась ослепительная улыбка. - Сегодня мы летаем на У-2 между разрывами фашистских зениток. А когда разобьем врага, придет время, и мы обязательно дадим старт воздушным кораблям. Они полетят вокруг Земли, на Луну, на Марс… Девочки, почему вы молчите? Луна вас очаровала, что ли?…

- Нет, Женечка, не луна… Просто, когда видишь рядом прекрасное, хочется помолчать…

Руднева отошла от окна.

- Самое прекрасное, по-моему, это истинная поэзия… Вот и осень. Пушкин очень любил ее. Я тоже люблю. Сколько мыслей охватывает человека именно в это время года! Сколько вокруг нежной печали и мечтательной грусти… - Женя замолчала, думая о чем-то своем.

- А чего мы, собственно, приуныли, девочки? О чем загрустили? О прошлом? Так ведь мы молоды, все еще впереди. - Надя Попова говорит тихо, но очень проникновенно. - Выше голову, подружки! Вспомним-ка лучше, какие песни поются в осеннюю пору. Жаль, нет гитары… Да, впрочем, можно и без нее. Помните:

Я пережил свои желанья, я разлюбил свои мечты, Остались мне одни страданья, плоды сердечной пустоты…

Однако не очень-то пелось без гитары. Снова в комнате наступила тишина. И снова зазвучал нежный и таинственный голос Жени Рудневой. Она продолжила свою красивую импровизацию:

- Леса загорелись в первом нежном багрянце, а в воздухе тихо плывут куда-то серебристые нити… Ярче и заманчивей сверкают

в небе таинственные звезды…

- И почему-то хочется вдруг плакать, - грустно добавляет Оля Клюева. - А еще хочется петь без конца разные песни, больше - грустные…

- Почему-то осенью все кругом кажется золотистым, - продолжает мысль подруги Женя Руднева. - И падающие медленным дождем желтые листья в Летнем саду, и бледный свет вечерней вари над Невой, и крылья птиц в лучах заходящего солнца, и вот эти далекие горные вершины… Да и сама осень кажется гигантской золотой птицей, распластавшей над землей крылья… [85]

Незаметно подошли октябрьские праздники. Незадолго до них полк посетили командующий фронтом генерал армии И. В. Тюленев и командующий 4-й воздушной армией генерал-майор авиации К. А. Вершинин. Ивану Владимировичу не понравилось, что мы ходим в брюках. Он сказал, что незачем женщинам ходить в мужской армейской форме, и тут же приказал сшить всему составу шерстяные юбки, гимнастерки и хромовые сапоги.

- Раз уж ваш полк женский, так вы должны быть женщинами во всем, - сказал нам генерал. - А иначе вы и сами забудете, что принадлежите к прекрасному полу.

Вручив девушкам награды, гости уехали.

Вскоре мы действительно получили новенькую форму. Времени до праздников оставалось в обрез, и мы деятельно готовились к ним. Полковой врач Ольга Жуковская в отчаянии только охала и хваталась руками за голову, видя, в каком огромном количестве истребляют наши артисты марлю и акрихин.

- Пощадите, девушки! - молила она. - Не шейте себе таких пышных сарафанов.

Наконец все было готово. Вечером приехали гости - наши братцы из полка К. Д. Бочарова и все командование 218-й дивизии во главе с Д. Д. Поповым, который к тому времени стал генерал-майором. В небольшом зале нашего импровизированного клуба яблоку негде было упасть. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде!

Все шло как положено. Война не исключила из нашей жизни отдых. Она оторвала нас от семей и родных, разбросала по землянкам, окопам, фронтовым аэродромам, по далеким и ближним тылам, но не смогла лишить наши души самого главного - жажды жизни, любви к ней. Напротив, она еще больше обострила это чувство и заставила каждого полнее осознать простую, но прекрасную истину - что он человек и ничто человеческое ему не чуждо.

И когда Валя Ступина, открывшая праздничный вечер, закончила свое выступление песней «В землянке», в зале на мгновение установилась тишина. В простых, бесхитростных словах этой песни мы узнавали свою судьбу. Как и безымянный герой песни, каждый наперекор суровой вьюге войны помнил о голубом небе и солнце, о счастье, о любви, обо всем, ради чего он недосыпал, мерз в окопах, [86] поднимался в атаку и, если надо, бросался грудью на амбразуры вражеских дотов.

Вот о чем пела девушка в солдатской форме, вот какие думы и чувства рождала песня у слушателей. Вообще песня на фронте была нашим неизменным спутником, верным другом, она звала и вела за собой, помогала жить и сражаться. Часто перед полетами, когда плотные сумерки южной ночи спускались на землю, мы собирались у самолетов и пели. Нередко первой начинала Бершанская. Евдокия Давыдовна хорошо знала народные песни, а ее мягкий приятный голос был удивительно созвучен их вольным лирическим напевам.

Эти ночи, как наяву, встают передо мной. Призывно мерцают в бездонной вышине звезды, с гор тянет холодком, издали доносится неясный шум передовой. А по аэродрому движутся тени. Песня льется, льется и не кончается. На смену одной спешит другая… И каждая рождает в душе свой отклик. Первая печалит, вторая радует, третья навевает легкую грусть и как бы вызывает сожаление о чем-то далеком, неясном. Сколько песен, столько и чувств. Но есть в песнях одно общее, что роднит их, - к ним нельзя быть равнодушным. Особенно остро я почувствовала это на фронте и нередко задумывалась, почему так происходит. Наверное, не только потому, что мелодия ласкает слух, вызывает определенные чувства, рождает ассоциации. Мелодия организует в единую систему множество разрозненных мыслей и чувств, направляет их в одно русло и тем самым как бы соединяет поющих незримыми нитями, помогает лучше и полнее понимать друг друга, а стало быть, сплачивает людей и их усилия в бою, труде, учебе, в том, что называется одним многогранным словом - жизнь.

Однако я отвлеклась от рассказа о праздничном вечере. Кстати, в репертуаре его преобладали именно песни. Выступали почти все наши основные солисты: Дина Никулина, Рая Аронова, Люба Варакина, Рая Маздрина. Шумный успех выпал на долю Ани Шерстневой и Аси Пинчук, исполнивших саратовские частушки. Закончился концерт чтением поэмы о нашем полке, которую написала Ира Каширина.

…И так мы воюем, и летчики-братцы
Сестричками девушек наших зовут. [*87]*

В семье боевой мы, как равные, драться
За Родину будем, за радостный труд.
Пока хоть один из фашистов проклятых
На нашей земле будет воздух смердить,
Мы вахту почетную, сестры, не сменим,
За нами народ, мы должны победить!

Эти два последних четверостишия нам особенно понравились большим оптимизмом, глубокой верой в нашу окончательную победу.

Праздник мы провели весело, интересно. А затем для нас вновь наступили боевые будни.

* * *

Ненастная осенняя погода сильно затрудняла полеты. Но командир нашей эскадрильи Серафима Амосова уверенно вылетала в бой первой, а за ней следовали все экипажи. Может быть, мы были пристрастны, но считали Амосову лучшим комэском в полку. Воюя рядом с ней, я многому училась, многое перенимала у нее. Летчицы, штурманы, техники, вооруженцы тоже прошли благодаря ей хорошую школу. Амосову любили и уважали не только как требовательного начальника, но и как прекрасного товарища, верного, отзывчивого друга.

По сравнению с нами Серафима имела солидный летный опыт. Урожденная сибирячка, она одной из первых среди женщин стала в Красноярске токарем по металлу. Много и успешно работала по заданиям комсомола. Комсомол и дал ей путевку в авиацию. Амосова окончила планерную школу и Тамбовскую летную школу. Незаурядные способности девушки были замечены. Службу она начала в Гражданском воздушном флоте и летала на сложной трассе Иркутск - Москва.

Война застала Симу Амосову в Янауле. Там однажды ей и вручили телеграфный вызов от М. М. Расковой.

С первых боевых вылетов я прониклась безграничным доверием к Амосовой: я знала, в самую трудную минуту наш командир всегда придет на выручку. Так уже бывало не раз. В районе Моздока Таня Макарова и Вера Белик попали под ураганный зенитный огонь. Заметив, что Макаровой приходится очень туго, комэск со штурманом эскадрильи Розановой стали бомбить прожекторные точки немцев. Убрав газ, Амосова спланировала на ближайший [88] прожектор. Тщательно прицелившись, Лариса Розанова сбросила бомбы. Взрывной волной сильно подбросило их самолет. Амосова едва не потеряла

управление. Но свет на земле погас, и это спасло Макарову и Белик.

Зато и наши летчицы не жалели себя, если надо было помочь командиру.

Как раз в том же бою, когда Амосова выручила девушек, она сама попала в лучи прожекторов. Зенитчики усилили огонь, высота полета была небольшая. Серафима отворачивала машину то вправо, то влево. Но прожектористы вцепились в нее крепко. Гибель комэска казалась неминуемой. И тут, в самый последний момент, вверху вспыхнула спасительная САБ - одна из летчиц отвлекла внимание врага на себя. Позже выяснилось, что это был экипаж в составе Нади Тропаревской и Лиды Свистуновой. Лучи прожекторов погасли. Свистунова сбросила бомбы, а Амосова ввела машину в крутой разворот. Тьма надежно укрыла ее маленький У-2.

* * *

В ненастную осеннюю погоду нам приказали бомбить аул Дигора, у подножия Казбека, где фашисты сосредоточили много танков и большое количество различной боевой техники.

Задача была нелегкой. Мало того что враг простреливал все подходы к аулу, расположение его оказалось чрезвычайно неудобным. Представьте себе огромный кувшин с узким донышком и широкими краями, а на дне его песчинку. Этой песчинкой и был аул Дигора, а стенками кувшина - окружавшие его со всех сторон горы. Тут и днем-то развернуться было довольно сложно, того и гляди - врежешься в скалы. О трудностях же ночных полетов нечего даже говорить. К тому же погода стояла совершенно нелетная. Фашисты учитывали все эти обстоятельства и чувствовали себя в ауле спокойно. Мы тоже учитывали это, а потому строили свой расчет на внезапности. Еще Суворов говорил: там, где пройдет олень, пройдет и солдат, а где пройдет один солдат, там пройдет и армия. По такому принципу решило действовать и командование полка. Где пролетит один экипаж, рассудило оно, там пролетит и звено, где звено - там будет эскадрилья, а значит, может оказаться и весь полк, лишь бы немного прояснилось небо. Но погода, как нарочно, все ухудшалась. Мы [89] уже было потеряли надежду, а тут произошел перелом, К полуночи облачность стала рассеиваться, показались звезды, заметно утих порывистый ветер. И тотчас зарокотали моторы, самолеты один за другим взмыли в воздух. Серафима Амосова со штурманом Ларисой Розановой

вылетели первыми. За ними поднялась я с Клюевой.

Как мы и предполагали, наше появление над Дигорой застало фашистов врасплох. Зенитные установки молчали. А между тем мы обнаружили вражеские мотоколонны, которые двигались по единственной дороге, проходившей через узкое ущелье. Еще при подходе к аулу у меня мелькнула мысль обрушиться в первую очередь на мотоколонну, двигавшуюся из аула к ущелью. Так можно было надолго задержать ее, а тем временем сюда подоспели бы другие экипажи. Но для этого нужно было подойти к цели на малой высоте, а горы не позволяли без риска сделать это.

- Как думаешь, стоит рискнуть? - спросила я у Клюевой, коротко сообщив свой план.

- Давай попробуем, - без колебаний согласилась Ольга. - Игра стоит свеч.

Но пробовать нам не пришлось. При свете САБ я увидела, как в самом узком месте ущелья стали рваться бомбы. Судя по времени, это сработал экипаж нашего комэска Амосовой. Розанова точно сбросила бомбы: мы видели на земле взрывы большой силы.

Только я собралась повернуть к ущелью, над ним снова вспыхнули осветительные бомбы, а немного погодя оттуда донеслись взрывы: кто-то из эскадрильи опередил нас.

На следующий день наземная разведка доложила о полном разгроме мотомеханизированной колонны гитлеровцев.

Результативность наших бомбежек, проводившихся в самых сложных условиях, окончательно убедила командование армии в том, что полк оправдал свое назначение и есть все основания усилить его боеспособность. В декабре в состав полка ввели третью эскадрилью. Командиром ее назначили Полину Макагон, штурманом - Лидию Свистунову, заместителем командира по политчасти - Марию Рунт, старшим техником - Дусю Коротченко, техником по вооружению - Марию Марину, командирами звеньев - Ольгу Санфирову, Зою Парфенову, Нину Худякову, [90] а штурманами - Руфу Гашеву, Дусю Пасько и Катю Тимченко.

В это же время у нас ввели должность заместителя командира полка по летной подготовке. На эту должность, как лучшего комэска, назначили Серафиму Амосову.

Командиром нашей эскадрильи вместо Амосовой стала Татьяна Макарова, а штурманом - Вера Белик.

* * *

23 ноября 1942 года фашистские войска под Сталинградом оказались в плотном кольце. На выручку окруженным частям Паулюса двинулась группа армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна, считавшегося специалистом по ведению осадных действий. Но деблокировать окруженных противнику так и не удалось.

В конце декабря войска Сталинградского фронта разгромили котельниковскую группировку гитлеровцев. Перешли в наступление и другие фронты. Враг растерялся. Не зная, откуда ждать очередного удара, он перебрасывал свои резервы с одного участка на другой. Воронежский и Ленинградский фронты начали вгрызаться в оборону немцев. Юго-Западный фронт развивал теперь наступление основными силами на Среднем Дону.

А наш 588-й ночной легкий бомбардировочный полк продолжал наносить бомбовые удары по врагу на Кавказе.

* * *

24 декабря 1942 года Жене Рудневой исполнилось двадцать два года. Однополчанки сердечно поздравили ее. В эскадрилье был выпущен боевой листок, посвященный этому событию. Комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич писала в нем:

Так живи и здравствуй, дорогая участница Отечественной войны. Громи беспощадно гитлеровских бандитов. Веди смело свой самолет вперед - и ни шагу назад. Победу нужно завоевать с оружием в руках, она сама не приходит. А после разгрома гитлеровской армии… в родной семье за столом ты вспомнишь о нас.

Комиссар хорошо разбиралась в людях. И когда писала это напутствие, верила не только в счастливую звезду Рудневой, верила в ее характер, ее мужество, ее сердце. [91]

«…Ты вспомнишь о вас» - эти слова не были данью банальности. Товарищеская преданность Жени была не раз проверена в труднейших испытаниях. Мы знали - такие, как она, не подведут, не покинут друга в беде, до конца останутся верными фронтовому товариществу.

Не было ночи, чтобы Руднева не летала на задания. Но о своей боевой работе она рассказывала скупо. Командование считало ее еще на Кавказе лучшим штурманом - мастером бомбовых ударов, а экипаж Никулиной - Рудневой - лучшим в полку. Мы все полностью разделяли это мнение.

Новый, 1943 год наши девушки встречали в станице Ассиновской. Вместе с Валей Ступиной и Катей Доспановой Женя

Руднева была в тот вечер почтальоном и разносила поздравления. Девчата с юмором проезжались насчет ее увлечения астрономией, а наш полковой врач Оля Жуковская пожелала Рудневой написать когда-нибудь научный труд «Затмение солнца над Германией»…

2 января тронулся с места и наш Северо-Кавказский фронт. Летчицы и штурманы, техники и вооруженцы тщательно готовились к предстоящим боям. Стояла на редкость плохая погода. Снегопады, туманы и низкая облачность исключали действия авиации. Но и без того обескровленный враг почти не оказывал сопротивления. За четверо суток советские войска продвинулись на 100 километров. Наш полк готовился к перебазированию.

- Ну, дочка, - сказала на прощание моя хозяйка, - желаю тебе удачи. Кончится война, вспомни тогда про нашу Ассиновскую и приезжай в гости.

- Спасибо вам. Спасибо за все.

Мы тепло распрощались, я подхватила свой чемоданчик с немудреным скарбом и зашагала к аэродрому. На повороте дороги обернулась - женщина все еще стояла на крыльце и смотрела мне вслед.

Полк стал гвардейским

Из Екатериноградской, куда мы перебазировались, летать приходилось мало: наступила пора туманов и распутицы. Здесь, в Екатериноградской, нас настигло большое горе. Утром 7 января на общем построении начальник штаба полка Ирина Ракобольская сообщила о гибели майора [92] Расковой. Через несколько дней пришли центральные газеты. Я увидела сквозь слезы портрет Марины Михайловны в траурной рамке. С газетного листа на меня смотрели те же прекрасные глаза, то же милое, знакомое до мельчайших подробностей лицо.

Долго смотрела я на портрет… Перед мысленным взором проходили эпизоды, связанные с именем Расковой. Вот подруги отговаривают меня от встречи с ней, но мне разрешили приехать, и морозным новогодним вечером сломя голову я лечу на улицу Горького. Вот мы беседуем у нее дома. Вот телеграмма о моем вызове в Энгельс и встреча с Мариной Михайловной в штабе женской авиачасти…

В тот день мы написали на бомбах, подвешенных к нашим самолетам: «За майора Раскову!»

Девчата нашего полка дали клятву отомстить за гибель Марины Михайловны. По всей стране начался сбор средств на строительство авиаэскадрильи ее имени.

* * *

Враг откатывался быстро, и нам приходилось часто менять аэродромы. Это сильно изматывало людей. Особенно доставалось техникам и вооруженцам, так как основная тяжесть перебазировки лежала на их плечах. Наши войска, сломив сопротивление фашистов, освободили Благодарное, Петровское, Спицевское. Бои передвинулись на запад. Мы наступали вместе с наземными войсками. И хотя каждый вылет требовал огромного напряжения воли и сил, мы делали все, что было возможно.

Каждую ночь мы выполняли боевые задания, а днем перебазировались на новые точки. Команды, составленные из техников и вооруженцев, обычно заранее выезжали к линии фронта, чтобы подыскать подходящие площадки и оборудовать их для приема наших «ласточек». Но самолеты нередко опережали техников и вооруженцев. Так случилось, к примеру, под Георгиевском: мы приземлились на окраине городка, когда на улицах его еще кипел жаркий бой.

А как доставалось нашим подругам при перевозке имущества! Доверху груженные машины то и дело вязли в грязи.

- Ну вот, опять сели, - точно от зубной боли, морщилась [93] Мария Рунт при очередной такой оказии. - Давай, девчата, качнем.

Она первой вылезала из кабины и вместе со всеми, проваливаясь по колено в жидкую грязь, упиралась плечом в кузов машины.

- Раз-два - ухнем! - командовал кто-нибудь.

- Еще разик! Еще раз! - неслось в ответ. Медленно, словно нехотя, буксуя и надрывно рыча мотором, засевший грузовик выползал на твердое место.

- По машинам! - неслось вдоль дороги. Колонна трогалась, но через некоторое время все повторялось снова.

Проходившие мимо пехотинцы беззлобно подшучивали над девушками:

- Вояки в юбках, не испачкайте хромовых сапожек!

- Помогли бы, чем зубоскалить…

- А что, ребята, и в самом деле, подсобим красавицам!

Пехотинцы забирались в грязь, со всех сторон облепляли машины.

- Навались, хлопцы! - громыхал чей-нибудь бас. - А ну, дружней!

И вдруг над дорогой проносилась резкая, как выстрел, команда:

- Воздух!

Людей сдувало словно ветром. Солдаты и девушки моментально разбегались, падали на землю, инстинктивно закрывая руками голову. Нарастал рев моторов, со зловещим свистом рассекая воздух, на колонну обрушивались вражеские бомбы. Они взметали тонны жидкой грязи, решетили осколками борта машин.

В одну из таких бомбежек погибла механик самолета Людмила Масленникова. Смерть ее подействовала на меня удручающе. Нас не связывала тесная дружба. Я и знала-то ее мало - Масленникова прибыла в полк перед самым наступлением.

Совсем еще девочка, Людмила с восхищением смотрела на ветеранов, с большим уважением относилась к летчицам и штурманам. Как-то во время очередной перебазировки, когда загружали машины, мы с ней разговорились. Узнав, что училась в аэроклубе и летаю уже четыре года, Масленникова робко, словно позволила себе нечто бестактное, дерзкое, сказала, что тоже мечтает стать летчицей. [94]

- Жаль только, что сейчас это невозможно… - с огорчением заметила девушка.

- Напрасно так думаешь, - перебила я. - Можно и сейчас понемногу осваивать азы. Присматривайся, что делает пилот, когда сидит в кабине, расспрашивай подруг. А хочешь, буду с тобой заниматься?

- Что вы! У вас и времени-то нет. Вам и так спать некогда.

- А все-таки давай попробуем. Согласна?

Людмила кивнула, и я была уверена, что научу ее летать. Мне было приятно, что эту простую, милую русскую девушку в самый разгар войны вдруг властно позвало к себе хмурое, опаленное всполохами взрывов фронтовое небо.

И вот теперь она ушла от нас. Когда хоронили ее в Ново-Джерелиевской, у меня было такое ощущение, словно вместе с Людмилой опустили в землю частицу моих собственных надежд…

* * *

Из Екатериноградской полк перелетел в Александровскую. Здесь мы попрощались с бригадным комиссаром Горбуновым. Он уезжал из дивизии на другую работу. Мы с сожалением расставались с этим человеком, который стал нам настоящим отцом и другом.

После первой же встречи осенью прошлого года мы почувствовали к нему глубокое расположение. Горбунов

присутствовал тогда на полковом собрании. Он внимательно слушал выступавших, интересовавшее его записывал в блокнот, изредка задавал вопросы. Причем делал это просто, без намека на начальственный тон, словно разговор происходил в тесном кругу друзей. Потом выступил сам. Говорил понятно, тепло, от души.

После этого Горбунов стал частым гостем в полку. Появлялся он всегда незаметно, без шума, бывал на аэродроме, беседовал с людьми, заглядывал в общежитие, столовую. Горбунов старался вникать в каждую мелочь нашей ншзни и боевой деятельности, но делал это спокойно, не навязчиво. Его присутствие никого не смущало и не нервировало, как это нередко случается, когда в часть прибывает высокое начальство.

Перед отъездом бригадный комиссар Горбунов присутствовал на партактиве полка. После собрания завязалась [95] оживленная беседа, и тут он раскрыл нам один секрет. Оказывается, вначале нас просто не хотели брать в дивизию.

- Вы-то, конечно, не причастны к этой оппозиции, - уверенно заметил кто-то.

- А вот и не угадали, - ответил Горбунов. - Я тоже был в числе противников. Знаете, уж очень необычным было ваше появление на фронте. Ну, в тыловых частях - куда ни шло. А тут - боевая, да еще вдобавок ночная работа, бомбежка вражеских войск и различных целей при любой погоде. Да что там объяснять - сами понимаете… Чтобы целая боевая воинская часть, составленная из женщин, наравне с мужчинами била врага… Теперь вижу, крепко мы ошиблись, недооценили возможностей советских женщин.

- Это не ново, - заметила я. - До войны многие летчики-инструкторы тоже не хотели обучать девушек.

- В самом деле?

- Спросите любую аэроклубницу.

- Значит, ошибались не мы одни, - заулыбался бригадный комиссар. - Это хотя и небольшое, но все-таки утешение.

На прощание Горбунов пожелал нам первыми в дивизии стать гвардейцами.

- Это будет последним и сокрушительным ударом по маловерам, - пошутил он.

В то время мы не придали серьезного значения словам бригадного комиссара, во всяком случае никак не думали, что они могут сбыться так скоро. Ведь минуло всего восемь месяцев, как наш полк прибыл на фронт. Правда, за это время мы неплохо поработали, себя не жалели, получили не одну благодарность от командования. Но так действовали и другие. Борьба шла не на жизнь, а на смерть, и каждый вкладывал в нее все свои силы.

Так мы считали. И потому, когда о нас заговорили в печати,

когда девчата стали получать письма, в которых родные и знакомые обращались к ним как к героям, сперва все посмеивались, а потом стали недоумевать.

- Ну что это такое! - как-то с горечью сказала мне Женя Руднева. - Кажется, мои мамуся и папист совершенно разучились мыслить и писать просто, по-русски.

- О чем ты, Женя? [96]

- Ну как же, - протянула она мне письмо отца и матери, - это не послание от любимых, а передовица из газеты.

Я быстро пробежала глазами несколько фраз.

- Не вижу ничего особенного.

- А ты вот тут прочитай. - Женя ткнула пальцем в середину тетрадного листка. - Героиня, героические дела! Да никаких героических дел я не совершаю, просто честно, как и все мы, бью фашистов. Они лезут, а я бью. Что тут особенного!

Подошли Наташа Меклин, Дина Никулина, Катя Рябова, Надя Попова, Оля Клюева.

- О чем спорит Женя?

- Героем быть не желает, - пошутила я. - Возмущается, почему ее так величают.

- У Рудневой в этом вопросе, наверное, свое понятие, - усмехнулась Наташа. - Вот если бы кто первым полетел на Марс или на другую планету, то она, не задумываясь, назвала бы такого человека героической личностью.

- И правильно! Ничего ты, Натуся, не понимаешь, - горячо возразила Женя. - Нельзя легко бросаться такими словами, как «герой», «героизм».

- Как бросаться?! А ты что же, считаешь, что герой должен обязательно обладать какими-то сверхъестественными качествами? Ну а ты сама, кого бы ты могла назвать героем?

- Ну хотя бы… - Женя замялась и вопросительно посмотрела на Дину Никулину.

- Так кого же? - допытывалась Наташа.

- Во всяком случае, человека не обычного, а такого, который, не задумываясь, может броситься с гранатами под танк, заслонить собой амбразуру дота или, как Николай Гастелло, взорвать экипаж на собственных бомбах, врезавшись во вражескую колонну.

Привлеченные спором, подошли другие девушки. Тема разговора заинтересовала всех. Мнения разошлись, и разгорелась настоящая дискуссия. В конце концов, как нередко бывает, когда спорят люди, еще не определившие своего отношения к вопросу, все запуталось. Многие, кто вначале возражал Рудневой, неожиданно стали ее поддерживать, а те, кто соглашался с ней,

оказались на стороне Меклин. [97]

Увлеченные разговором, мы не заметили появления комиссара. Евдокия Яковлевна, наверное, долго слушала наш спор, прежде чем вмешалась.

- Суть не в названии, - услышали мы вдруг ее спокойный, как всегда, голос. - Главное - в деле, и прежде всего в отношении к своему долгу, обязанностям. Нагляднее всего это отношение к долгу проявляется в критические, опасные минуты, когда требуется, может быть, рисковать жизнью. Высокое сознание долга показал, например, Александр Матросов. Но самопожертвование, как и другие сильные проявления человеческого духа, возникает не вдруг, не по мановению волшебной палочки. Оно рождается из будничных, повседневных дел, вроде того как складывается по кирпичику здание.

Сознательно относиться к порученному делу, постоянно, день за днем, вкладывать в него все свои силы, отдавать ему весь жар своего сердца - это не менее трудно и прекрасно, чем совершить что-то необычное, яркое, ослепляющее, как блеск молнии. Так, кстати, поступаете и вы, каждую ночь по нескольку раз вылетая навстречу смерти. И вас поэтому справедливо называют героинями. Поймите это. А главное - будьте скромны, помните, что честь, слава ваша как советских воинов и граждан проявляется в делах ваших…

Этот случайно возникший разговор оставил в наших сердцах глубокий след.

* * *

В начале февраля сорок третьего полк перебазировался в станицу Челбасскую. Погода по-прежнему не баловала нас. Летчицы и штурманы непрерывно дежурили у самолетов, ожидая прояснения.

Особенно непогодило 8 февраля. Плотные черно-серые тучи нависли над прокисшей от сырости землей, ветер, как сумасшедший, носился над аэродромом, вздувая парусами брезентовые полотнища, которыми покрывались моторы машин. Собравшись небольшими группами, мы коротали время за разговорами, негромко напевали любимые песни. И вдруг появилась капитан Ракобольская, какая-то необычная, возбужденная. Срывающимся голосом объявила общее построение. Все встревожились - уж не провинились ли в чем? Тем более, видим: от штаба идут человек десять офицеров. [98]

- Маринка, - толкает меня Оля Клюева, - кажется, сам Попов.

Всмотревшись, я действительно узнала командира дивизии.

После доклада Ирины Ракобольской вперед вышел генерал Попов. Ветер рвал из его рук лист бумаги.

Шагах в трех позади Дмитрия Дмитриевича стояла командир полка Бершанская, рядом с ней комиссар Рачкевич. Лица обеих были сосредоточенны, торжественны. По тому, как они смотрели на строй, изредка перебрасываясь словами, чувствовалось: произошло что-то важное, приятное для нас.

Окинув взглядом строй, генерал Попов громко прочитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении нашему 588-му полку гвардейского звания и переименовании его в 46-й гвардейский. Тут же на поле состоялся митинг. Выступали многие. Говорили просто, но от всего сердца. Еще бы! Ведь нам первым в дивизии оказали такую честь. Да и не только в дивизии. Наш полк стал первой женской гвардейской частью во всей армии!

Вечером в общежитии было особенно оживленно. Все были возбуждены, не хотелось заниматься серьезными делами. Позабыв про лекции и конференции, которые проводились в нелетную погоду, девушки стайками переходили из комнаты в комнату, перебрасывались репликами, шутили, смеялись. Исключение составляла лишь Наташа Меклин. Уединившись в укромном уголке, она что-то сосредоточенно писала, изредка сердито поглядывая на тех, кто пытался ей помешать. Казалось, происходящее вовсе не интересует ее.

- Что, Натуся, - шутливо проговорила Женя Руднева, - поэму сочиняешь о девушках-гвардейцах?

- Пока секрет, - тихо ответила Наташа, строго посмотрев на Женю красивыми, с зеленоватым оттенком глазами. - Не скажу!

Дина Никулина, с которой Женя летала в одном экипаже, дернула подругу за рукав гимнастерки:

- Пойдем. Разве ты не видишь, что у нашего штурмана сегодня поэтическое настроение?

- Вот еще… Откуда вы взяли? - смутившись, выдала себя Меклин… [99]

На другой день, когда мы с Олей Клюевой дежурили на аэродроме, на старт, запыхавшись, примчалась Катя Титова.

- Ой, девушки! - издали закричала она. - Бежим скорее слушать марш!

- Какой там еще марш? - переспросила Оля.

- Самый настоящий, гвардейский. Наш, понимаешь - наш!

Наверное, вчера Наташа написала, догадалась я и посмотрела на небо. Оно по-прежнему хмурилось. Не было ни малейшей надежды на улучшение погоды.

- Пошли, - предложила я Клюевой. - Гвардейцам положено иметь свой марш.

- Будет нам марш, если вдруг объявят вылет на разведку погоды, - заметила Ольга, нехотя вылезая из кабины.

- Не объявят. А вообще-то, ради такого случая не жалко разок и выговор заработать.

- Быстрей вы, копуши! - тормошила нас Катя.

В общежитии было уже битком. Кто-то невидимый за склоненными над столом головами не спеша, с чувством читал:

На фронте встать в ряды передовые
Была для нас задача нелегка.
Боритесь, девушки, подруги боевые,
За славу женского гвардейского полка.

- А что, неплохо, - заметила Ира Каширина. - Ну-ка, девочки, все разом:

Вперед лети
С огнем в груди…

Десятка полтора голосов подхватили за Ирой:

Пусть Знамя гвардии, алеет впереди.
Врага найди,
В цель попади,
Фашистским гадам от расплаты не уйти.
Никто из нас усталости не знает,
Мы бьем врага с заката до зари,
Гвардейцы-девушки в бою не подкачают,
Вперед, орлы! Вперед, богатыри! [100]

Некоторые уже успели переписать марш. Копии песни тотчас разошлись по рукам. Не прошло и пяти минут, как гремел настоящий девичий хор:

Врага найдем мы в буре и тумане,
Нам нет преград на боевом пути.
Громи, круши его налетным ураганом,
Спеши от гвардии «подарок» отвезти.
Гвардейцы с честью выполнят заданье,
Отыщут, выследят, разведкой донесут,
Никто к врагу не знает состраданья,
На зуб попался, знай: тебе капут.
Мы слово «гвардия», прославленное слово,
На крыльях соколов отважно пронесем,
За землю русскую, за партию родную,
Вперед за Родину, гвардейский женский полк!

Вначале пели на произвольный мотив. Потом подобрали подходящую мелодию. Песня Наташи Меклин понравилась всем и с того дня стала полковым гвардейским маршем.

* * *

Нет ничего хуже вынужденного безделья. Мы ждали хоть малейшего улучшения погоды. Наконец прояснилось. Меньше чем за неделю было совершено несколько десятков боевых вылетов. С таким ожесточением и жадностью мы никогда не работали. Мы стали гвардейцами и старались доказать это на деле.

Несмотря на низкую облачность, неустойчивую погоду, отвратительную видимость, наши летчицы неизменно отыскивали врага. Тимашевская, Поповическая, Красноармейская, Ново-Николаевская… Одна за другой мелькали под крылом самолета станицы, уводившие нас все дальше на запад.

В середине февраля полк перебазировался в станицу Ново-Джерелиевскую. На Кубань только-только пришла весна со страшной распутицей, с непролазной грязью. Грязь преследовала нас на улицах, на аэродроме, в садах, тащилась за нами в дома и в кабины самолетов. Больно было смотреть на заляпанные грязью У-2. Грязь мешала даже работать. Шасси самолета при рулежке настолько зарывались в грунт, что машины приходилось вытаскивать на собственных плечах. [101]

Погода стояла отвратительная. Днем часто шел снег, ночами землю прихватывали заморозки. Летчики и штурманы не знали, как обуваться. Ходить по грязи в унтах было тяжело, сапоги же моментально промокали и смерзались в воздухе, сковывая и леденя ноги.

Распутица затруднила подвоз горючего и продовольствия. Питались мы в основном кукурузой. Как же она нам надоела! Две недели одна кукуруза - в сухом, вареном и жареном виде. Ни соли, ни хлеба, ни мяса, ни масла. Кукуруза на первое, на второе и на третье. Кукуруза на завтрак, на обед, на ужин. Даже спали на кукурузе.

Действовали мы в этот период преимущественно отдельными экипажами, нанося удары по живой силе и технике противника в населенных пунктах и на дорогах. Иногда летали на разведку. В один из вылетов Полина Макагон с Лидой Свистуновой прямым попаданием уничтожили переправу у поселка Красный Октябрь, а Ольга Санфирова с Руфой Гашевой, обрабатывая в том же районе вражеские мотоколонны, вызвали три сильных взрыва.

В марте мы покинули грязную, надоевшую всем Ново-Джерелиевскую и перебрались в станицу Пашковскую, под Краснодаром. Здесь закончилась подготовка прибывшего еще в декабре прошлого года пополнения летчиц, штурманов, техников

и вооруженцев. Они стали летать на боевые задания, и полк с новыми силами приступил к боевым действиям над Голубой линией.

Голубой линией противник называл сильно укрепленную полосу, протянувшуюся от Новороссийска до Азовского моря. Фашисты до предела насытили ее средствами противовоздушной обороны, сюда они стянули отборные авиационные части. Стремясь любой ценой удержать преддверие Крыма - Таманский полуостров, гитлеровцы сопротивлялись с небывалой яростью. Вскоре здесь разыгрались жестокие воздушные бои.

В Пашковской наш полк разместился на большом аэродроме. Здесь царила разруха. По краям поля сохранились лишь глубокие капониры, где мы прятали свои самолеты от воздушных разведчиков противника.

Со станицей Пашковской связан в моей памяти один, на первый взгляд незначительный, эпизод. Мы долго не вылетали на задание. Наступила темнота, а мы с Ларисой Розановой, Олей Клюевой и Женей Рудневой все сидели [102] в сторонке, о чем-то разговаривая. Мимо нас, совсем рядом, прошла группа молодежи с большими парашютными сумками. Они направлялись к транспортному самолету «Дуглас», стоявшему чуть в стороне от наших У-2. В группе было несколько девушек.

- Вот кому я завидую, - сказала Женя Руднева. - Эти девушки - настоящие героини. Прыгнуть ночью в темноту, оказаться среди фашистов и работать рядом с ними… Для этого нужно много отваги. Я бы, наверное, не смогла…

- А разве не надо смелости, чтобы каждую ночь летать на бомбежку противника на твоей маленькой «ласточке»? - спросила в упор Розанова.

- Это совсем не то, Лара. Я ведь сижу в самолете, а тем девушкам предстоит прыгнуть с парашютом на землю, занятую врагом…

Я, как сейчас, вижу лицо Жени, ее глаза, в которых светится восхищение тем, что ей довелось увидеть…

* * *

Наша работа очень усложнилась. И не только из-за отвратительной погоды. Летать приходилось под сильным заградительным огнем хорошо организованной системы ПВО противника и в сфере действий его истребительной авиации. Нельзя было не учитывать и того обстоятельства, что летали мы в свете прожекторов собственной противовоздушной обороны, над

вздернутыми дулами своих орудий. В горячке и суматохе боя - мы-то отлично знали это - всякое могло случиться. Попробуй разберись сразу, что к чему, в той кутерьме, которая творилась в воздухе, когда в небе одновременно действовали десятки своих и чужих самолетов. Не мудрено было попасть и под свой снаряд, тем более ночью.

В районе аэродрома соблюдалась максимальная осторожность, так как к нам частенько заглядывали фашистские самолеты. Поэтому, как правило, мы шли на посадку без бортовых огней, ориентируясь лишь по тщательно замаскированным наземным световым сигналам. Нервы в этой обстановке были напряжены до предела. Выключишь мотор, идешь на посадку, а кругом тьма, сплошная густая тьма, лишь фосфоресцируют в кабине стрелки приборов. Земли не видно, ее приближение угадываешь только тогда, когда в нос начинает бить запах сырости и чернозема. [103]

Но какая под тобой высота? Может, тридцать метров, а может, всего один метр? Еле приметные по курсу посадочные огни только вводят в заблуждение, усиливая впечатление темного провала под плоскостями.

Каждый: мускул у тебя напряжен. Особенно тщательно приходится ловить звуки: страшно услышать поблизости характерный свист воздуха, рассекаемого плоскостями другого У-2. Увидеть его было невозможно, так как бортовых огней мы не зажигали. А вверху, надсадно воя мотором, ходил фашист в ожидании легкой добычи.

Опасность была всюду: над тобой, под тобой, впереди и сзади. Она сжимала со всех сторон, словно тисками. Удивительно ли, что, приземлившись, мы долго приходили в себя. А как только чувствовали, что избавились от нервного перенапряжения и нервная система пришла в норму, тут же опять бросали свою машину в бой, в грохот разрывов, в свистопляску орудийного огня и света. И так каждую ночь. Не всякий даже испытанный, побывавший в переделках летчик выдержит долго подобную нагрузку.

И сейчас, когда все давно отошло в прошлое, я не могу забыть этих ночей. Ох, как они памятны нам! В одну из таких ночей в Ивановской, на аэродроме «подскока», куда мы из Пашковской перелетали перед вечером, полк потерял сразу два экипажа. Это случилось, когда у нас была ночь-максимум - вылеты следовали один за другим до рассвета.

Мы только что приземлились и, сидя в кабине, ждали, когда вооруженны подвесят под плоскости новые бомбы. Я отдыхала, наслаждаясь тишиной, ни о чем не думая, выключив сознание.

Молчание нарушила Ольга Клюева:

- Слышишь, Маринка, кажется, фашист идет в сторону нашего аэродрома.

- Опять! - с досадой вырвалось у меня; - А через несколько минут девочкам садиться.

- Ничего, не привыкать.

- Ты же знаешь, Оля, как трудно при посадке не только нам - летчицам, но и вам - штурманам…

- Очень трудно, Марина. С этим я полностью согласна. А что поделаешь?…

Мы помолчали.

- Маринка! [104]

- Да.

- О чем ты сейчас думаешь?

- О соленых огурцах.

- Я серьезно.

- И я не шучу. В Москве у соседки знаешь какие огурцы были! Вот бы сейчас попробовать!

- Просись в отпуск. На попутном самолете туда и обратно - быстро.

- Скажешь тоже! А вообще-то, неплохо бы пройтись сейчас по затемненным улицам Москвы, побывать в театре, - мечтательно произнесла я. - Интересно, какая она сейчас, Москва? А ты, Оля, была в Москве?

- Все собиралась съездить, а тут война. Когда училась в институте и в Саратовском аэроклубе, надеялась прилететь в Москву на воздушный парад. Обязательно побываю там после войны. Ты меня в гости пригласишь. Хорошо?

- Хорошо, Олечка. А вот, кажется, и наши «старички» тарахтят.

Где- то далеко-далеко мерно рокотали во мраке моторы У-2. А фашист -все кружил и кружил над аэродромом.

- Готово, Маринка! - донесся из темноты голос Кати Титовой. - Давай на взлет. Желаю прилететь без дыр.

Я только собралась включить зажигание, как воздух потряс сильный взрыв. Это фашист сбросил бомбы недалеко от аэродрома.

А наши «ласточки» ходили над точкой, выжидая, когда можно произвести посадку.

- Титова, к запуску!

- Есть, к запуску!

- Контакт!

- Есть, контакт!

Я нажала сектор газа. Чихнув несколько раз, взревел мотор.

Оторвавшись от земли и набрав высоту, легла на боевой курс. Это был последний наш вылет в ту страшную ночь.

Утром мы узнали, что при заходе на посадку в воздухе столкнулись самолеты Полины Макагон - Лиды Свистуновой и Юли Пашковой - Кати Доспановой.

Катя Доспанова по-прежнему летала с летчицей Юлей Пашковой. Их экипаж успешно отбомбился и уже возвращался на свой аэродром. По расчетам штурмана выходило, [105] что линия фронта осталась позади и самолет находится на подступах к аэродрому. И действительно, Пашкова и Доспанова вскоре увидели лучи приводного маяка и тусклые огоньки посадочных сигналов. Экипаж пошел на посадку. Девушки были уверены, что находятся над своей базой…

Катя очнулась среди обломков самолета и первым делом попыталась вспомнить, что произошло. Она хорошо помнила: самолет пошел на посадку. А что было дальше? Память ничего не сохранила. Прислушавшись, Катя различила невдалеке голос Юли.

Перекинувшись с подругой несколькими словами, Доспанова поняла: Пашковой очень плохо. Юля объяснила, что сидит в самолете, но не может даже пошевелиться. Девушки договорились, что Доспанова сделает несколько выстрелов из пистолета: если придут свои, то помогут, а если явятся фашисты…

Катя попыталась достать свой пистолет, но от резкого движения потеряла сознание. Очнувшись в какой-то миг, она услышала знакомые голоса девушек - подруги разыскали их.

Командир эскадрильи Полина Макагон и штурман эскадрильи Лида Свистунова погибли сразу после столкновения, а через некоторое время скончалась Юля Пашкова. Выжила только Катя Доспанова. Спасла ее непредвиденная случайность. Была у нее привычка в полете не пристегиваться поясными и плечевыми ремнями к сиденью. Она считала, что ремни сковывают движения. Правда, несколько раз штурман Доспанова получала замечания от старших командиров за нарушение правил полета, и все же после того, как самолет поднимался в воздух, она частенько расстегивала ремни. Так было и в тот раз. И это спасло девушку. От сильного удара о землю после столкновения самолетов ее выбросило из штурманской кабины. Катю в тяжелом состоянии отправили в госпиталь.

Через день мы прощались с погибшими. Похоронили их в центре станицы Пашковской. Три холмика, и над ними три пропеллера, треск ружейных выстрелов воинского салюта, обнаженные головы подруг. И как последняя память - стенная

газета в траурной рамке. Она висела на стенде до самого нашего отлета из Пашковской. Каждый раз, проходя мимо газеты, я смотрела на портрет [106] улыбающейся Юли Пашковой и вспоминала стихи, посвященные ей Наташей Меклин. Там были такие строчки:

Ты стоишь, обласканная ветром,
С раскрасневшимся смеющимся лицом,
Как живая, смотришь на портрете,
Обведенном черным траурным кольцом.
Слышен был нам каждую минутку
Голос чистый, звонкий, молодой:
«Ты успокой меня, скажи, что это шутка…»

«Ты успокой меня, скажи, что это шутка» - эти строки из любимой песенки Юли, которую она всегда напевала в минуту грусти. С удовольствием слушала я Юлю. Ее приятный, душевный голос успокаивал, создавал ощущение, словно кто-то шепчет на ухо теплые, ласковые слова.

Хорошее стихотворение посвятила Наташа Юле Пашковой. Вообще Меклин слыла в нашей среде признанной поэтессой. Не берусь судить о подлинной художественной ценности ее стихов. Впрочем, какое это тогда имело значение? Главное, у нее, да и у других девушек, было желание писать. Они писали, и хорошо делали. Значит, не очерствели на войне их сердца, глаза и уши по-прежнему оставались чуткими и восприимчивыми ко всему, что украшает человека и его жизнь.

Только глубокой осенью вернулась в полк Катя Доспанова. Вернулась и снова стала летать на боевые задания…

Командиром 3-й эскадрильи назначили Марию Смирнову, работавшую перед войной в Калинине летчиком-инструктором, а штурманом - бывшую студентку Московского университета Дусю Пасько.

* * *

На моем рабочем столе неизменно лежат стопки писем от фронтовых подруг-однополчанок. Я люблю перечитывать их: в памяти каждый раз возникают картины прошлого. За восемнадцать лет службы в авиации мне пришлось встретиться со многими людьми. С некоторыми из них подружилась на всю жизнь.

Вот из конверта выпала фотография смеющейся девушки. Освещенное солнцем счастливое лицо. Вьющиеся белокурые волосы. Чудесные глаза. Я знаю их, они голубые, [107] как

весеннее небо. Когда девушка смеется, ее глаза делаются узкими-узкими, кажется, из них вот-вот брызнут живые искорки счастья. Я помню эти глаза. Я знала эту девушку. Так и хочется сказать ей: «Ну, Глафирка, дорогая, полетим, что ли?…»

Техник самолета Глафира Каширина (мы называли ее Ирой) с первых дней боевой работы завоевала большое уважение всех летчиц и штурманов. Как-то особенно тщательно, с любовью, будто это не составляло для нее никакого труда, готовила она к боевому вылету наши машины.

С этой чудесной девушкой я познакомилась в военной школе пилотов в Энгельсе.

Ира Каширина привлекала удивительной чуткостью. За это окружающие горячо любили ее. Заползала ли в сердце тоска, приходилось ли кому трудно, потерпел ли кто неудачу - Ира всегда замечала это одной из первых. Стоило ей своим легким, неслышным шагом подойти к подруге, ласково улыбнуться - и сразу становилось легче.

В то же время наша мягкая, женственная Ира была человеком большой смелости. Еще в 1942 году случилось однажды, что населенный пункт, возле которого мы базировались, оказался под угрозой захвата врагом. Все экипажи уже вылетели на запасный аэродром. На месте остались только Ира Каширина да старший инженер полка Софья Озеркова. Обе девушки слишком поздно поняли всю тяжесть сложившейся ситуации. Раздумывать было некогда. Выстрелом из ракетницы они подожгли самолет, чтобы не достался врагу, и начали отходить.

Прошло больше месяца. В штабе на имя Софьи Озерковой и Иры Кашириной лежало несколько писем. Их не вручили, но и не отсылали обратно, хотя сроки хранения истекли. Все надеялись, что Озеркова и Каширина вернутся. И они вернулись, когда наш полк вел уже бои на Кавказе, под Грозным…

Техник Ира Каширина жила одной мечтой - летать. В свободное время она подолгу просиживала в кабине самолета и самостоятельно изучала теорию самолетовождения. Ей помогали штурман полка Софья Бурзаева и штурманы эскадрильи Женя Руднева и Лариса Розанова.

Со временем Каширину зачислили в штурманскую группу полка. Экзамены она сдала отлично. [108]

Тренировочные полеты по маршрутам сначала днем, а затем ночью Каширина выполняла с Серафимой Амосовой и Ольгой Санфировой. В летной книжке штурмана Кашириной появилась отличная отметка. Ей разрешили вылетать на боевые задания.

Ира довольно быстро открыла свой боевой счет. Ее мастерство росло от полета к полету.

…В ночь на 22 апреля 1943 года полку было приказано бомбить скопления техники и живой силы противника в районе Новороссийска.

Ночь была лунная, светлая. Штурман Ира Каширина вылетела на задание с заместителем командира эскадрильи Дусей Носаль, смелой и отличной летчицей.

Мой экипаж в ту ночь готовился к третьему боевому вылету. В установленное время я вырулила на линию исполнительного старта. Запросила разрешение на взлет. В ответ замигал красный фонарик: вылет запрещен. Через минуту раздалась команда руководителя полетов Серафимы Амосовой: «Всем выключить моторы!» А затем мы узнали: случилась беда с экипажем, идущим на посадку.

Вглядевшись в небо над аэродромом, мы с Олей Клюевой различили в свете луны одну из «ласточек». С ней действительно творилось что-то неладное. Машина кружила над полем, будто огромная ночная птица. Несколько раз летчица заходила на посадку, снова взмывала ввысь и опять делала круги над аэродромом. Наконец ей удалось приземлиться. Все, кто находился на старте, бросились к самолету. Впереди всех мчалась наш полковой врач Ольга Жуковская. Когда подоспели остальные, Жуковская уже стояла на плоскости. А на земле, невдалеке от У-2, я увидела окруженную девушками Иру Каширину. Поддерживаемая подругами, она тихо направилась навстречу заместителю командира полка Серафиме Амосовой.

- Убили Дусю Носаль, - дрожащим голосом произнесла Каширина. - Мы возвращались домой с бомбежки…

А чуть позднее в полку узнали, как было дело.

Самолет точно вышел на цель. Бомбы полетели вниз, а через несколько секунд протянулись светящиеся нити трассирующих пуль. У-2 лег на обратный курс. Был бой как бой. Таких на счету экипажа числилось немало. Иногда доставалось и покрепче.

- Вот что я думаю, Ира, - обратилась к штурману [109] Дуся Носаль, когда машина вырвалась из-под обстрела. - До Новороссийска уже дошли. А впереди Крым. Чудесное место! После войны поедем отдыхать на его золотистые пески. Согласна?

- Разве после войны ты меня вспомнишь? - пошутила Каширина. - С мужем в Крым поедешь. Тогда для тебя и существовать-то никто не будет, кроме него. Недаром его фотографию вместо часов на приборную доску повесила. Кстати, как он?

- Воюет. Пишет, что все в порядке. Меня героиней величает. Я ему тоже часто пишу.

- Да, наверное, хорошо, когда есть, пускай даже далеко, кто-

то очень близкий, кто постоянно думает о тебе, пишет ласковые, теплые письма. Я тебе, Дуся, часто по-хорошему завидую.

- А ты выходи замуж и перестанешь завидовать. Тоже повесишь фотографию мужа в кабине. Как трудно придется, посмотришь на нее, сразу легче станет…

Самолет качнуло, и он пошел вниз, словно провалился в яму. Правда, вскоре Дусе удалось выровнять машину. Но мощные нисходящие потоки воздуха неумолимо прижимали У-2 к земле. Стало ясно, что в этой ситуации перескочить горную гряду не удастся.

- Придется возвращаться назад, - сказала Носаль, - иначе не наберем нужной высоты.

Над Новороссийским заливом справа по борту неожиданно появился силуэт самолета. На развороте их атаковал фашистский истребитель. Мелькнула вспышка. Не успела Ира передать об этом летчице, как в кабине Носаль разорвался огненный шар. На какое-то мгновение Каширину ослепило, а через секунду она увидела, что голова Дуси безжизненно упала на плечо. Самолет накренился, потерял высоту и стремительно понесся навстречу земле. Неимоверным усилием Ире удалось вывести машину в горизонтальное положение. Она развернула У-2 курсом на свой аэродром. Тело Дуси сползало вниз и давило на ручку управления. Вести машину становилось все труднее. Но Каширина не растерялась. Одной рукой (откуда только взялись силы) она сдвинула тело мертвой подруги и облегчила управление машиной.

А тут, как назло, с земли яростно ударили зенитки. Появились пробоины в фюзеляже, на стабилизаторе, плоскостях. Но все обошлось благополучно. Едва прекратили [110] огонь зенитки, началась болтанка в воздухе. Она отнимала последние силы. А ведь еще предстояла посадка. Первая самостоятельная посадка в ночных условиях. Долго кружила Каширина над полем, пока удалось приземлиться. Перед самой посадкой, когда самолет на мгновение завис в воздухе, Ира не выдержала и, чтобы дать отдых онемевшей руке, на секунду перестала поддерживать тело Дуси. Это едва не привело к беде. Мертвая летчица чуть соскользнула с сиденья, и ноги ее на миг уперлись в педали. К счастью, колеса уже дробно застучали по земле. А вскоре, натужно чихнув несколько раз, заглох мотор - кончилось горючее.

Так ушла от нас одна из лучших летчиц Дуся Носаль. Она погибла во время своего 354-го боевого вылета. Евдокии Носаль первой в нашем полку было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Иру Каширину за проявленное в полете мужество наградили орденом Красного Знамени.

Мы похоронили Дусю в станице Пашковской, там, где уже покоился прах Полины Макагон, Лиды Свистуновой, Юли Пашковой. Стоял теплый апрельский день, изумрудная зелень садов, вымытая дождем, переливалась под лучами солнца. И на могильном холмике лежали цветы, которые Дуся так любила…

* * *

Наступил последний день апреля. Утром на общем построении полка майор Бершанская зачитала первомайский поздравительный приказ, а затем сообщила, что командир дивизии генерал-майор Д. Д. Попов прибудет вручать гвардейские значки и ордена. Задолго до его приезда девчата вычистили и наутюжили свою форму, подшили свежие подворотнички, до блеска начистили сапоги.

День выдался по-настоящему праздничный, солнечный, теплый. Над ослепительно яркими шапками цветущих садов стлалась голубоватая дымка утренних испарений. Пышная южная природа щедро одаривала нас всем, чего мы были лишены в ненастные месяцы: обилием тепла, яркими красками, светом, благоухающим запахом пробужденной земли.

И понятно, что в тот день никому не сиделось в комнатах. Как только привели себя в порядок, все высыпали [111] в сад, возбужденные, счастливые, прохаживались между деревьями, весело переговаривались, перебрасывались шутками.

Такова уж, видно, беспечная молодость. Совсем недавно многие девушки выполняли исключительно опасные полеты, и с наступлением темноты им снова предстояло отправиться навстречу опасности. Но в тот час об этом никто не вспоминал.

Наконец приехал командир дивизии. Ирина Ракобольская построила полк. Генерал Попов произнес небольшую речь и начал вручать значки «Гвардия». Первыми получили их Бершанская и парторг полка Мария Рунт. Затем Дмитрий Дмитриевич пошел вдоль строя. Пожимая каждой руку, он произносил: «Поздравляю» - и приветливо улыбался. Многим вместе со значками Попов вручал боевые ордена. Второй орден получили Сима Амосова, Надя Попова, Дина Никулина и еще многие летчицы, штурманы, техники, вооруженцы, политработники. Моему штурману Ольге Клюевой вручили высокую награду - орден Красного Знамени.

Первое мая решили отметить по-боевому: в ночь накануне праздника совершить максимум вылетов. Действовали по сосредоточению вражеских войск северо-восточнее Верхнего Адагуна. Попутно разбрасывали листовки в занятых противником населенных пунктах.

Фашисты попытались сорвать нашу бомбежку. В эту ночь они не жалели снарядов и поставили перед самолетами сплошную стену заградительного зенитного огня. В дополнение ко всему они подняли против нас истребители.

Но, несмотря ни на что, У-2, хотя и с большими трудностями, прорывались через заслоны и наносили гитлеровцам ощутимый урон.

Во время одного из полетов наш с Клюевой самолет также

подвергся нападению вражеского истребителя.

Обычно в воздухе, пока все оставалось спокойным, мы со штурманом постоянно переговаривались. Не знаю, может, это отвлекало от мрачных мыслей, а может, просто помогало коротать время. В тот раз Клюева затянула наш гвардейский марш, я подхватила. Так мы и летели, беспечно напевая. И вдруг слух мой резанул торопливый крик Ольги:

- Маринка! Быстрее жми вниз! Фашист догоняет. [112]

Я инстинктивно прибавила газ, отдала ручку от себя, и У-2, взревев мотором, устремился к земле. Над нами раздался вой вражеского «мессера», и тут же рядом с правой плоскостью воздух пропороли снаряды. Пока гитлеровский летчик разворачивался для следующего захода, я изменила курс и снизилась еще. Фашист потерял нас и, сделав пару кругов, бросился на поиски другой жертвы.

- Допелись, «артистки»! - сердито бросила я в переговорный аппарат.

- Ничего, - спокойно ответила Ольга, - злей будем.

Отбомбились мы действительно успешно: угодили в самую колонну. В свете подвешенных осветительных бомб хорошо просматривалась дорога, по которой двигались немецкие мотомехчасти. Горевшие внизу машины создали пробку, началась паника.

Следом за нами летел экипаж Ольги Санфировой с Руфой Гашевой. Клюева сбросила еще одну САБ, ориентируя подруг. Мы уже легли на обратный курс, когда сзади прогрохотали взрывы.

Санфировой и Гашевой пришлось нелегко. Только они вышли на цель, как в двигатель их машины угодил снаряд. Но подруги не растерялись. Лишь сбросив на врага все бомбы, они повернули назад.

Самолет быстро терял высоту и, не дотянув до линии фронта, Оля и Руфа приземлились в тылу врага. Двое суток добирались они до своих. Руфина Гашева потом так писала о своих скитаниях:

Завтра день Первого мая, день весны. Днем вручали гвардейские значки. Лелю (Санфирову) наградили орденом Красного Знамени. Решили во что бы то ни стало сделать больше всех вылетов. Летим уже на третий боевой, а впереди еще целая ночь. Бомбим сегодня скопления автомашин и живой силы противника в пункте Верхний Адагун. Пролетели Кубань. До цели осталось немного. Вот изгиб дороги, здесь наша цель. Развернулись для захода на боевой курс, как вдруг прямо в мотор потянулась огненная трасса. Круто отвернули, но мотор перестал работать. Цель под нами, бросаю бомбы, самолет вздрогнул, и снова совсем тихо. Высота

уменьшается с неимоверной быстротой. Пожарища станицы Крымской позади, еще немного - и линия фронта. Но вот уже земля. Самолет на территории, занятой врагом. Поднялась неистовая стрельба. Значит, нас заметили. Взяв планшеты, быстро выско *чили [113] из самолета и - в траву, отползли в сторону и ползком же стали пробираться по звездам на восток. Кто-то повесил САБ над Крымской, стало светло. Пришлось переждать, пока бомба не погаснет. Подползли вплотную к железной дороге. Здесь через каждые 30 - 50 метров немецкие патрули. Временами они освещают дорогу ракетами. Выбрав благоприятный момент, мы быстро пересекли дорогу. За ней изрытое снарядами поле. Нельзя поднять головы - сразу же автоматная очередь. Скоро рассвет, а мы на открытом поле. И вдруг - о радость! Заквакали лягушки. Значит, близко болото, значит, есть где укрыться.*

Были уверены, что доберемся до своих. Усталости не чувствовали, но надо быть осторожными. Хотели пристроиться у одного раскидистого куста, но автоматная очередь заставила искать другого пристанища. Нашли укромное местечко, затянули потуже ремни и сидим. Медленно светает. Сегодня - Первое мая. Хочется жить. Кругом так красиво! Что-то делают наши девушки? Вероятно, беспокоятся за нас. Вдруг страшный рокот потряс воздух. Это идут наши штурмовики. Сзади ударили зенитки. Рядом плюхаются осколки от снарядов. Мы теснее прижались друг к другу. Вот уже полдень. Наши самолеты беспрерывно бомбят и штурмуют позиции врага. Прямо над нами завязался воздушный бой. Наблюдаем и радуемся за своих. Небо покрылось тучами. Моросит дождь, холод забирается под гимнастерки. Стало совсем тихо. Стемнело, пора идти. Обошли стороной зенитку. Над головой слышен гул наших маленьких самолетов. Чувство радости и гордости наполнило сердце - это летят наши подруги.

Бесшумно раздвигаем камыш и идем почти в полный рост, скользя по дну. Болото кончилось, перед нами лес. Что-то жуткое было в его безмолвном величии. Идем по кустам. Поднимается невероятный треск. Замрешь на минуту, послушаешь, и опять дальше на восток. Весенняя холодная вода, в которой мы провели ночь, дала себя знать - Леля простыла, ее душит кашель. Она тихо кашлянула, и вдруг сзади, совсем близко, раздался ответный сдержанный кашель и вслед за ним хруст веток. Мы замерли. Когда шаги смолкли, быстро пошли прочь от этого места. Так прошла вторая ночь. Просидели в кустах еще один день. У Лели сегодня, второго мая, день рождения. Поздравила, подарила четыре семечка подсолнуха, случайно обнаруженных в кармане брюк. [114]

В эту ночь пришлось пробираться через кучи сваленных деревьев, противотанковый ров, две небольшие речушки. Третьего мая на рассвете вышли на наши артиллерийские позиции. Нас очень хорошо встретили, вкусно накормили и помогли добраться до полка. Мы среди своих близких, родных подруг!

Прибыв в полк, Оля Санфирова и Руфа Гашева отказались от отдыха и в первую же ночь снова вылетели на бомбежку. Бои с каждым днем становились все ожесточеннее, было не до отдыха.

Всегда живые в памяти моей

В начале июня мы перебазировались из Пашковской в станицу Ивановскую. Действовали с «подскока» у станицы Славянской. Здесь на большом аэродроме вместе с нами базировались истребители. Днем работали они, ночью - мы. В этот период наш полк, помимо бомбежек, вел разведку войск противника в районе Гостогаевской, Молдавской, Северных Садов, колхозов «Светлый путь», имени Ленина, «Красный Октябрь» и станиц Курчанская и Варениковская. Чаще всего вылетали на разведку экипажи Амосовой, Худяковой, Поповой, Тихомировой, Пискаревой и наш с Клюевой.

В Ивановской 10 июня 1943 года полку вручали гвардейское Знамя. На церемонии вручения присутствовал командующий 4-й воздушной армией генерал К. А. Вершинин.

…На зеленом поле выстроились летчики, техники, штурманы, вооруженцы, командиры и политработники.

Сегодня у нас праздник. Страна вручает нам прославленное в боях и битвах гвардейское Знамя.

Почти у всех блестят на груди ордена и медали - символ воинской доблести и отваги. О многих однополчанах идет слава по всему фронту.

Перед строем полка зачитан Указ Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании нашего полка в гвардейский.

- Доблестные гвардейцы! - обратился к личному составу член Военного совета фронта генерал-лейтенант А. Я. Фоминых. - Вы самоотверженно защищаете Родину [115] от фашистских захватчиков. Вы показали образцы замечательного героизма и беспредельной преданности любимой Отчизне. Но сейчас от каждого воина требуется удесятерить наши удары по врагу. Вы обязаны совершенствовать свою боевую выучку, всемерно укреплять дисциплину и организованность, усилить бомбовые удары по врагу, храбро и умело защищать нашу Родину. Военный совет выражает уверенность, что вы с честью пронесете сквозь битвы гвардейское Знамя, приумножите славу доблестной русской гвардии. Вперед, на разгром врага!

Гремит могучее гвардейское «ура».

Затем генерал Фоминых вручил Знамя майору Бершанской. Евдокия Давыдовна чуть наклонила древко, чтобы нам были видны вышитые на алом бархате полотнища слова: «46-й гвардейский авиационный полк». Потом, опустившись на колено, коснулась губами края Знамени. Минута торжественной тишины. И вот у развернутого Знамени звучат слова гвардейской клятвы Родине, партии, советскому народу:

- Товарищи гвардейцы! Принимая гвардейское Знамя, дадим клятву советскому народу, Коммунистической партии, Советскому правительству, что высокое звание гвардейцев оправдаем с честью в жестоких боях с врагом. Мы, женщины-воины, гордо пронесем гвардейское Знамя через фронты Отечественной войны до окончательного разгрома врага. Будем преданно служить Родине, защищать ее мужественно и умело, не щадя своих сил, крови и самой жизни.

- Клянемся! - ответили командиру сотни голосов.

- …Будем свято хранить и множить славные боевые традиции русской гвардии, советской гвардии…

- Клянемся!

- …Не пожалеем жизни, чтобы отомстить фашистским извергам за разрушение наших городов и сел, за истребление советских людей…

- Клянемся!

- …Клянемся своим гвардейским званием, своей гвардейской честью, что, пока видят наши глаза, пока бьются наши сердца, пока действуют наши руки, мы будем беспощадно истреблять фашистских разбойников. Мы не успокоимся до тех пор, пока не лишим врага последнего дыхания.

- Клянемся! [116]

- …Проклятие и смерть фашистским оккупантам! Слушай нас, родная земля! С гвардейским Знаменем под водительством Коммунистической партии пойдем к победе до полного изгнания врага из пределов нашей любимой Родины!

- Клянемся!

Знамя из рук командира полка передается знаменосцу Наташе Меклин. Рядом с нею, справа и слева, ассистенты Ира Каширина и Катя Титова. Вперед вышла Бершанская, за ней Рачкевич и начальник штаба Ракобольская. Алое полотнище поплыло вдоль строя. Вслед ему дружно гремело «ура». Со Знамени, точно живой, смотрел на девушек-гвардейцев Владимир Ильич Ленин.

Гвардейское Знамя! Внешне все просто - кусок алого бархата, позолота бахромы и букв. Но для нас оно - символ высшей

воинской доблести. В нем наша жизнь, слава, честь, гордость. Прежде чем на этом полотнище выткали золотом наименование нашего полка, мы прошли через множество напряженных боевых ночей, через ожесточенные обстрелы, через кровь и смерть.

Смерть… Каждую ночь она незримо витает над нами. Иногда вырывает из наших рядов одну из подруг. Но это не поражение. Побеждаем все-таки мы. Ведь, предав земле тело товарища, мы храним в себе его мысли и чувства. Они торжествуют над смертью. И гвардейское Знамя, что гордо реет над нашими головами, оно тоже свидетельство нашего пренебрежения к смерти и беспредельной любви к своей земле, к своему народу.

* * *

Через несколько дней после вручения нам гвардейского Знамени полк посетил командующий фронтом генерал-полковник И. Е. Петров. Боевая ночь накануне его визита прошла успешно. Летчики и штурманы отдыхали, у самолетов остались только техники и вооруженцы. Все было спокойно, и вдруг с командного пункта передали: «Боевая тревога». Девушки, заспанные, но в полном снаряжении, бросились к машинам. Уже через несколько минут наши У-2 взмыли в воздух.

Неизвестность всегда тяготит. Мы со штурманом не знали, что и думать.

- Посмотри-ка, Оля, - попросила я Клюеву, - уж не сбросили ли фашисты вблизи аэродрома десант. [117]

Но в поле нашего зрения на земле все было спокойно. А вскоре в небо взвилась ракета-сигнал «Приземляться». И только тогда рассеялось наше недоумение. Оказывается, генерал Петров, проезжая мимо нашего аэродрома, заметил, что У-2 стоят без присмотра и боевого охранения. Он подошел к одному самолету, забрал из кабины ракетницы, и никто этого не заметил. Разгневанный, генерал направился на командный пункт и объявил боевую тревогу.

Обо всем мы узнали позже. А пока весь состав полка построили тут же на поле. Командующий прошелся вдоль строя, внимательно осматривая каждую из нас. Временами он хмурился, видимо был раздосадован, но продолжал хранить молчание. Потом подозвал майора Бершанскую, что-то сказал ей. Нас тут же разделили на группы, установили мишени и приказали стрелять из личного оружия. Результаты, как и следовало ожидать, оказались далеко не блестящими. Генерал помрачнел еще больше.

Затем полк построили снова, и тут командующий учинил нам такой разнос, что мы запомнили его на всю жизнь. В каких только смертных грехах нас не обвиняли! Нам указали и на потерю бдительности, и на скверную строевую выправку, и на разнокалиберность формы, и на неумение пользоваться личным оружием.

- Хорошая боевая работа не дает вам никакого права быть разгильдяями, пренебрегать правилами, установленными в армии. Стыдитесь, гвардейцы! - сказал на прощание генерал-полковник Петров.

После отъезда командующего в полку состоялось партийное собрание. Критика была острой. Увлекшись боевой работой, мы основательно запустили учебу. Теперь пришлось наверстывать упущенное, тем более что срок на исправление недостатков генерал дал очень жесткий - всего месяц. Хорошо, что в этот период наступило относительное затишье и сократилось количество полетов.

Теперь все свободное время мы посвящали боевой подготовке: учились стрелять из пистолетов, совершенствовали знания по аэронавигации, теории полета и, хотя нам очень не хотелось, ежедневно часа по два занимались под руководством инженера полка Софьи Озерковой строевой подготовкой. В связи с этим Наташа Меклин сочинила шуточное стихотворение, которое у нас назвали «Молитвой летчика». В нем, обращаясь к богу, мы просили избавить [118] нас от занятий и зачетов, молили, чтобы быстрей возобновилась боевая работа. Помнится, там были и такие строчки:

Выведи из ада в рай,
Дай бомбить передний край,
Дай нам вместо строевой
Цели на передовой.

Под адом подразумевалась учеба. Рай, естественно, был символом полетов.

Но как бы там ни было, мы понимали: раз надо, значит, надо. Занятия шли, к учебе, несмотря на охи и вздохи, мы относились добросовестно. Через месяц в полку провели инспекторский смотр. На этот раз все оказалось в порядке, и наша репутация была восстановлена.

В июне для авиации вновь наступила горячая пора. Наши войска подтягивали резервы, перегруппировывались. Противник тоже не терял времени даром - перебрасывал на Таманский полуостров из тыла новые части, технику, укреплял Голубую линию.

К тому времени превосходство нашей авиации в воздухе

становилось все более ощутимым. Не надеясь на свою истребительную авиацию, гитлеровское командование подтягивало сюда мощные зенитные средства.

О насыщенности обороны противника зенитными и прожекторными установками можно судить по тому, что только в районе станицы Трудовой мы засекли до 50 прожекторов и до 40 огневых точек.

В те дни полк понес заметные потери. Три самолета были выведены из строя, но экипажи дотянули до аэродрома. Командир эскадрильи Дина Никулина и ее штурман Лариса Радчикова получили ранения. Их самолет попал в вилку сразу из шести прожекторов. Никулиной удалось скольжением сбить пламя, но дотянуть до аэродрома она не смогла. Пришлось приземляться на обочину дороги вблизи передовой, ориентируясь по случайной вспышке автомобильных фар.

В июле погибли Полина Белкина и Тамара Фролова. Их жизнь и повседневный подвиг я описала в книге, вышедшей несколько лет назад{6}. [119]

Только через восемнадцать лет стало известно, что произошло с нашими дорогими подругами.

Это случилось глубокой ночью 18 июля 1943 года между станицей Греческой и хутором Ново-Греческим. Здесь, у самой Голубой линии, в результате перестрелки в воздухе был подбит самолет Белкиной и Фроловой. Девушкам удалось спланировать, но при посадке «ласточка» зацепилась за большую дикую грушу и загорелась в нескольких метрах от вражеского блиндажа, в котором размещались немецкие офицеры, руководившие работами военнопленных по ремонту дорог. Горящая машина могла оказаться хорошим ориентиром для советских самолетов. Испугавшись этого, гитлеровцы подняли военнопленных и приказали забросать машину песком.

Все это стало известно из письма человека, который вместе с другими советскими военнопленными похоронил Полину и Тамару. Вот отрывок из его письма:

…На другой день рано утром немцы приказали военнопленным убрать сгоревший самолет подальше от их блиндажа. Каково же было их удивление, когда они увидели, что поверх мотора (нос самолета при падении врезался в землю) лежал небольшой обгоревший труп. Еще больше они удивились, когда установили, что самолетом управляла фрау, то есть женщина. Выло также установлено, что экипаж самолета состоял из двух женщин. При падении самолета одна из них была сильно зажата в кабине, будучи, очевидно, уже раненной или мертвой, и там сгорела, а второй как-то удалось выбраться, но она, по-видимому, услыхала

крики немцев и не пожелала попасть живой в руки врагов и сама бросилась на горящий мотор. Это можно было заключить по тому, что она лежала поверх мотора с вытянутыми вперед руками, как бы обнимая его на прощание. Когда разбирали обломки, то при девушке нашли присыпанную песком и частично поэтому уцелевшую планшетку, в которой оказались недогоревшие письма и некоторые документы. По этим документам удалось установить, что пилотировала самолет Полина Григорьевна Белкина.

Все присутствовавшие при этом военнопленные, а также, насколько можно было понять, и немцы пришли к выводу, что экипаж самолета У-2, возвращаясь с задания, встретил, немецкий бомбардировщик. Очевидно, оба самолета находились на одной высоте и одновременно попали [120] под зенитный огонь с земли. Снаряд попал в фашистский самолет, поэтому он упал и задымил раньше. Советский самолет был подбит и пошел на снижение планированием. Как видно, экипаж нашего самолета совершил героический подвиг.

Во- первых, он выполнил боевое задание; во-вторых, гитлеровцы считали, что их самолет погиб от советского экипажа{7} ; *в-третьих, экипаж предпочел смерть плену…*

После этого обломки самолета были убраны, как было приказано, в ров, а тела погибших мы, военнопленные, вырыв могилу на краю поляны в лесу, предали земле, обнажив головы и отдав им последний человеческий долг. В своем небольшом дневнике я сделал запись об этом, но после войны дневник оказался затерянным, и только в 1960 году я его случайно обнаружил.

Кто же составлял экипаж самолета? Мои розыски имени второго члена экипажа не увенчались успехом.

Я запросил отдел кадров Министерства обороны СССР и в июне 1960 года получил оттуда письмо за подписью полковника Пастора, в котором сообщалось, что в тот день на этом участке фронта не вернулся с задания самолет У-2, принадлежавший гвардейскому легкобомбардировочному авиаполку. Первый пилот самолета - младший лейтенант Полина Григорьевна Белкина, штурман - Тамара Ивановна Фролова.

Ваши однополчане, Марина Павловна, выполнили свой долг перед Родиной, они отдали свои жизни. Мы же с Вами не выполнили своего долга перед ними - не обнародовали их героический подвиг, не сняли с них тягостного штампа «без вести пропавшие».

История да и наша совесть не простят нам, если мы не исправим своей ошибки.

Эти строки, написанные Петром Степановичем Карнаухом из Красноармейска, стояли перед моими глазами, когда взялась за

перо, чтобы рассказать о Полине и Тамаре…

* * *

Выполняя боевые задания, бомбя те же цели, что и ночная тяжелая авиация, мы не давали противнику ни [121] минуты покоя. С заката солнца и почти до самого рассвета висели наши маленькие машины над позициями гитлеровцев, над их коммуникациями. Авиация наносила удары не только по укреплениям и технике, она действовала и на психику врага. В течение нескольких недель немецкая оборона находилась под непрерывным огнем. Ночью наши У-2 обрабатывали ее с минимальной высоты. Взрывы следовали один за другим, через каждые три-четыре минуты, и гитлеровцам, естественно, было не до сна. А днем им не давали покоя орудийный и пулеметный огонь, частые налеты штурмовиков и тяжелых бомбардировщиков.

Горячее это было время!

Особенно запомнилось мне 1 августа 1943 года. Эта дата вычерчивается в моем сознании цифрами огненно-красными, как зарево пожара в ночной черноте. И вспоминаются события той страшной ночи, события, что способны согнуть горем печали, посеребрить волосы, навсегда оставить в душе незаживающую рану.

Присмотревшись к действиям наших ночников, гитлеровцы перестроили систему противовоздушной обороны. Они свели прожекторы в группы: более мощные - по два-три, слабые - по четыре-пять. Причем располагались группы на таком расстоянии, что могли передавать друг другу пойманный в вилку самолет. Кроме того, специально для борьбы с ночниками на Таманский полуостров прибыла эскадрилья фашистских асов. За каждый сбитый У-2 гитлеровских летчиков награждали Железным крестом. Можно себе представить, как усердно охотились они за нами.

В злополучную ночь на 1 августа противник впервые применил новую тактику. Мы ничего не знали об этом, и экипажи вылетели на боевое задание с обычным интервалом в три - пять минут. Эскадрилья лейтенанта Татьяны Макаровой поднялась первой. Мой самолет шел восьмым. Может, это и спасло нас со штурманом Олей Клюевой. Уже на подходе к цели мне бросилась в глаза странная работа вражеских прожекторов: они то включались, то выключались, а зенитного огня почему-то не было. Тишина становилась зловещей. Казалось, она сгущается,

как сгущалась тьма непроглядной ночи.

«Может, первые экипажи еще не дошли до цели?» - подумала я. Но тут впереди, прямо по курсу, в лучах прожекторов [122] показался У-2. Судя по времени; это был самолет командира звена Евгении Крутовой. Ее экипаж вылетел третьим. Штурман Лена Саликова сбросила САБ. Яркий факел повис в воздухе на маленьком парашюте и осветил местность. Стало светло. Мгновенно один за другим; включились прожекторы противника и стали шарить по небу. Один из них, самый яркий и широкий, схватил машину Жени Крутовой, остальные прожекторы присоединились к нему. Мы ждали, что вот-вот, как обычно, заговорят зенитки. Но они упорно молчали. Маленький самолет метался в лучах прожекторов. Женя Крутова, отличный летчик, пыталась вырваться из цепких щупалец, но лучи упорно держали машину. И вдруг гнетущую тишину разорвали очереди скорострельных авиационных пушек. К самолету Крутовой откуда-то из темноты протянулись светящиеся цепочки снарядов. Подлетевший вплотную фашистский истребитель хладнокровно бил короткими очередями, в упор расстреливая беспомощный У-2.

Это и была новая тактика врага. Жертвами ее стали наши подруги, вылетевшие первыми на задание. Ценой своей жизни они дали возможность тем, кто летел следом, принять за несколько драгоценных минут срочные контрмеры.

Загорелась правая плоскость машины Жени Крутовой - самолет начал быстро падать. Но, даже падая, Женя все еще вела борьбу. Ей удалось сбить пламя и ввести самолет в скольжение. Однако огонь подбирался все ближе к мотору. Перед самой землей из штурманской кабины вылетела красная ракета. В ту же минуту У-2 огромным пылающим факелом врезался в землю.

Я словно онемела. Всякое нам приходилось испытывать и видеть за годы войны. Но такое, когда на моих глазах гибли подруги, я увидала впервые…

Вражеские прожекторы погасли. Только самолет Жени Крутовой и Лены Саликовой ярко полыхал на земле…

Хотелось закрыть глаза, ни на что не смотреть. Хотелось закричать во весь голос, застонать, заплакать от горя… Потом я взяла себя в руки. Цель, которую нам надо было поразить, находилась примерно там, где только что погибли мои подруги. Именно туда и взяли курс мы с Ольгой Клюевой, хотя хорошо понимали: именно там враг уже поджидал новую жертву. Но мы не могли повернуть [123] назад, задание необходимо было выполнить любой ценой.

Пока я ломала голову в поисках выхода из создавшегося

положения, прожекторы зажглись вновь. Кого они поймали на этот раз? Ночную тьму опять прорезали трассирующие очереди. Загорелся и стал падать второй У-2. Это была машина молодой летчицы Ани Высоцкой и штурмана звена Гали Докутович. И опять молчали зенитные установки. Самолет загорелся от обстрела фашистского летчика. Экипаж этой «ласточки», как и первой, упал на землю. Прожекторы снова погасли. Сердце сжалось, будто стиснутое клещами.

- Маринка, - крикнула мне Оля, - они наводят на нас свои истребители! Поэтому и зенитки у немцев молчат, опасаются, как бы не угодить в своих!

Я поняла это сразу, но ничего не сказала штурману. Лишь попросила Клюеву быть внимательнее и почаще просматривать задний сектор.

Фашисты и раньше применяли истребители против У-2. Но тогда вражеские летчики рассчитывали лишь на случайные встречи с нашими самолетами. Теперь, судя по всему, гитлеровцы разработали надежную систему взаимодействия своих истребителей с прожектористами.

А между тем наша машина с каждой минутой приближалась к цели. Как быть? Если от зенитного огня можно уйти, применив маневр, то от истребителей спасения нет. Весь У-2 перед ними как на ладони. Лучше мишени, чем наши машины, не придумаешь. Истребитель может зайти с любой стороны и уверенно прошить тихоходную «ласточку» снарядами своих пушек. Набрать высоту и спланировать? Нельзя. Фашисты хорошо знают, с какой высоты мы ведем бомбометание, и наверняка ждут нас.

Пока я ломала голову, как выйти из создавшегося положения, прожекторы включили вновь. На земле догорал третий У-2. И тут меня осенило.

- Есть только один выход, - сказала я Ольге, - подойти к цели на самой минимальной высоте. Тогда истребитель не рискнет нападать, побоится врезаться в землю.

Клюева согласилась.

Стрелка высотомера медленно поползла вниз: 1000, 800, 700, 600 метров. Нет, еще рано! 500 метров… Я снова отдала ручку от себя. Наконец 400… Дальше снижаться [124] нельзя. У меня даже ладони вспотели от напряжения. Нелегко пришлось и Ольге. Бомбы у нас были мгновенного действия, и мы понимали, что не успеем уйти из зоны распространения взрывной волны. Но задание все равно должно быть выполнено, а чему быть - того не миновать. Оля прицелилась, бомбы оторвались от самолета. Машину сильно подбросило. Затем прогремел взрыв.

Я все еще продолжала снижаться. Лишь отойдя подальше, дала полный газ, развернулась на ходу и взяла курс на свой аэродром. Но враг решил не выпускать нас: к самолету потянулись с земли нити трассирующих снарядов. И хотя прожектористы не засекли нас, зенитки открыли огонь по вспышкам у выхлопных патрубков мотора.

Мы с Клюевой благополучно добрались до своего аэродрома. Задание было выполнено. Но я не чувствовала ни радости, ни удовлетворения: слишком тяжелой для всех нас оказалась та ночь.

Мы понесли большие потери. Не стало Жени Крутовой, Лены Саликовой, Ани Высоцкой, Гали Докутович, Сони Роговой, Жени Сухоруковой, Вали Полуниной и Иры Кашириной…

Несколько лет назад в книге «Боевые подруги мои» я писала:

Самолет падал. Женя еще вела борьбу: она пыталась сбить пламя и ввела самолет в скольжение, но огонь все ближе и ближе подбирался к мотору. Перед самой землей из штурманской кабины вылетела красная ракета, и в ту же минуту пылающий У-2 врезался в землю…{8}.

Многие читатели прислали мне письма с вопросом: что же все-таки случилось с Женей Крутовой и Леной Саликовой в ту трагическую ночь? Что означала красная ракета? Погибли девушки при взрыве или успели выскочить из горящей машины?

Завеса над этой тайной приоткрылась спустя много лет после гибели наших славных однополчанок. И заслуга в этом принадлежит человеку большой души, бывшему комиссару полка гвардии подполковнику Евдокии Яковлевне Рачкевич.

Эта немолодая женщина, заменявшая нам мать в тяжелые [125] годы войны, отправилась в далекий путь, по местам боев полка. В Крыму она собирала местных жителей, школьников, моряков, которые сражались в Керчи. На Кубани настойчиво искала следы тех, кто в ночь на 1 августа 1943 года не вернулся на свой аэродром.

После долгих поисков она встретилась в Новороссийске с Надеждой Герасимовной Кузнецовой. В детстве Кузнецова жила в селе Русское, неподалеку от которого 1 августа рухнул советский самолет. Село в то время было оккупировано фашистами, но две девчушки - Надя и ее младшая сестренка Таня - пробрались к месту катастрофы. Самолет был сильно исковеркан. Рядом лежали две мертвые девушки в летных комбинезонах. Одна высокая, широкая в плечах, черноволосая. Другая - небольшая, хрупкая, блондинка. Шлемы и ремни с пистолетами были с них уже сняты, вероятно гитлеровцами.

Надя прокралась в полусгоревшее село. Вернулась с лопатой

и куском материи. Девочки перенесли летчиц в неглубокий окоп, который был поблизости, накрыли им лица и быстро закопали…

Когда Евдокия Яковлевна разложила на столе фотографии летчиц и штурманов, погибших в ту ночь, Надежда Герасимовна Кузнецова без колебаний указала на снимок Жени Крутовой и сказала, что это одна из двух девушек, которых она с сестрой схоронила в поле за селом.

Продолжая поиски, наш неутомимый комиссар точно установила место гибели Ани Высоцкой и Гали Докутович, Сони Роговой и Жени Сухоруковой, Вали Полуниной и Иры Кашириной.

Останки наших дорогих подруг покоятся теперь в братской могиле на площади в селе Русское, неподалеку от станицы Крымской.

Надеюсь, меня не упрекнут за то, что много говорю о погибших. Иначе, по-моему, и быть не может. Мертвых нельзя забывать. Наши дети должны знать, какой ценой оплачены победа и их счастье.

* * *

Летом сорок третьего года Кубань являлась ареной больших воздушных сражений. После войны стало известно, что немецким командованием был отдан приказ любой ценой удержать низовья Кубани и Таманский полуостров [126] как исходный плацдарм для будущих наступательных действий. С этой целью противник создал здесь весьма мощную авиационную группировку.

Активные действия авиации с обеих сторон с самого начала приняли форму напряженной борьбы за господство в воздухе, в которой ежедневно участвовало несколько сотен самолетов. На узком участке фронта, не превышавшем 40-50 километров, в отдельные дни происходило до 100 воздушных боев.

Не считаясь с потерями, гитлеровцы вводили в бой все новые силы. Но советские летчики крепко удерживали инициативу в своих руках и стали в конце концов полными хозяевами неба.

Воздушные сражения на Кубани продолжались непрерывно около двух месяцев. И хотя немецкие асы входили в состав отборных истребительных эскадр, большинство этих летчиков пережили катастрофу под Сталинградом. Уже сам этот факт не мог не влиять на их стойкость в бою.

Советские же летчики после победы под Сталинградом выросли, возмужали, накопили солидный боевой опыт. Их наступательный порыв был неизмеримо выше, чем у немцев. И не

случайно воздушные бои на Кубани явились как бы поворотным пунктом, изменившим воздушную обстановку в ходе всей Великой Отечественной войны. Начиная с этих сражений и вплоть до победы господство в воздухе прочно удерживалось советской авиацией.

* * *

Урон, понесенный полком на Голубой линии, был весьма ощутим. Срочно требовалось пополнение. И когда мы стояли в Ивановской, прибыли молодые летчицы Люся Горбачева, Катя Олейник, Паша Прасолова, Лера Рыльская. На штурманов готовились вооруженцы Лена Никитина, Тося Павлова, Надя Студилина и другие.

Пользуясь удачно наступившей небольшой передышкой, командование полка срочно готовило к вводу в боевой строй новое пополнение. С этой целью была создана 4-я эскадрилья. Меня назначили ее командиром, а штурманом Катю Рябову. В дальнейшем наша эскадрилья стала называться учебно-боевой: она до конца войны сочетала боевую и учебно-тренировочную работу. [127]

В сентябре советские войска в районе Новороссийска начали решительный штурм укреплений Голубой линии. С дождями, сырым ветром пришла ранняя приморская осень… Уже более полугода полк воевал на Северном Кавказе. Восемь экипажей под командованием заместителя командира полка Серафимы Амосовой вылетели в распоряжение ВВС Черноморского флота. С группой техников и вооруженцев выехала и гвардии майор Рачкевич. Основные же силы полка продолжали действовать на Таманском полуострове.

Все экипажи капитана Амосовой благополучно прибыли на место назначения и заняли свой уголок на аэродроме рядом с полком К. Д. Бочарова. Девчата осмотрелись - в таких условиях им еще не приходилось работать: на юго-восточной границе летного поля поднимались уступы гор, а на западе совсем близко было море. На аэродроме базировались также морские летчики. Посадочная полоса позволяла производить взлет и посадку только в двух направлениях. По всему было видно, что работать здесь будет нелегко.

Полеты над Новороссийском и его окрестностями требовали немалого искусства, отваги и выдержки. Маршрут проходил с одной стороны над морем, с другой - над горами и ущельями. Воздушные течения в тех местах были очень изменчивы.

Попадешь над водой в холодные слои воздуха, самолет неудержимо тянет вниз. А в горах еще хуже: восходящие потоки воздуха бросали машину, как щепку. Одно утешение - надежные ориентиры: вышел к морю - Новороссийск перед, тобой как на ладони, выбирай цель - не промахнешься…

Первые две ночи фашисты боялись демаскировать себя и не вели интенсивной стрельбы, зато потом огонь был весьма плотный. Били с кораблей, с береговых батарей, из города. Казалось, само небо вот-вот расколется и поглотит маленькие У-2. Но группа Амосовой успешно вела боевую работу.

Каждый полет длился час двадцать - час сорок. Как только самолет возвращался обратно, техники, заранее сбегав за ужином, передавали его экипажу, а сами приступали к осмотру машины. Вооруженцы тут же подвешивали бомбы. Слаженность работы экипажей и наземных специалистов была отличной. Три-четыре минуты на [128] заправку, и «ласточки» снова брали курс на Новороссийск.

Увидев работу наших девушек, резко изменили свое отношение к ним хозяева аэродрома летчики-черноморцы. Девчата стали получать букеты цветов, а был случай, когда черноморцы великодушно подарили бомбы женским экипажам, оказавшимся без боеприпасов.

Евдокия Яковлевна Рачкевич, получив первые уроки штурманского дела у Жени Рудневой и Симы Амосовой, жила в те дни одной мечтой - слетать на Новороссийск с боевым заданием. И мечта ее осуществилась.

Наступление наших войск в районе Новороссийска началось в ночь на 10 сентября 1943 года высадкой десанта в порту. Как только десантные отряды завязали бой, перешли в наступление войска, действовавшие восточнее и южнее города. Фашисты прекрасно понимали, что потеря Новороссийска приведет к крушению всей их обороны на Голубой линии. Враг сопротивлялся ожесточенно. И не только на земле.

В один из дней сражения за Новороссийск, под утро, когда ночные бомбардировщики заканчивали работу, неожиданно пришел приказ: «Нанести бомбовый удар по штабу фашистских войск в районе центральной площади Новороссийска». Вскоре на фоне гор, позолоченных первыми лучами солнца, появилась «ласточка» Амосовой. За ней поочередно вылетели остальные. Девушки не думали о том, что уже светло, что их могут атаковать фашистские истребители, что надо проскочить под перекрестным огнем зениток.

Задание было выполнено. Все экипажи вернулись на свой аэродром.

За время штурма Новороссийска группа Амосовой совершила 233 боевых вылета. Командование наградило летчиц, штурманов, техников и вооруженцев орденами и медалями.

16 сентября Новороссийск был освобожден, и Голубая линия оказалась прорванной на участке Новороссийск, Молдаванская. Началось быстрое изгнание фашистов с Таманского полуострова.

Полк перебазировался на очень пыльный, наспех разминированный аэродром у станицы Курчанской. Теперь мы летали на косу Чушка добивать противника, спешно эвакуировавшего свои потрепанные части в Крым. [129]

В этот период экипажи работали с полным напряжением сил. За ночь нередко совершали по шесть - восемь вылетов. Ни о каком взаимодействии немецких прожекторных установок с истребителями теперь не могло быть и речи. Измотанные в тяжелых боях гитлеровцы думали лишь о том, чтобы спасти от окончательного разгрома уцелевших солдат и технику, перебросить их на Крымский полуостров и там укрепиться. И все-таки доставалось нам от их зенитчиков! Хотя, пожалуй, больше зениток досаждал шальной осенний ветер. Он вздымал с полей песчаную пыль и желтым маревом заволакивал небо. Песок, мельчайший песок Приазовья, можно было обнаружить всюду: в пище, на зубах, под одеждой, в кабинах. От него некуда было укрыться. Но самое страшное было даже не в этом. Опасность заключалась в том, что песок попадал в двигатели, ухудшал их работу, увеличивал износ.

В течение суток техникам по нескольку раз приходилось тщательно осматривать моторы и очищать их.

Наконец наступил долгожданный день. В ночь на 9 октября, вылетев на бомбежку, мы не нашли ни одной цели. Мыс Чушка словно вымер; дороги, ведущие к Керченскому проливу, опустели. Кругом стало голо. Только кое-где темными пятнами выделялась на засыпанной песком земле брошенная врагом техника. Пусто было и у наспех сколоченных причалов.

Днем 9 октября пришло сообщение, что Таманский полуостров полностью очищен от гитлеровских войск. Это был еще один шаг к победе.

Мы дрались не за страх, а за совесть. В признание заслуг дочерей полка к его имени прибавилось слово «Таманский». Отныне он стал называться 46-м гвардейским Таманским авиационным полком.

Так завершился еще один период в нашей жизни.

В предрассветном тумане полк поэскадрильно покинул аэродром в Курчанской. Недолгий перелет - и вот уже мы у Азовского моря, с которым расстались год назад. С ласковым

ворчанием подбирались к нашим ногам вспененные волны. Ровной чередой накатывались они на берег и все шли и шли, подгоняемые ветром, рожденным в горах Крыма.

Крым! Он ждал нас и слал из туманной дали эти волны, как свой привет. [130]

У самого Черного моря

Гордись, товарищ, что тебе
Быть довелось в такой борьбе!
Гордись, что в день борьбы кровавой
И ты ударил по врагам,
Что ты сказать имеешь право:
- Я там стоял, я дрался там.
Частица общей славы той
Она - твоя, она - с тобой.

Из фронтовой многотиражки

Пересыпь, типично рыбацкий поселок, лежал в руинах. В единственном чудом уцелевшем каменном домике разместился штаб полка. Под жилье отвели полуразвалившиеся хибарки, несколько просторных землянок. Меня поместили вместе с Рябовой, Амосовой, Никулиной и Рудневой. Засучили рукава, привели халупу в относительный порядок, и жизнь потекла своим чередом.

Советские войска готовились к форсированию Керченского пролива. А враг спешно сооружал полосу обороны. Выло ясно, что без жестокого сражения Крыма он не отдаст. К тому времени части 4-го Украинского фронта, прорвав оборону противника в полосе Запорожье, Мелитополь, озеро Молочное, двинулись вперед и к 1 ноября вышли к Перекопу. Крымская группировка гитлеровцев оказалась отрезанной, отходить ей можно было только морем.

Окончательно уступив господство в воздухе, враг стремился компенсировать эту потерю усилением противовоздушной обороны. Все важные коммуникации и места сосредоточения своих войск он обеспечил большим количеством прожекторных и зенитных установок. Противовоздушная оборона гитлеровцев схематично выглядела так: зенитные пулеметы и малокалиберная зенитная артиллерия располагались в центре и по окраинам узлов обороны и населенных пунктов, а крупнокалиберная артиллерия и прожекторы - на расстоянии одного-двух километров от них. Особенно мощное прикрытие они создали по линии Керчь, Катерлез, Булганак, Тархан, Кезы, Багерово.

В дни подготовки операции полк проводил разведку побережья, а также бомбил крупные скопления вражеских войск,

немецкие тылы, шоссейные дороги, железнодорожные узлы. [131]

Аэродромом нам служила узкая полоска морского берега. Взлетная полоса шириной около 300 метров тянулась с запада на восток. Вдоль южной стороны аэродрома проходило шоссе с линией высоковольтной передачи. Последнее обстоятельство требовало от летчиц большой точности и внимательности при взлете и посадке в период темных осенних ночей.

Аэродром имел и еще одно существенное неудобство - он не был защищен от ветра. Резкий, сильный, временами достигавший 30 метров в секунду, ветер гулял здесь совершенно свободно. А поскольку он дул всегда сбоку - либо с севера, со стороны Азовского моря, либо с юга, со стороны Черного, - то легко понять, как сильно затрудняло это нашу работу. При взлете и посадке ветер всегда мог швырнуть самолет на крыло, и тогда авария неизбежна. Не легче было и в полете. Все хорошо понимали, что в случае отказа мотора ветер мог свободно унести легкий У-2 в открытое море.

Нужно сказать, что не меньше ветра нам досаждали в то время проливные дожди и туманы. Помню, возвратились мы как-то с Рябовой из полета мокрые, продрогшие. Катя не выдержала, в сердцах говорит:

- Лучше в лютые морозы летать, чем в такой сырости. Это не туман, а бог знает что. От дождей да туманов немудрено и заплесневеть.

- А ты профилактику делай, - пошутила подошедшая Женя Руднева, - на ночь смазывайся отработанным маслом. Все равно оно пропадает.

- Ничего, Катя, - в тон Жене заметила я. - Зато теперь ты и огнем прожженная, и влагой пропитанная, против любой болезни устоишь.

Катя бросила на меня сердитый взгляд, хотела что-то сказать, но только вздохнула и отошла. Она все еще переживала свой перевод в учебно-боевую эскадрилью и почему-то обижалась на меня, словно я была повинна в этом.

Тогда, при назначении нас в новую эскадрилью, у Рябовой произошел резкий разговор с командиром полка. Нас вызвали в штаб, и Евдокия Давыдовна сообщила нам решение командования.

- Уверена, - сказала она, - с работой справитесь, оправдаете оказанное вам доверие. - Затем, перейдя с официального тона на обычный, товарищеский, добавила: - А теперь, девушки, от себя лично, не как командир, [132] а как друг, поздравляю с повышением. Если будет трудно, обращайтесь без стеснения - всегда поможем.

Ни меня, ни Рябову новое назначение не обрадовало. Нас не пугали трудности новой работы. Дело было в другом. Я уже слеталась со своим звеном, изучила летчиц и штурманов, знала, на что каждая из них способна. Они привыкли ко мне, я к ним, наше звено работало, как хорошо отрегулированный механизм. А тут все начинай сначала. Но приказ есть приказ, я даже не пыталась возражать. Катя же вдруг заупрямилась и заявила, что отказывается от назначения.

- Причина? - коротко спросила майор Бершанская.

Разумеется, веских доводов у Рябовой не нашлось.

Просто ей не хотелось расставаться с командиром своего экипажа Надей Поповой - прекрасным товарищем, опытной летчицей. Несмотря на то что все мы, девушки, крепко дружили, друг друга любили и уважали, каждый экипаж представлял собой единое, нераздельное целое в этом дружном большом коллективе. Любой штурман считал своего летчика самым лучшим в полку, а пилоты лучшим признавали только своего штурмана. Это вполне естественно. Сама фронтовая обстановка рождала такую спайку, заставляла девушек дорожить друг другом, ибо нет лучшей проверки человека, чем под огнем, в бою, где жизнь каждого зависит от мастерства и выдержки товарища по оружию.

Я хорошо понимала Катю и потому, когда она спорила с Бершанской (иначе ее разговор с командиром нельзя было назвать), хранила молчание, даже сочувствовала ей. Но когда Евдокия Давыдовна отпустила нас, я все же сказала Рябовой, что вела она себя неправильно, проявила эгоизм.

- Знаешь, ты выглядела как кустарь-одиночка, - не скрывая, выложила я свои чувства. - Тебе безразличны, видимо, интересы полка, а волнуют только личные успехи. Может, думаешь, мне хочется расставаться с Олей Клюевой?

- Ты меня не агитируй! - запальчиво ответила Рябова. - Мораль можешь читать новичкам, а меня оставь в покое.

- Как тебе не стыдно!

Но Катя круто повернулась и быстро зашагала прочь. С тех пор отношения мои с Рябовой, правда временно, [133] были несколько натянутыми. Однако это не мешало нам в работе ни в Ивановской, ни в Пересыпи.

В первый период базирования на берегу Керченского пролива наша эскадрилья летала на боевые задания нечасто. На фронте выдалось относительное затишье, и мы это время использовали для тренировок - осваивали полеты в новых условиях, вводили в строй пополнение. Чтобы улучшить учебную работу, в эскадрилью назначили опытных летчиков и штурманов: Веру Тихомирову, Нину Худякову, Клаву Серебрякову, Марту

Сыртланову, Ольгу Клюеву и Таню Сумарокову. Руководила всей летной подготовкой Серафима Амосова. Учебная работа велась и в других эскадрильях, но основная тяжесть все же лежала на нашей.

Первое время я очень неловко чувствовала себя в должности комэска. Мне едва исполнилось двадцать, а подчиненные командиры звеньев были старше и опытнее меня. Они уже не один год служили в авиации, каждая имела солидный летный опыт. Но подруги восприняли эту новость как положено. С первых дней выполняли все мои указания, постоянно оказывали мне помощь в учебной и воспитательной работе.

Вскоре эскадрилья стала дружным коллективом, который успешно выполнял любые задания.

* * *

Штурман полка Женя Руднева периодически отправлялась в контрольные полеты с командирами звеньев и эскадрилий. В октябре 1943 года в одну из ночей мы пошли на задание вместе с Женей.

- Посмотрим, товарищ Чечнева, не разучились ли вы в шашки играть? Есть ли еще у вас порох в пороховницах? - шутливо бросила она, забираясь в кабину позади меня.

- Что ж, посмотрим, товарищ флагштурман, - в тон ответила я, - не отсырел ли ваш порох?…

Я очень любила летать с Женей, хотя удавалось это нечасто. Спокойная, выдержанная, она не терялась ни при каких обстоятельствах. Летчик с ней всегда чувствовал себя уверенно, знал - с таким штурманом с курса не собьешься и в бою он не подведет.

У Рудневой было исключительно развито чувство долга, ответственности. Уверовав во что-то, она твердо шла [134] к цели, не признавала никаких компромиссов. Требовательная к себе, она и другим не давала поблажки, не стеснялась сказать в глаза самую горькую правду, всегда действовала прямо и открыто. И вместе с тем являлась заботливым, чутким товарищем.

Ко всему прочему, Женя была человеком разносторонних интересов, приятным собеседником. Она хорошо разбиралась не только в своей области знаний. Женю увлекали литература, искусство, философия. Обладая незаурядной памятью, она помнила тысячи дат, событий, имен. Нашим «научным мужем» называли мы ее в шутку между собой. Но особым призванием Жени была астрономия. С кем бы и о чем ни говорила Руднева,

мы знали: все равно беседа сведется к астрономии…

И вот мы с Женей - в воздухе.

- Приготовиться, - сказала я, - фашисты сегодня злее, чем всегда. Чуть обнаружат, бьют вовсю, не целясь.

- Тем хуже для них, нервы сдают. Доконали мы их все-таки. А помнишь, Маринка, как они гнали нас летом прошлого года? Мы едва успевали менять аэродромы…

- Да и сейчас не очень задерживаемся на одном месте.

- Ну, таких бы перебазировок побольше и почаще. До самого Берлина… Влево, влево давай! - вдруг крикнула Женя. - Прожекторы!

Скользнув вправо и вверх, прямо в глаза ударил мощный луч. К нему тут же присоединился второй. С разных сторон к нам почти одновременно потянулись светящиеся нити трассирующих снарядов. Со стороны, когда во тьме повисали световые дуги, это, должно быть, выглядело красиво, вроде огненных лент серпантина в карнавальную ночь. Для нас же встреча с такой «нитью» означала конец.

- Как самочувствие, Женя? - спросила я. - Здорово шпарят. А ведь мы даже пролива не миновали. То ли будет над сушей… Пойдем напрямик или вернемся назад, наберем побольше высотенку и спланируем?

- На подъем уйдет много времени. Разворачивай в открытое море. Создай видимость, будто у нас что-то произошло, они и отстанут. А там решим, как быть дальше…

- Попробуем. [135]

Я резко с левым креном стала планировать, имитируя падение. Несколько секунд лучи следовали за нами, потом переметнулись вправо. Появился другой экипаж, и вражеские прожектористы стали ловить его, ориентируясь по шуму мотора.

- А теперь набирай высоту и планируй до самой цели, - сказала Руднева и указала заданный курс в градусах. - Так и держись. Выскочим над южной окраиной Керчи.

Через несколько минут Женя сбросила осветительные бомбы. Нам повезло - на окраине города в узком переулке хорошо видна была медленно двигавшаяся колонна танков. Разжались замки бомбодержателей, и сто килограммов взрывчатки угодили в самую середину колонны. Тотчас затарахтели зенитки, темноту располосовали лучи прожекторов. Круто развернувшись, я повела самолет в сторону Керченского пролива.

- Куда? - крикнула Женя. - Заходи еще раз. Пока у них там паника, успеем ударить по хвосту колонны. Бомбы у меня еще есть.

Но прожектористы намертво вцепились в наш самолет. Я

бросала машину влево, вправо, вверх, вниз, производила различные маневры - все напрасно. Да разве на такой черепашьей скорости сразу избавишься от гитлеровцев?

- Ничего не выйдет, Женя. Отпустят нас только у самой Чушки, так не однажды бывало. А к тому времени танки уйдут. Впрочем, если ты настаиваешь, я попробую вырваться.

Только собралась перевести машину в пике, как левее и выше вспыхнула САБ. Это подоспел на выручку кто-то из подруг.

Прожекторы отпустили наш самолет, уходивший в сторону моря, и принялись ловить У-2, летевший боевым курсом. Видимо, это были Таня Макарова с Верой Белик. По счету их экипаж в ту ночь работал третьим. «Спасибо, девочки, - мысленно поблагодарила я подруг. - Спасибо тебе, Вера Белик, за настоящую дружбу, за солдатское мужество».

Мне вспомнился наш разговор накануне вылета.

- Знаешь, Маринка, ведь Керчь мой родной город, - призналась Вера. - Будешь над южной окраиной, посмотри внимательно, большие ли там разрушения. - Вера помолчала [136] немного, а потом тихо, будто стесняясь, пояснила: - Мама все спрашивает в письмах, как наш домик. Надеется, бедняжка, что он уцелеет…

- Обязательно постараюсь все рассмотреть, - пообещала я. - И вообще, нет ничего удивительного, что твою маму волнует это.

- Чудачка она у меня. Пишет: «Ты уж пожалей свой домик и подругам накажи». Будто мы бомбим дома… Подумать только, бегала босоногой девчонкой по родной пыльной улице, а потом пришлось эту самую улицу разрушать… А ведь мечтала обязательно вернуться сюда из Москвы с дипломом, мечтала в Керчи детей учить…

- Не надо, Вера.

- Нет, надо, Марина, - твердо сказала она. - Не для сочувствия об этом тебе говорю, а чтобы злей быть.

Под плоскостями у нас было еще сто килограммов бомб. Что же, Вера, мы сбросим их на голову врага за твою Керчь. Может, эти бомбы разорвутся рядом с твоим домом. Но ты не осудишь нас, не осудит и твоя мама. Я твердо верю в это. Ты права, Вера, надо быть злой. Иначе не скоро вырвешь у врага победу…

* * *

В один из дней приехал генерал-полковник И. Е. Петров. Нагрянул он, как всегда, внезапно, прошел на КП и тут же объявил боевую тревогу.

Генералу понравился образцовый воинский порядок, который, наученные опытом, мы постоянно поддерживали на аэродроме и КП.

- Отлично! - сказал он капитану Амосовой, замещавшей в тот день отсутствовавшую Бершанскую. - Значит, мой первый приезд не забыли.

Затем Иван Ефимович проверил нашу строевую подготовку. Выправкой он тоже остался доволен, но внешний наш вид ему не совсем понравился. Форма на девушках была аккуратная, наглаженная, но старая. Форму, сшитую по приказанию И. В. Тюленева, мы сделали выходной, надевали ее только в торжественных случаях. В остальное время ходили в мужском обмундировании. Изъяны в экипировке сразу бросились в глаза командующему.

Генерал Петров медленно шел вдоль строя и временами морщился, точно у него болел зуб. Вдруг остановился [137] против работницы штаба Раисы Маздриной, прищурился.

- Та-ак, - протянул он, - та-ак… - И вдруг скомандовал: - Старший лейтенант, три шага вперед - марш!

Маздрина с раскрасневшимся лицом повернулась к строю.

- Ну что это за заправка? Вот как нужно. Командующий одернул гимнастерку на Маздриной и так сильно затянул на ней ремень, что наша Рая стала едва ли не вдвое тоньше.

- Как, гвардейцы, - громко обратился к нам Петров, - не правда ли, лучше? Стройнее и красивее.

Когда генерал отошел, Маздрина ослабила ремень и облегченно вздохнула.

- Так затянул, что дышать нечем, - под общий сдержанный смех проговорила она.

- Вот теперь ты знаешь, что такое петровская заправка, - пошутил кто-то.

Так с тех пор у нас и повелось туго перетянутую талию называть «петровской заправкой». И надо отдать должное генералу. Урок, преподанный им, пошел на пользу: девушки стали больше следить за своим внешним видом.

Не ограничившись внушением, Петров приказал составить заявку на обмундирование соответствующих размеров и приказал доложить ему, если она не будет удовлетворена.

- Но и от вас я потребую порядка, - предупредил он. - Учтите, дорога на фронт проходит рядом с вашим аэродромом, езжу я на передовые часто, и, если в следующий раз застану подобную «экзотику», разговор будет неприятным. Ну, а теперь докладывайте, как дела.

Серафима Амосова подробно доложила о нашей боевой

работе, учебе, жизни. Командующий остался доволен и пожелал дальнейших успехов.

Забегая вперед, хочется сказать, что мы очень полюбили Ивана Ефимовича, но скрывали эти чувства от него. В полк он приезжал еще два раза, а когда его переводили на другой фронт, то заглянул попрощаться. Мы запомнили на всю жизнь этого строгого, справедливого, чуткого и внимательного военачальника… [138]

В октябре я отметила свой первый юбилей в полку - пятисотый боевой вылет. Это знаменательное событие совпало с высадкой на крымский берег советского десанта. Операция проводилась в районе поселка Эльтиген. В месте высадки полк непрерывно бомбил вражеские прожекторные установки, которые мешали десанту. Самолеты следовали один за другим с небольшим интервалом. Конечно, далеко не каждая наша бомба попадала в цель. Важно было уже то, что во время бомбежки враг либо вовсе гасил прожекторы, либо переключал их на самолеты. А тем временем десантники под покровом темноты могли высаживаться на берег.

Однако на море разыгрался шторм; сильный ветер и волны задерживали катера. Операция затягивалась, и нам приходилось работать с максимальной нагрузкой.

Я заранее подсчитала, что мой пятый за эту ночь вылет станет в общем итоге пятисотым. Хотелось отметить его получше, иначе говоря - больше ущерба причинить врагу.

Базировались мы по-прежнему в рыбацком поселке Пересыпь, в двадцати километрах от Керченского пролива.

Моя задача заключалась в том, чтобы точно выйти на немецкие прожекторные установки, мешавшие высадке десанта, стать на боевой курс и, не обращая внимания на зенитный огонь, пролететь над целью. Штурман Катя Рябова должна была тем временем рассчитать маршрут, сбросить бомбы и указать путь домой, где нас с нетерпением ждали. В ту ночь мы тщательнее обычного собирались в полет, щепетильно проверяли подвеску «юбилейного» груза и свое снаряжение. За боевую практику случалось всякое. Юбилярам вроде меня нередко приходилось задерживаться где-нибудь в поле между своими и вражескими позициями. Поэтому к экипировке экипажа мы относились с особой придирчивостью.

Разыгравшаяся непогода едва не испортила мой праздник. Началось с того, что ветер безжалостно швырял из стороны в сторону наш легенький фанерный У-2. Потом с севера приползли тяжелые плотные тучи. Они безжалостно прижимали самолет к земле, и стрелка высотомера все время дрожала где-то между 350

и 400 метрами. Но даже и с такой высоты земля просматривалась плохо: в воздухе висела тончайшая водяная пыль, ухудшавшая [139] в без того отвратительную видимость. Пришлось снизиться еще на несколько десятков метров.

При обработке целей с такой высоты легко было подорваться на собственных бомбах, и никто бы не осудил нас, вернись мы на аэродром. Но мне подумалось тогда, что, если бы советский человек всегда действовал только исходя из возможного, прежде всего думая о личных интересах, о личном благополучии, мы не построили бы Днепрогэс, Сталинградский тракторный, десятки других гигантов индустрии, не проложили бы тысячи километров железных дорог, не сумели бы отстоять от врагов свои завоевания.

- Под крылом Эльтиген, - голосом вокзального диктора объявила Катя Рябова.

Она не любила в воздухе лишних разговоров, и мы подолгу могли летать молча, не разговаривая. Едва я услышала по переговорному устройству эти слова штурмана, как в кромешной тьме скользнули по черным волнам лучи прожекторов. Нервно пометавшись над водой, они вдруг замерли на месте.

- Катер поймали! - вырвалось у Катюши.

Я поглядела в сторону берега. В полутора километрах от него на вспененных гребнях прыгало освещенное голубым столбом яркого света небольшое суденышко. Фашисты отлично понимали положение людей на катере и, видимо, поэтому не спешили расправиться с ними. В накрепко стянутом пучке света, словно не замечая его, катер настойчиво пробирался к берегу.

Раздался залп, второй, третий. Катер накренился, но тут набежала крутая волна и удержала его. На какое-то мгновение он выскочил из полосы света, однако щупальца заметавшихся прожекторов снова ухватились за борт.

Медлить было нельзя. Я ввела самолет в левый крен и дала полный газ. Все решали секунды. Рев мотора всполошил гитлеровцев, два луча, переключившись, зашарили по небу. Но один прожектор продолжал упорно преследовать катер с десантниками.

Вздрогнул, захлебываясь от гнева, мотор самолета - рука до упора дала газ вперед.

- Выходим на цель, - предупредила Катя, - Будем бомбить с малой высоты.

- Ничего не поделаешь, - согласилась я. [140]

К самолету, описывая круги, приближался многовольтовый сноп прожектора. Едва коснувшись плоскостей, он пробежал по фюзеляжу, на мгновение ослепил меня и тут же вернулся назад.

Задрожал, напряженно замер, застыл на самолете. Смотреть вниз было бесполезно. Меня словно чем-то тяжелым ударили в переносицу, перед глазами поплыли круги. Поймал все-таки! Втянув голову в плечи, я чуть подалась вперед. Теперь лучи проходили под козырьком, упираясь в центроплан. Немного дала ручку от себя и тут же почувствовала легкий толчок - бомбы оторвались от плоскостей.

Взрывной волной ударило в низ фюзеляжа, самолет клюнул носом и чуть завалился на правое крыло. Так не мудрено и в штопор сорваться. А на такой высоте попадешь в штопор - обязательно врежешься в землю. Чтобы предупредить падение, я поставила рули нейтрально и начала уходить в сторону. Прожекторы погасли, кромешная темнота вновь поглотила все вокруг.

- Ну как, отбомбилась? - осведомилась я у штурмана.

- Все в порядке. Видишь, прожекторы выключены. Может, мы их и не разбомбили, а братишек все же выручили. Поздравляю тебя, пятисотница, с юбилейным вылетом!

- Спасибо, Катя.

А утром в столовой меня ожидал огромный арбуз. На его кожуре белела вырезанная ножом цифра «500».

- Это от Бершанской и Рачкевич, - пояснила парторг полка Мария Рунт. - Специально раздобыли.

В столовой собралась вся наша эскадрилья, подошли и другие свободные от полетов девушки. Первые пятисотницы полка Мария Смирнова, Катя Рябова, Наташа Меклин подняли арбуз и торжественно передали его мне.

- Принимай «корону», - заявила Маша Смирнова. - Желаем тебе до конца войны заслужить еще одну.

Арбуз тут же коллективно подвергся уничтожению. С аппетитом уплетая сочные и сладкие ломти, девушки шутили: «Почаще бы такие юбилеи».

* * *

Через несколько дней после той ночи мимо нашего аэродрома в сторону Керченского пролива шеренга за шеренгой шли моряки. Они проходили широким флотским [141] шагом. В косых лучах осеннего солнца тускло поблескивала сталь автоматов. Суровые обветренные лица, черные бушлаты, развевающиеся ленты бескозырок. Собравшись группами, мы приветствовали моряков.

В одной из колонн вышагивал высокий худощавый старшина

второй статьи. Его черные цыганские глаза весело поблескивали из-под густых бровей. Вместо матросской бескозырки на голове у парня была потрепанная солдатская шапка.

- Эй, морячок! - прозвучал вдруг звонкий девичий голос. Штурман из нашего полка ясноглазая Аня Бондарева подбежала к идущим. В руках она держала новую серую шапку. - Возьми, дарю от чистого сердца. Твоя-то уж больно плоха. Мне она не нужна, у меня шлем есть. Отдала бы тебе его, да нельзя - каждую ночь летаем.

Моряк смутился и негромко ответил:

- Спасибо. Вернусь - найду, отдам…

Бережно надев подарок на черную шевелюру, он приветливо помахал Ане…

Слово «Эльтиген» стало священным для нас с того времени, когда первый эшелон десантников внезапным ударом ворвался в поселок Эльтиген и закрепился в нем. Разыгравшийся шторм задержал дальнейшее десантирование. На вражеском берегу почти в окружении оказались небольшие подразделения моряков и армейцев.

Противник предпринял несколько попыток сбросить десантников в море, но тщетно. Эльтиген, маленький белокаменный городок, встал на пути фашистов несокрушимой крепостью.

У десантников кончались продукты и боеприпасы, нечем стало перевязывать раненых. Прекратилась связь со своими, так как осколками снаряда разнесло рацию, убило радиста. А свинцовые волны бурлили не переставая. Вновь и вновь рвались к Эльтигену наши катера с людьми, оружием, боеприпасами, продуктами и опять вынуждены были ни с чем возвращаться к своим причалам.

Ноябрь 1943 года выдался в Крыму холодным и ветреным. День за днем метеосводка кончалась двумя лаконичными словами: «Погода нелетная». Как-то под вечер к нам в полк приехало морское начальство. В небольшом рыбацком домике произошел такой разговор.

- Товарищ Бершанская, - обратился к командиру полка один из приехавших. - Десант в тяжелом положении. [142] Он отрезан со всех сторон. У десантников нет продовольствия, нет боеприпасов и медикаментов. Фашисты день и ночь атакуют. Ваши летчицы могут помочь морякам.

- Но я не имею права выпускать экипажи в такую погоду, - медленно произнесла гвардии майор Бершанская.

Она не спеша прошлась по комнате, остановилась около окна. На аэродроме кипела жизнь: техники и вооруженцы копались

возле машин, где-то опробовали мотор, вдали раздавался звонкий девичий смех, а с моря лавиной надвигались тучи.

Бершанская повернулась к морякам:

- Смотрите, какая погода.

Пожилой офицер с седыми висками и воспаленными от бессонницы глазами подошел к нашему командиру:

- Мы просим собрать личный состав полка.

Через несколько минут летчики, штурманы, техники и вооруженцы выстроились на аэродроме. Первым взял слово седой моряк. Он подробно рассказал о положении десанта, о людях, от подвига которых во многом зависит освобождение Крыма. Потом вышла вперед майор Бершанская. В наступившей тишине голос ее звучал особенно громко:

- Враг блокировал десант на Эльтигене. Положение десантников тяжелое. Подход к плацдарму затруднен. С суши подступы прикрываются немецкой зенитной артиллерией и прожекторами. С моря - огневой завесой вражеских катеров. К тому же погода… Гвардейцы! Поможем героям-морякам. Кто хочет добровольно лететь на Эльтиген, шаг вперед!

Летчицы и штурманы сомкнутым строем шагнули вперед.

А утром 8 ноября командующий Отдельной Приморской армией генерал армии И. Е. Петров подписал официальный приказ: «Женскому гвардейскому авиаполку ночных бомбардировщиков пробиться к десантникам и доставить им продовольствие, боеприпасы, медикаменты».

Старшей из нас было двадцать пять лет, младшей - девятнадцать. Нам предстояло выполнить сложную, требовавшую большого мужества и умения операцию.

Десантники находились на узкой полосе крымского берега. Чтобы сбрасывать мешки с грузом в цель, нужна [143] была исключительная точность. Просчет в один-два метра, и ценный груз мог попасть к фашистам.

Мешки подвешивались к бомбодержателям. Крупные, неуклюжие, они создавали большое сопротивление, резко снижая скорость У-2.

В ту ночь ветер бушевал с какой-то особой силой. Он приносил эхо выстрелов и запах гари: на Эльтигене шли беспрерывные бои.

Первым взлетел экипаж самой опытной летчицы полка - заместителя командира по летной части Серафимы Амосовой и штурмана полка Жени Рудневой. Через две-три минуты взлетела я. Земли почти не было видно, и только шум моря, заглушавший рокот мотора, свидетельствовал, что находимся над Керченским проливом. Летели на минимальной высоте, чуть не касаясь

колесами воды. Волны с бешеной яростью рушились одна на другую, стараясь захлестнуть У-2. Штурман Таня Сумарокова дала курс. Я точно выдержала его, и вскоре впереди показались контуры скалистого берега…

Как только я сделала разворот, в небо впились лучи прожекторов, впереди вспыхнули разрывы зенитных снарядов. В кабине стало до слепоты светло: мы оказались в лучах прожекторов. Главное было не сбиться с маршрута. Наклонившись к переговорному аппарату, я уточнила курс. Татьяна спокойно ответила: «Идем верно».

Наконец прожекторы и зенитки остались позади. Теперь предстояло самое трудное: разыскать сигналы десантников и точно сбросить груз.

Нас опять встретили разрывы снарядов. Начала планировать. Почти на бреющем полете пронеслись мы над головой фашистов и наконец увидели на земле сигналы… Теперь уже действовала штурман. Машину слегка подбросило: это оторвался первый мешок… за ним второй… Убедившись, что мешки упали, куда надо, я развернула У-2, и мы полетели за новым грузом.

А там, в Пересыпи, по-прежнему дул порывистый ветер, которого уже никто, казалось, не замечал. Командир полка Евдокия Бершанская и все, находившиеся на старте, напряженно вслушивались в гул моторов, с волнением встречая каждый экипаж.

Двадцать шесть ночей летали мы к десантникам. Каждый такой рейс нес им спасение, укреплял уверенность в победе. [144]

Однажды я вылетела вслед за командиром звена Евгенией Жигуленко. Я очень любила Женю. Женственная и мягкая, она неузнаваемо преображалась в воздухе.

С Жигуленко летала штурман Полина Ульянова. При подходе к цели их машину плотным кольцом схватили прожекторы и зенитки. Я видела, как самолет Жигуленко заметался из стороны в сторону. Видела, как мастерски вышла летчица из-под обстрела и снова взяла курс на цель.

Тогда я не знала, что ее самолет сильно пострадал при обстреле. Только на аэродроме мы поняли, на какой подвиг способна наша скромная Женя. Машина получила десятки пробоин, с нее свисали клочья перкали, был поврежден мотор, пули прошли через кабину штурмана и летчицы… Инженер полка Софья Озеркова и старший техник эскадрильи Дуся Коротченко давно не видели ничего подобного…

Грузы для десантников сбрасывали во двор школы, где каждую ночь для нас зажигали небольшой костер и выкладывали опознавательный знак.

Такая своеобразная «бомбежка» требовала от экипажей большой точности. Поэтому к месту назначения подлетали на высоте около 50-70 метров, а при сбрасывании груза старались снизиться еще немного.

Бывало, с середины пролива уже уберешь газ и планируешь до самого крымского берега. Фашисты бьют из автоматов и крупнокалиберных пулеметов, иной раз до десятка дыр насчитаешь в обшивке плоскостей. А самолет тянет и тянет. И вот уже под крылом заветный огонек. Перегнешься через борт кабины и что есть мочи кричишь:

- Принимай гостинцы, пехота! У нас картошка и медикаменты, следующий сбросит патроны.

А штурман добавляет:

- Привет от 46-го женского гвардейского!

В ответ с земли тоже что-то кричали, но за свистом ветра и за шумом морского прибоя разобрать слова было невозможно. Хорошо хоть, что мы слышали голоса: значит, живы наши.

Сбросив груз, мы разворачивались прямо над головами гитлеровцев. Иногда даже казалось, видели, как вверх вскидывались десятки автоматных и ружейных стволов, слышали, как трещат выстрелы. Но, изрешеченные, с продырявленными [145] плоскостями, маленькие труженики У-2 оставались в строю.

О полетах девушек-гвардейцев на Эльтиген тепло написал в «Огненной земле» Аркадий Первенцев:

От Тамани с сухим треском маломощного мотора летел самолет. Он взял курс на поселок, сразу стал огромен и будто накрыл тенью своих крыльев всю Малую землю. Где-то слева закашлял зенитный пулемет, и в ночную темноту пошли косые трассы разноцветных снарядов - красные, зеленые, белые. Выключив мотор, самолет еще ниже спустился: чья-то черная, в шлеме, голова отклонилась от борта кабинки, и сверху донесся сердитый и звонкий девичий голос:

- Полундра! Лови воблу!

От самолета отделились какие-то темные предметы и тяжело ударились о землю. Сонно ворча мотором, вспыхивая голубоватыми блестками глушителя, самолет пошел почти над самым морем.

- Девчата полка майора Бершанской, - сказал Манжула. - Гвардейцы-девчата. Они стоят у Ахтанизовского лимана…

Сейчас - это память. А тогда эльтигенский десант был частицей каждой из нас.

Прошли годы. Но ничто не забылось, не исчезло из памяти.

Недавно меня пригласили на встречу с молодежью в Политехнический музей. Огромный зал, сотни внимательных

глаз… Я рассказывала о действиях нашего полка в Крыму и, конечно же, о полетах на Эльтиген. Буря оваций потрясла зал, когда люди услышали, что бывший командир легендарного десанта Герой Советского Союза генерал-майор Василий Федорович Гладков живет в Москве. А во время перерыва ко мне подошел в фойе незнакомый пожилой мужчина.

- Милый, дорогой человек… - сбивчиво заговорил он. - Я был в то время на Эльтигене… Разрешите вас обнять от имени тех, кто остался в живых.

Мы долго молча глядели друг на друга. Оба не находили слов, чтобы высказать, что творилось в наших сердцах…

Герои Эльтигена! Их осталось немного, бесстрашных моряков [146] -десантников{9}. Так и не пришел черноглазый старшина второй статьи, чтобы отдать шайку Ане Бондаревой. А вскоре не вернулась из полета и сама Аня…

После войны мне привелось побывать в Пересыпи. На том месте, где когда-то был наш аэродром, теперь шумит прибой. Ничто не напоминает здесь о войне. И пусть так будет вечно!

* * *

Однажды в море, выдержав шторм, но потеряв управление, легли в дрейф несколько десантных судов. На розыски потерпевших бедствие вылетели экипажи Ольги Санфировой, Марии Смирновой, Веры Тихомировой, Надежды Поповой, Нины Худяковой и мой. Погода не благоприятствовала нам. Дул холодный ветер. Быстро обледеневали плоскости и фюзеляж. Надрывно, с перебоями работал двигатель, с трудом осиливавший сопротивление ветра и дополнительную ледяную нагрузку. Когда мотор начинал чихать особенно часто, сердце сжималось и замирало. Откажи, заглохни мотор - и не видать нам больше ракушечных домиков Пересыпи.

Катя Рябова в это время тренировала летчиц, и на поиски катеров мне приходилось летать с молодыми штурманами. Вот когда я особенно остро почувствовала, как необходимы в нашем деле слетанность, уверенность в товарище. Молодые штурманы как будто неплохо овладели своей профессией, в воздухе работали старательно, и все же мне постоянно приходилось быть настороже, самой следить за обстановкой, за курсом. В густом тумане, который подолгу висел над морем, немудрено было "столкнуться со своими же самолетами, вдоль и поперек прочесывавшими заданный квадрат. Постоянно грозила также опасность нападения вражеского истребителя, так как поиски

производились днем.

Однажды так и случилось. Увлекшись поиском, я не заметила, как немного прояснилось. Горючего в баках оставалось мало, и я решила набрать высоту, чтобы в случае чего дотянуть до берега на планировании. Задрав нос, У-2 по спирали полез вверх. Как раз над нами тучи слегка [147] разошлись, и сквозь рваную их пелену чуть голубело небо.

Окошко все ширилось, прояснялось, один край его уже загорался румянцем под лучами солнца. Хорошо бы забраться туда хоть на секунду, взглянуть, что творится там, за толстым слоем облаков. Жаль только, потолка не хватит.

- Товарищ командир! - прервал мои раздумья испуганный голос штурмана. - Поглядите. Наверное, фашист.

Я и сама уже заметила мелькнувший в разрыве туч двойной фюзеляж «рамы» (так называли фронтовики быстроходный, необычной формы вражеский разведчик). А заметил ли гитлеровец нас? Во всяком случае, я сразу положила машину на крыло и скольжением повела ее вниз. Только бы войти в «молоко»! Если успеем - спасены: фашист побоится низко висящего над морем тумана и оставит нас в покое.

А может, он нас не заметил и мои страхи напрасны? Нет, не напрасны. Темную кромку облаков прочертили трассы пуль. Я взглянула вверх, и мурашки поползли по спине: накренившись и беспрерывно строча из пулеметов, на нас стремительно падала фашистская «рама». Расстояние быстро сокращалось.

«Кажется, не успею, - мелькнуло в голове. - А, была не была!»

Расстояние до фашиста было совсем небольшим, когда я в отчаянии перевела самолет в пикирование. Это было опасно: до воды могли оказаться считанные метры и тогда неизбежна гибель. Но иного выхода не было!

«Та- та-та» -застучали над головой пулеметные очереди. И все мимо. А вот и туман. Густая пелена уже плотно окутала нас. Я тут же взяла ручку на себя, и У-2, как разгоряченный конь, почувствовавший стальные удила, стал замедлять бег. Описав плавную дугу, он перешел в горизонтальный полет. И вовремя - под крылом показались вспененные гребни волн.

В наушниках послышался вздох облегчения - для молодого штурмана это было трудное испытание.

* * *

Бои за плацдарм на берегу Крыма продолжались. В конце концов советскому командованию удалось перебросить в

Эльтиген подкрепление. Преодолевая ожесточенное [148] сопротивление врага, десантники медленно, но верно вгрызались в немецкую оборону и постепенно расширяли плацдарм. Мы оказывали пехотинцам и морякам посильную помощь, из ночи в ночь обрабатывая вражеские позиции.

Летали мы в то время много. Однажды после особенно удачного вылета Катя Рябова сказала:

- Знаешь, Марина, мы ведь не представляли вначале, что будем делать на фронте - стрелять из автомата, варить борщ для бойцов или перевязывать раненых. Нам, студенткам, было все равно. Лишь бы воевать, бить ненавистного врага. На нашу долю выпала война в небе. Я считаю, нам повезло. Хотя вряд ли ты услышала бы от меня другие слова, если бы из нас подготовили артиллеристов, санитарок или снайперов…

На протяжении всей войны мы мечтали о мирной жизни.

- Вы представляете, девушки, - восклицала Катя, - как будут счастливы наши люди после войны! Вот смотрю я на своих однополчанок, бывших студенток: для многих после победы жизнь начнется с того, на чем остановила ее война, но по-другому, сильнее и глубже они будут ценить все, что дает нам наша страна, наша молодость…

Как- то перед вылетом на боевое задание, сидя уже в кабине самолета, я наблюдала за Катей. Вот она стоит и спокойно смотрит, как девушки-вооруженцы подвешивают бомбы. Ей предстоит лететь вместе со мной. Самолет может попасть под огонь зениток, его могут поймать лучи прожекторов, перехватить истребители противника… Словом, полет может оказаться последним. Но Рябова спокойна. И я подумала: «Неужели это та самая Катя, которая по полчаса стояла перед дверью, не решаясь войти в комнату, где принимал зачеты профессор? Катя, для которой редкая четверка вместо пятерки была самым большим огорчением в жизни?»

Ноябрьской ночью сорок третьего года мы шли бомбить скопление немецких частей и техники на станции Багерово, расположенной западнее Керчи. С воздуха станцию прикрывали крупные силы ПВО. Одних прожекторов насчитывалось свыше двадцати. Чтобы ввести гитлеровцев в заблуждение, мы, набрав высоту, пошли на Багерово с тыла, а затем, приглушив мотор, стали планировать на цель. Но именно в этот момент заработали прожекторы. [149] Лучи быстро поймали нас. Открыли огонь зенитки. Катя дала команду держать курс. Я все время маневрировала по высоте. Рябова «повесила» над станцией две осветительные бомбы. На путях стали хорошо видны эшелоны. А обстрел с каждой минутой становился все гуще. Но вот Катя

навела меня на цель, и вниз полетела серия бомб.

Задание было выполнено.

* * *

Погода в ноябре резко ухудшилась. Частые снегопады, перемежающиеся с дождем, туманы, низкая облачность - все это сильно мешало полетам.

На фронте тоже наступило временное затишье. Потеряв надежду сбросить советских десантников в море, враг усиленно укреплял свою оборону. Наши части на Керченском полуострове тоже окопались и ожидали подкреплений.

Командование полка решило использовать короткую передышку для отдыха летного состава. Меня и Катю Рябову послали на две недели в Кисловодск.

- Смотрите не влюбитесь, - шутливо напутствовала нас майор Бершанская. - В санатории много офицеров, нас уже знают, и каждому будет лестно познакомиться с вами. Так что держитесь по-гвардейски.

- Ничего, - ответила Катя, - у нас до конца войны одна-единственная, неизменная любовь - любовь к бомбежкам.

- Ой ли? - улыбнулась Ирина Ракобольская. - Когда-то и я так думала. А стал на меня в университете заглядываться один паренек, и чуть не потеряла свободу.

- Так то в мирное время.

- А на войне тем более мы все стосковались по теплой улыбке и ласковому слову. Да и что в этом плохого? Я сама давно влюбилась бы в какого-нибудь бочаровского парня, да вот Евдокия Давыдовна не разрешает. Говорит, начштабу, да на фронте - любить не положено.

- Не соблазняйте девушек, капитан, - усмехнулась Бершанская, - иначе наша часть превратится в полк влюбленных. Ну, гвардейцы, желаю хорошо отдохнуть.

Мы откозыряли и отправились укладываться в дорогу. Перед отъездом в Кисловодск нам по служебным делам пришлось побывать в станице Ахтанизовской, где располагался [150] батальон аэродромного обслуживания и базировался полк штурмовиков. Как раз так совпало, что у летчиков был праздничный день - им вручали правительственные награды. По такому случаю после торжественной части устроили танцы. Ну и нас, конечно, затащили туда. Как мы ни отнекивались, ссылаясь на дела, пришлось уступить настойчивым просьбам. Особенно старался, упрашивая нас, один старший лейтенант с большим

количеством орденов на новенькой гимнастерке.

Вообще- то я была не прочь потанцевать, и меня особенно уговаривать не пришлось, но Катя заупрямилась. Впрочем, на это у нее была причина. У Кати засорился глаз и она ходила с перебинтованной головой. Да и вид у нас был далеко не праздничный. На нас были рабочие брюки и гимнастерки, а сверху шинель.

- Все равно мы вас не отпустим, - стоял на своем летчик и тут же громко объявил: - Товарищи, у нас в гостях гвардейцы Бершанской. Нужна срочная помощь, иначе эти жар-птицы упорхнут.

И не успели мы оглянуться, как оказались в плотной толпе смеющихся штурмовиков.

- А теперь познакомимся. Григорий Сивков.

- Знаешь, Маринка, - шепнула Катя, снимая шинель, - а он, как видно, боевой парень.

- Что так быстро заинтересовалась?

- Ты о чем? - насторожилась Катя.

- А разговор с Бершанской забыла?

- Ну вот еще! Что ж теперь, прикажешь волком на мужчин смотреть? А потом ведь я не хотела оставаться. В этом виновата ты.

- Значит, если влюбишься, тоже меня винить станешь?

- Не тебя, а Сивкова, - задорно ответила Катя и ушла в круг танцевать с Григорием.

Домой мы возвращались в сумерках. Старенький, заляпанный до бортов грязью «газик» нещадно швыряло на колдобинах разбитой дороги. Но Катя не замечала болтанки. Сидя на ящиках с патронами, она молчала, временами на лицо ее набегала счастливая улыбка.

- Как думаешь, Маринка, - вдруг спросила она, - это совпадение или он нарочно так сделал?

- Кто он и что сделал? Может, ты сумеешь объяснить более вразумительно? [151]

- Понимаешь… - Катя помялась немного. - Он… ну, одним словом, Сивков тоже едет отдыхать в Кисловодск. И в один с нами санаторий.

- М-м… - Я хотела и не могла удержаться от смеха, губы сами собой расползлись в широкую улыбку.

- Чего ты молчишь! Ну понравился он мне! Ну в что?! Разве у меня сердце каменное!

Катя замолчала, отвернулась, наверное обиделась.

…Отдохнуть в Кисловодске мне не удалось. На другой день после приезда у меня вдруг поднялась температура. Сивков и

Катя отвезли меня в Ессентуки в армейский госпиталь. Высокая температура держалась десять дней. Катя приезжала ко мне ежедневно, но ее не пускали в палату: у меня подозревали дифтерию.

На мое счастье, в госпитале лечилась инженер одной из эскадрилий нашего полка Татьяна Алексеева. Она добилась разрешения от главного врача дежурить возле меня. И делала это весьма добросовестно. Когда бы я ни открыла глаза, Таня находилась рядом. Есть я ничего не могла, лишь с огромным трудом глотала жидкий шоколад с молоком, которым она с ложечки поила меня. Я похудела и буквально задыхалась. Врачи были не в состоянии поставить диагноз и только беспомощно разводили руками. Одни утверждали, что у меня дифтерия, другие отрицали, но определить болезнь не могли.

Случайно я услышала разговор Тани Алексеевой с медсестрой. Из него поняла, что врачи опасались за мою жизнь. Я до такой степени измучилась, что даже на это реагировала спокойно. Только обидно и горько было умирать, лежа на больничной койке. В бою еще куда ни шло, там мы привыкли смотреть смерти в глаза. Но расстаться с жизнью так нелепо…

С трудом нацарапала на клочке бумаги просьбу известить отца о моем положении. Таня рассердилась, махнула рукой и быстро вышла из палаты. А вечером она привела незнакомого высокого, с черными как смоль волосами человека.

- Вирабов, - тихо сообщила мне Таня, пока он мыл руки под краном, - опытный отоларинголог, кандидат медицинских наук.

Титул Вирабова ничего мне не говорил, заинтриговало только длинное и непонятное слово «отоларинголог». Обладатель [152] же этого титула, осмотрев мое горло, сердито пробурчал:

- Двусторонняя фолликулярная ангина в тяжелой форме…

И тут же добавил что-то еще, чего я не расслышала. По всей вероятности, далеко не лестное в адрес своих коллег, так как стоявший рядом госпитальный доктор густо покраснел. Вирабов раскрыл мне рот, просунул в него лопаточку, надавил где-то, мне показалось, у самого мозжечка, что-то щелкнуло, и дышать сразу стало легче.

- Все, гвардеец, - произнес мой спаситель. - Теперь дело за калориями. Медицина вам больше не нужна.

Через несколько дней я встала на ноги. И вовремя. В начале декабря советские войска, находившиеся в Эльтигене, внезапным стремительным ударом прорвали оборону противника и вышли в район южнее Керчи. Полк снова начал работать с полной нагрузкой. Теперь наши действия перенеслись в глубь полуострова. Мы бомбили вражеские коммуникации западнее

Керчи, железную дорогу Керчь - Владиславовна, укрепленные пункты Катерлез, Тархан, Багерово, Булганак, где находились крупные вражеские склады горючего и боеприпасов.

После болезни я чувствовала себя неважно, быстро утомлялась, от истощения часто кружилась голова. Командир полка всегда берегла своих подчиненных и проявляла исключительную чуткость. Поэтому в первые дни после приезда меня старались не загружать работой. Но каждый летчик был на счету, и я старалась летать как можно чаще. В конце концов молодость взяла свое. Через неделю я уже работала в полную силу.

За время пребывания в госпитале я забыла о дружбе Кати Рябовой с Григорием Сивковым. А когда вернулась в полк, сразу свалилась масса дел по эскадрилье, потом начались полеты, и, конечно, мне было не до этого. Да и Катю, видимо, занимали совсем другие мысли, переживания. Во всяком случае, она не обмолвилась ни единым словом о своих взаимоотношениях с Григорием.

Однажды, отбомбившись по эшелонам на железнодорожной станции Багерово, где нас чуть не сбили, я вспомнила на обратном пути о лихом штурмовике и спросила Рябову:

- Что, Катюша, «любви, надежды, тихой славы недолго тешил нас обман»? [153]

- Ты о чем?

- Притворяешься? Не о чем, а о ком.

- А-а, понятно… Давай сверни на Ахтанизовскую, тогда узнаешь.

- Зачем на Ахтанизовскую?

- Ну я очень прошу. Он меня там ждет.

- Ты с ума сошла! Да разве мы имеем право садиться там! Нет, Катя, дружба дружбой, а служба службой.

- Садиться и не надо. Мы только пролетим над ним, он и поймет.

- Ну если так, то можно.

При подходе к Пересыпи я нарочно растянула «коробочку» - маршрут при заходе на посадку - и почти на бреющем пролетела над Ахтанизовской.

- Помигай бортовыми огнями! Быстрей! - попросила Катя.

Я исполнила ее желание.

- На месте, - вырвался у Рябовой вздох облегчения.

- Ты что, как сова, в темноте стала видеть?

Катя рассмеялась.

- Посмотри влево, сама увидишь.

Я поглядела за борт. На земле кто-то мигал карманным

фонариком.

- Это Гриша. Мы заранее условились и так вот иногда «встречаемся».

- А как же насчет единственной и неизменной любви к бомбежке? Доложить, что ли, Евдокии Яковлевне?

- Посмей только!

- Ну и что же, всю войну так и будете перемигиваться? Или иногда встречаетесь?

- Какие сейчас встречи? Переписываемся через полевую почту. Расстояние пять километров, а письма неделями ждешь. Возмутительно!

- А ты их сбрасывай на поле. Пусть с фонариком ходит и ищет.

- Да ну тебя! - рассердилась Катя. - У тебя все шуточки. Напрасно только я свой секрет выдала. Еще проболтаешься, а тогда девушки прохода не дадут.

- Успокойся, никто не узнает. А тебя я буду регулярно доставлять к милому, пока не проболтаешься сама. Только, если Бершанская узнает о наших ночных вояжах, чур, тебе одной выговор получать. [154]

Так пришла к Кате Рябовой большая, настоящая любовь. Катюша заслужила ее, и я радовалась за подругу. Но иногда почему-то на меня находила грусть. Не от зависти, нет! Это была хорошая, легкая грусть, навеянная хотя и чужим, но близким мне счастьем, грусть, полная девичьих надежд и ожиданий того, что и твое счастье бродит где-то, может быть, совсем рядом.

Экипажи продолжали летать в сложных метеорологических условиях. Это был период максимального напряжения всех наших моральных и физических сил. В эти дни погибли наши подруги Тася Володина и Аня Бондарева. Многие машины получили повреждения. Но задания выполнялись до конца.

В одну из ночей в район Керчи вслед за нашим с Рябовой экипажем вылетела Паша Прасолова со штурманом Клавой Старцевой. Условия выполнения заданий были тяжелые. Мы с Катей очень беспокоились за своих молодых однополчанок. Все экипажи в ту ночь вернулись на свой аэродром. Не было только машины Прасоловой и Старцевой.

Как выяснилось позже, осколок снаряда попал в мотор их самолета. Применив все свое мастерство, Паша и Клава произвели вынужденную посадку на нейтральной полосе. Когда к самолету прибежали наши бойцы, они нашли обеих девушек в очень тяжелом состоянии: у Паши при медицинском осмотре было обнаружено семь переломов, у Клавы два. Санитарный самолет доставил их утром в Краснодар. В госпитале началась

борьба за жизнь наших подруг.

Клава Старцева выздоровела довольно быстро и вернулась в родной полк. А Паше больше не суждено было летать. Почти два года пробыла она в различных госпиталях. С великим трудом врачи сохранили ей руки и ноги, но она осталась на всю жизнь инвалидом…

Вскоре после несчастья с Прасоловой и Старцевой меня постигло большое личное горе. Оно надолго выбило меня из колеи, сильно ожесточило сердце.

Это случилось в декабре. Ночь выдалась нелетная - на море бушевал шторм, плотные черные тучи низко ползли над оголенной землей. Не переставая шел крупный снег вперемежку с дождем. Мы о унылым видом сидели в землянке на аэродроме и предавались невеселым мыслям. [155]

Сквозь вой ветра донеслось тарахтение грузовика. Спустя несколько минут снаружи обрадованно крикнули: «Передвижка!» В полк привезли новый кинофильм «Два бойца».

В самой большой землянке на стене повесили простыню, установили киноаппарат. Всем хотелось попасть на первый сеанс, поэтому народу набилось столько, что яблоку негде было упасть. Передних совсем притиснули к экрану, а сзади все напирали.

- Да что землянка, резиновая, что ли! - ворчали счастливчики.

- Ничего, растянется! - задорно кричали в дверях. - Раз-два - ухнем!

После каждого такого возгласа еще два-три человека втискивались в землянку. Теснота была страшная. Но начался фильм, и сразу стало будто просторней.

Удивительное дело, сам воюешь и вроде бы не замечаешь войны. А вот со стороны все выглядит иначе, значимей, и удивляешься, и восхищаешься, и сердце щемит от того, на что обычно даже внимания не обращаешь. Искусство как бы очищает, просветляет твои мысли и чувства, пропуская их через свою волшебную призму.

Затаив дыхание, я смотрела, как мелькали на экране кадры знакомой фронтовой жизни, и сердце наполнялось благодарностью к простым людям, волей судьбы ставшим солдатами.

- Чечневу на выход! - раздался громкий голос в дверях.

Нехотя поднялась я со своего места, стала пробираться к выходу. Артист Марк Бернес только что взял в руки гитару и запел:

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил…

Лица Бернеса я уже не видела - его заслоняла притолока. Я

различала только пальцы, перебиравшие струны, и слышала задушевно звучавший голос.

Подавив вздох, я вышла из землянки в сырую промозглую тьму. Постояла немного. В ушах все еще звучал голос артиста, и представлялось спокойное, сверкающее под солнцем море, то самое море, над которым я летаю [156] теперь почти каждую ночь и которое сейчас яростно долбит обрывистый берег за кромкой аэродрома.

Как благодарна была я Марку Бернесу за ту простую песенку. Она поддержала меня в самую трудную минуту жизни, когда я читала в тускло освещенной комнатке штаба письмо, извещавшее о смерти отца.

Долго ли я стояла в оцепенении, не знаю. Но хорошо помню двойственность пережитых тогда ощущений. Словно далекое видение, мне представлялось, как в дымке «синело море за бульваром». И тут же рядом возникал темный, леденящий душу провал. За этим провалом не было ничего, кроме смерти самого дорогого, самого близкого на свете человека, который был мне не только отцом, но и товарищем, настоящим, большим другом.

Отец много видел и много знал, несмотря на то что был всего-навсего простым рабочим. Он гнул спину на богатеев, участвовал в Октябрьской революции, бил контрреволюционеров в гражданскую войну. Потом его же руки помогали расти Советской власти. «Нашей с тобой власти, Маринка», - как часто говорил он мне.

Нам не очень легко жилось, но я ни разу не слышала от отца слов недовольства. Помню, он страшно сердился, когда кто-нибудь жаловался, сетовал на трудности.

- Зачем ты его так? - иной раз вступалась я за человека, на которого рассердился отец. - Ему ведь действительно трудно.

- Возможно, что трудно. Но ты пойми, дочка, все эти разговоры не от трудностей, а от того, что многие еще по старинке живут. Натерпелись в нищете в свое время, а теперь, благо власть своя, хотят получить больше, чем она может пока дать. Это все равно что месячного ребенка заставлять ходить. Понимать ведь надо, котелком варить. Да и какие у него трудности? Я живу лучше, чем раньше, ты будешь жить еще лучше, а внукам и вовсе будет намного веселее нашего. Так, как жил я, никто больше жить не будет. Запомни это хорошенько, дочка!

Да, я хорошо запомнила твои слова, мой отец, друг и товарищ. Поэтому работала и училась, поэтому стала летать, поэтому пошла на фронт. Всегда и всюду я думала о тебе. Ты и миллионы подобных тебе крепко вели меня по земле, ты был

моей самой большой любовью и радостью. И вот тебя не стало. И все же мы не расстанемся. Такие, как ты, и мертвые остаются живыми! [157]

…На фронте я очень много думала о Москве, вспоминала в подробностях довоенные годы. «А какая она сейчас, Москва? Как живет? Как выглядит?» Этот вопрос, по-моему, задавала себе тогда каждая из нас.

Письма на фронт шли долго. В конце декабря я получила весточку от своей подруги Лиды Максаковой.

С Лидой мы вместе учились в Ленинградском аэроклубе столицы, вместе закончили пилотское и инструкторское отделения, а перед началом войны обе в свободное время выполняли работу летчиков-инструкторов. Максакова была постарше меня и училась в МГУ на историческом факультете, а я еще ходила в школу. Но нас сдружил аэроклуб. Лида постоянно писала мне на фронт, сообщая все новости о Москве, об общих наших знакомых, о жизни в тылу.

В самом начале войны она была летчиком-инструктором. Рвалась на фронт, но так и не попала туда. Ее направили на работу в ЦК ВЛКСМ.

Милая моя Марина! - волнуясь, прочитала я, - *ты представляешь, какая сейчас Москва? Заснеженные улицы. Декабрь 1943 года. На город спускаются сумерки. На улицах людно, но машин мало, и белая лента дороги видна далеко. От снега на улице светлее, и москвичи, привыкшие к затемнению в домах, к неосвещенным улицам, свободно ориентируются даже без электричества. Город живет деловой жизнью большой столицы, сражающейся и уверенной в своей победе страны. Четко работают заводы и фабрики, учреждения и магазины, городской транспорт и пригородные электропоезда. В городе много военных… Здесь главная Ставка всех фронтов, здесь правительство, здесь ЦК, здесь бьется огромное сердце страны.*

Москва тоже сражается. В столице проходят важнейшие совещания и международные антифашистские митинги, печатаются всесоюзные газеты, издаются книги. Заводы столицы дают для фронта танки, самолеты, бомбы, оружие, снаряды!…

Не случайно тщательно охраняются воздушные подступы к Москве. Налеты редки и малорезультативны, фронты далеко, но линия войны проходит и здесь.

И все же по вечерам москвичи считают уместным пойти в театр, в кино, на концерт. Это тоже черточка жизни города, и немаловажная… [158]

Закончив читать письмо подруги, я невольно взгрустнула: так захотелось хоть на миг увидеть родную Москву. Прошло два с

половиной года, как я покинула ее. Сколько событий случилось за этот небольшой и в то же время тяжелый, длинный срок!

И когда же мы наконец свидимся, мой любимый город?!

…Незаметно подошел новый, 1944 год. В ночь на 1 января мы совершили только по три вылета и закончили боевую работу до двенадцати часов. Отбомбившись в третий раз, я повела самолет к Пересыпи. В запасе мы имели более сорока минут, но Катя торопила меня.

- Понимаешь, - возбужденно говорила она в переговорную трубку, - сегодня приедет Григорий. Нужно привести себя в порядок. Ты уж, Маринка, постарайся выжать из нашего старикашки все возможное.

И я выжимала. Все равно ресурсы мотора были на исходе, самолет предстояло перегонять в капитальный ремонт. Приземлившись, быстро зачехлили машину. Направились на КП. В поле снег перемешался с непролазной грязью. И когда Катя вдруг поскользнулась и упала, то перемазалась основательно.

- Ну вот, ну вот! - обиженно сказала она. - Во всем виновата ты. Теперь за неделю не отмоешься.

- Ладно, будет ворчать, иначе скажу Григорию, какой у тебя сварливый характер.

В общежитие мы заявились минут без пяти двенадцать, когда все расположились за столом. На самых почетных местах сидели несколько незнакомых морских офицеров во главе с контр-адмиралом. Комнату украшали три небольшие елочки, неизвестно где раздобытые Женей Жигуленко. Запах хвои, знакомый с детства, напоминал о забытом домашнем уюте.

Катя Рябова сидела рядом с Григорием Сивковым и счастливо улыбалась. В ту новогоднюю ночь слово «война» не фигурировало в наших разговорах. Говорили о родных, о близких, о милых сердцу пустяках. Кто-то вздохнул о быстрых каблучках и вспомнил первый школьный вальс, первое свидание. А за окнами все крепчал морозный ветер, ухали пушки, неподалеку от общежития разорвался снаряд.

Те, кому не досталось кружек, пили вино из консервных банок. Под нестройный веселый говор мы сдвинули [159] разом наши «бокалы», чокнулись, выпили, и новогодний праздник вступил в свои права.

А в следующую ночь нам пришлось работать с двойной нагрузкой. Противник вдруг предпринял несколько контратак. Вот мы и летали на бомбежку его войск и огневых точек на передовой. В темноте по вспышкам выстрелов без труда можно было определять местонахождение вражеских орудий и пулеметов. Прицельное бомбометание с малой высоты было

эффективным и действовало на гитлеровцев угнетающе. Дошло до того, что, как только в воздухе раздавался гул наших самолетов, противник тотчас прекращал обстрел. А так как действовали мы с минимальными интервалами, то фактически заставили его почти все время молчать.

* * *

Как- то уже после войны я встретилась с бывшим членом Военного совета Азовской флотилии контр-адмиралом Алексеем Алексеевичем Матушкиным.

Мне было интересно узнать, как оценивали моряки действия нашего полка.

- С прославленными летчицами женского авиаполка ночных бомбардировщиков я встретился впервые в канун нового, 1944 года, - начал контр-адмирал. - До этого, правда, много слышал о них… А произошла эта встреча в рыбачьем поселке Пересыпь. Помню, я ехал с несколькими офицерами на «Кордон Ильича». Оттуда должны были начать движение десантные корабли. Моряки готовились к большой десантной операции на Керченский полуостров, чтобы расширить плацдарм, захваченный Отдельной Приморской армией в начале ноября 1943 года.

Итак, вечером 31 декабря я оказался в Пересыпи. До этого я, естественно, немало слышал хорошего о летчицах женского полка. Теперь выпал случай наблюдать их боевую работу, а впоследствии и взаимодействовать с ними в операциях по освобождению Крыма.

Алексей Алексеевич ненадолго умолк, собираясь с мыслями.

- Погода, надо вам сказать, была в тот вечер ужасная: снег вперемежку с дождем, порывистый ветер. А жизнь на аэродроме бурлила. Одни машины садились, другие взлетали. Так продолжалось несколько часов… Понравилась [160] мне работа девушек, потому и приглашение к ним на елку я принял с большой охотой…

Я видела, что лицо Алексея Алексеевича становилось все оживленнее. Он вспоминал свою молодость и словно молодел на глазах.

- Длительным и успешным было боевое взаимодействие нашей флотилии с летчицами Таманского авиаполка, - продолжал он. - Особенно мне запомнилась десантная операция в ночь на 21 января 1944 года, когда высаживали десант в Керченском порту. Нелегко было скрытно подойти к месту высадки. Больно шумливы были наши корабли. Дело в том, что в

качестве двигателей на них были установлены авиационные моторы.

Необходимо было создать звукомаскировку. Мы попросили командующего 4-й воздушной армией генерал-полковника Вершинина поднять в воздух авиацию, чтобы заглушить шум моторов кораблей.

Для выполнения этой задачи Вершинин и выделил самолеты Таманского гвардейского авиаполка ночных бомбардировщиков.

Штаб флотилии совместно со штабом авиаполка тут же разработал порядок движения кораблей и вылета самолетов. Глубокой ночью десант двинулся в путь. А за несколько часов до этого начали боевые вылеты ваши летчицы. До самого утра они бомбили гитлеровцев, а кроме того, гулом своих моторов маскировали движение кораблей. Это позволило передовым кораблям внезапно ворваться в Керчь. Немцы обнаружили нас, когда мы уже подходили к стенке в районе Рыбзавода.

Штурмовые группы, высаженные с кораблей, захватили плацдарм и прикрыли высадку главных сил, которые начали стремительно продвигаться в глубь города.

Бомбовые удары самолетов Таманского авиаполка загнали фашистов в убежища. Противник начал организованное сопротивление только на рассвете.

Крепко вы нам тогда помогли. Моряки, возвратившиеся из операции, выражали глубокую признательность девушкам-летчицам…

* * *

Зима прошла в напряженной работе. Распутица задала жизни и летному составу и особенно техникам, вооруженцам. Девушки так выматывались, что едва держались на [161] ногах. Чтобы хоть как-то облегчить их труд, старший инженер полка Софья Озеркова предложила ввести метод бригадного обслуживания самолетов. Теперь, пока работала одна группа техников и вооруженцев, другая - отдыхала. «Озерковский» метод оправдал себя, и в дальнейшем его применяли постоянно.

К весне действия советских войск активизировались. Усилились удары и нашей авиации. Днем через Керченский пролив нескончаемой лавиной проносились истребители, штурмовики, бомбардировщики, а с наступлением темноты поднимались в воздух наши У-2. Все укрепленные пункты противника в районе Керчи подвергались яростной бомбардировке.

Незаметно наступил апрель, а с ним пришла теплая ясная погода. Летать стало легче, но и работы прибавилось: вылеты совершались каждую ночь. Увеличился радиус наших действий. Все дальше забирались мы в тыл врага. Нарушали его передвижение по железнодорожной линии Керчь - Владиславовка.

В одну из ночей полк в полном составе участвовал в бомбежке станции Багерово, западнее Керчи, куда, как донесла разведка, гитлеровцы подтягивали подкрепления. Ставя задачу, майор Бершанская сообщила, что каждый экипаж может действовать самостоятельно, исходя из обстановки. Невысокая облачность и лунная ночь мало благоприятствовали полетам. Кроме того, на фоне светлых облаков самолеты были видны, как на экране, и гитлеровцы в таких случаях вели сильный зенитный огонь, не включая прожекторов.

На этот раз я летела со штурманом звена Таней Сумароковой. Чтобы миновать сильный заградительный огонь с фронта, я, как обычно, повела машину вдоль северного побережья Керченского полуострова. Над морем свернула на запад. Бомбить Багерово в лоб не было никакого резона. Все подходы к нему, особенно с востока, были сильно укреплены. Да и высота не позволяла идти напролом - стрелка высотомера все время колебалась около цифры «600».

Большую часть маршрута мы летели в облаках, лишь изредка ныряли вниз, чтобы уточнить курс. На подходе к станции действовали вражеские прожекторы. Мощные лучи насквозь пробивали тонкий слой облаков, создавая фантастическую игру света и тени. А над нами, как [162] огромное серебристое блюдо, висела луна, заливая бледным сиянием медленно проплывавшие внизу всклокоченные озорным весенним ветром облака.

Далеко- далеко, в иссиня-черной бездонной глубине, призывно мерцали звезды. Крупные и необыкновенно яркие, они приковывали к себе внимание, а их таинственный свет невольно настраивал на философский лад. Я думала, что, может, через много лет история человечества с ее бесконечными войнами будет казаться людям далекого будущего смешной и нелепой, думала о том, как прекрасен будет мир без войн, как счастливы будут тогда люди.

Разорвавшийся вблизи снаряд прервал ход моих мыслей. Самолет тряхнуло. Огонь усилился, - значит, цель близка, пора выходить на боевой курс. Даю ручку управления от себя, приглушаю мотор, и мы вываливаемся из облаков прямо над станцией. Внизу неясно просматриваются длинные темные линии - железнодорожные эшелоны. Сумарокова сбрасывает осветительные бомбы. Так и есть - все станционные пути забиты

составами. Тут и теплушки с людьми, и открытые платформы, заставленные автомашинами, орудиями, танками, ящиками с боеприпасами. Сотни фашистов суетятся внизу, спешно разгружая эшелоны.

Штурман сбросила бомбы в самую гущу железнодорожных путей. Мне очень хотелось посмотреть, в какой именно состав они угодили - в тот, где больше техники, или где под брезентовыми полотнищами топорщатся ящики со снарядами и патронами? Хорошо, если бы бомбы подорвали эшелон с боеприпасами: тогда и техника взлетит на воздух, и рельсы разметает, и разгрузочным командам достанется.

Но едва я склонилась над краем борта, по глазам резанули лучи прожекторов. Пришлось сразу отпрянуть. Сильный грохот потряс воздух, потом еще и еще. К глухим разрывам рвавшихся снарядов примешался сухой треск патронов.

Молодец Таня! Недаром у нее за плечами пятьсот боевых вылетов. А Сумарокова командует:

- Вправо! Влево! Еще влево!

Прожекторы крепко схватили наш самолет, мне не сразу удалось вырваться из их перекрестия. Маневрировать было трудно: до земли всего пятьсот метров. А разрывы [163] все ближе. Сильно запахло гарью. Выжала из мотора все до последней сотой доли лошадиной силы. «Ну же, дружище, не подкачай! - хотелось попросить его. - Выручай, как ты делал это не раз. Знаю, тебе тяжело. Твои стальные мускулы тоже не вечны, они поизносились, ослабли. И шум твой напоминает шумы больного сердца. Но ничего, потерпи немного, а там Бабуцкий подлечит тебя в своих мастерских. Поставит новые клапаны, сменит поршневые кольца, и вновь твой пульс станет ритмичным, четким».

Зенитный огонь постепенно ослаб. И пора - ведь «ласточка» ушла далеко в море. Но лучи прожекторов все еще преследовали нас. Остервенели, должно быть, фашисты, не верится им, что можно выскочить из такого кромешного ада. Они надеются, что самолет с минуты на минуту упадет в море.

А вот и аэродром. Он хорошо виден при лунном свете. Приземляюсь, заруливаю на линию предварительного старта.

- Ну и покромсали вас сегодня! - встречает нас старший техник эскадрильи Мария Щелканова.

- А что?

- Сама посмотри - не плоскости, а чистое решето. А полюбуйся, что сделали с самолетом Меклин. Она переходит на другую машину.

Наташа Меклин и ее штурман Нина Реуцкая, как

зачарованные, смотрят на свой истерзанный У-2. Один его лонжерон перебит, на другом клочьями свисает перкаль. Левая плоскость просвечивает насквозь, а в гаргроте огромная дырища. Кажется невероятным, что после такой переделки машина дотянула до своего аэродрома.

- Да-а, - задумчиво тянет Меклин и устало трет ладонью глаза. Потом резко встряхивает головой и говорит: - Двум смертям все равно не бывать. Пошли, Нина!

Реуцкой, совсем молодому штурману, еще не довелось бывать в таких переделках, и она стоит притихшая, словно скованная. А когда говорит, голос у нее слегка дрожит. Знакомое состояние! Когда-то и я чувствовала себя не лучше. Впрочем, и сейчас бывает. Только теперь я научилась владеть собой; во всяком случае, внешне ничем не выдаю своего состояния. Со временем и Реуцкая научится этому. Тут все дело в привычке. Еще четыре-пять таких [164] вылетов, и дыры в плоскостях будут интересовать ее не больше чем прошлогодний снег.

Меклин с привычной легкостью забирается в кабину и командует:

- Контакт!

- Есть, контакт! - отвечает техник.

- Ни пуха ни пера! - кричу я Наташе.

- К черту! - доносится сквозь чиханье мотора ее голос.

Подняв за собой столб пыли, самолет развернулся и стал удаляться. А на посадку уже спешил другой экипаж, где-то над морем слышался рокот мотора. Кончалась обычная боевая ночь.

* * *

Навсегда врезался в мою память горький день, когда погибла Женя Руднева. И сегодня еще саднит эта рана, и не могу я спокойно говорить об этой потере. Женя была для каждой из нас не только чудесным другом, умным советчиком, воплощением всего прекрасного. Все мы считали ее самым лучшим человеком на свете. Вот почему, погибнув, она словно унесла с собой какую-то светлую частицу души у каждого, кто ее знал и имел счастье с ней общаться.

Прости меня, дорогой читатель, но я не хочу и не могу писать подробности о ее трагической гибели. Я лучше попытаюсь рассказать о живой Жене, чтобы и ты, прочитав эти строки, полюбил ее. А не любить Женю Рудневу было просто невозможно.

Я уже говорила, как богато одарила Женю природа. Увлечения ее были широки и разнообразны. Ее интересовали

химия, физика, биология. Но самую горячую привязанность питала она к астрономии. Все ее мечты о будущем были связаны именно с этой прекрасной и немного таинственной наукой.

Беспредельная увлеченность науками не сделала Женю человеком не от мира сего. Страстная, энергичная, непримиримая, она горячо любила Родину, ставила ее интересы превыше всего.

И надо сказать, политическая жизнь страны, события, потрясавшие планету накануне второй мировой войны, были для Рудневой не менее значимы, чем, скажем, открытие астрономами новой звезды. Будучи еще девчонкой, [165] она рассуждала обо всем, что видела, с прозорливостью взрослого, умудренного жизнью человека. С мужественным благородством понимала и свою личную ответственность за все, что происходило в мире.

Ее дневниковые записи тех лет то поражают глубиной раздумий, то звучат порой как предчувствие.

Я очень хорошо знаю, - писала Женя, - *настанет час - я смогу умереть за дело моего народа, как умирали безвестные герои из чудесного фильма «Ленин в Октябре»…*

Юности свойственны мысли об ответственности перед временем и перед человечеством. Сен-Жюсту было двадцать семь, когда окончился его жизненный путь. Робеспьеру - тридцать шесть. Аркадий Гайдар в шестнадцать командовал полком особого назначения и рассказывал, что Михаил Васильевич Фрунзе говорил ему: «Запомни, мальчик, такое бывает только в революции».

Жизнь показала - в нашей стране такое героическое начало, чувство глубочайшей ответственности перед временем, как эстафета, передавались из поколения в поколение.

В 1938 году Женя отлично закончила 311-ю среднюю школу Москвы и стала студенткой механико-математического факультета Московского университета. Ее подруга по университету Ира Ракобольская, впоследствии начальник штаба женского авиационного полка, вспоминает:

Вначале учеба в университете давалась Жене не очень легко, но с первых слов лектора схватывала она сущность читаемых курсов по математике. Она всегда старалась понять все до конца, не стеснялась задать лектору любой вопрос, и студенты привыкли, что на лекции Женя всегда что-то спрашивает. Некоторым это казалось странным. Но вскоре все убедились, что знания Жени были больше, глубже, чем у других, и тогда ее вопросы перестали вызывать удивление.

Благодаря необычайному трудолюбию и пытливости Женя и в университете быстро стала одной из лучших студенток. Как и в

школе, она охотно помогала товарищам.

Рудневой прочили большое будущее в науке. У нее было редкое сочетание блестящих способностей, усидчивости, настойчивости, упорства. [166]

В 1939 году в бюллетене № 3 Всесоюзного астрономо-геодезического общества была напечатана первая научная работа Евгении Рудневой: «Биологические наблюдения во время солнечного затмения 19 июня 1936 года».

…Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю, - писала Женя в дневнике. - *Все условия создала Советская власть для того, чтобы каждый мог осуществить свою мечту, какой бы смелой она ни была. Но я комсомолка, и общее дело мне дороже, чем свое личное (именно так я рассматриваю свою профессию), и, если партия, рабочий класс этого потребуют, я надолго забуду астрономию, сделаюсь бойцом, санитаром, противохимиком.*

Она словно предвидела свою судьбу. И, читая о разгуле фашизма в Германии, эта хрупкая девчушка делала неожиданно серьезные, практические выводы: «Надо во что бы то ни стало изучить пулемет».

22 июня 1941 года студентка Руднева решает: учиться не будет, пока не кончится война…

В женском авиационном полку Руднева стала штурманом, и каким штурманом! Не случайно мы незаметно для самих себя начали выделять ее как лучшую из лучших.

…Сейчас война, кругом столько ужаса и крови. А у меня, наверное, сейчас самое счастливое время в жизни. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием.

Эти слова Жени не были позой. Трудно вообще представить себе человека более естественного, чем она. Вся она была открыта для людей. И в радости. И в горе.

Бывает, что внутренняя жизнь человека оказывается мельче тех поступков, по которым о нем судят. К Жене это отношения не имело. Если вчитаться в ее письма, не предназначавшиеся для печати, а значит, обнажающие интимные, спрятанные далеко от посторонних движения сердца, то каждая их строчка раскрывает человека могучего духа. Такое, наверное, и называют цельностью характера.

Мне посчастливилось прочитать многие ее письма - к родителям, к подругам, к профессору, руководившему когда-то научной работой. Они прекрасны, эти письма, автором их мог быть только незаурядный человек.

Сердце Рудневой было настежь распахнуто для друзей. И преданность, и любовь, и нежность находили мы у нее, когда

нуждались в добром слове или поддержке. [167]

Приехала из госпиталя Галя Докутович. «Как дорог каждой наш полк! Какое счастье быть в нем!» - эти слова принадлежали Жене Рудневой. Но так могла сказать тогда каждая из нас.

В тот период не было такой ночи, чтобы Руднева не летала на боевые задания. Каждый раз по самолету били зенитки, его ловили щупальца прожекторов. О своей боевой работе она рассказывала скупо, зато подруги и командование еще на Кавказе считали Рудневу лучшим штурманом - мастером бомбовых ударов.

Нам не раз приходилось выручать друг друга. Женя, невзирая на опасность, всегда бросалась на помощь.

В ожидании погоды, когда над аэродромом чуть не до земли опускался туман или небо закрывала низкая облачность, мы обычно сидели под плоскостями машин и тогда обязательно просили Женю вспомнить что-нибудь… Она была чудесным рассказчиком. Балладу Жуковского сменяли сказки о подвигах рыцарей, Пушкина - Лермонтов. Память у нее была удивительная. Слушая, мы невольно забывали, что существуют на свете дождь, туман, холод и более серьезные неприятности, связанные с войной.

А еще она учила нас любить звезды, безошибочно отыскивать на небе созвездия.

- Могут пригодиться не только для ориентиров, - шутила Руднева. - Заблудитесь - приведут домой без провожатых. Вообще-то, без звезд скучная бы жизнь была на земле. А если бы вдруг звезды исчезли? Страшное дело. Словно кто-то взял да обокрал душу…

Говорят, что нежность и мечтательность противопоказаны серьезности и мужеству. У Жени все эти грани натуры сочетались прочно и гармонично.

Она любила свой полк и многое сделала для его боевой славы. Ее неизменно выбирали членом партийного бюро, ей поручали серьезные политические доклады на партийных конференциях.

Летом 1943 года Рудневу назначили штурманом полка. Она, безусловно, была лучшим штурманом. Отлично знала самолетовождение. В воздухе вела себя при любых сложных обстоятельствах удивительно спокойно и уверенно. Командование несколько опасалось только одного: ее мягкого характера. Не было уверенности, сможет ли она стать настоящим, требовательным командиром. [168]

Но давно известно, чтобы завоевать авторитет - не нужно повышать голос. Истинное признание - естественно и органично.

Обаяние личности Жени, ее опыт, ее личная храбрость сделали свое дело. Все ее указания выполнялись беспрекословно.

Штурману полка не полагалось много летать. Каждую ночь она должна была дежурить на старте, контролировать работу летно-штурманского состава. Но Женя не могла не летать. Она говорила, что должна знать каждого летчика в полку, его индивидуальные качества, и под этим предлогом часто высаживала кого-нибудь из штурманов и летела на задание сама.

Пополнение для женского полка в тылу не готовили, и мы вынуждены были делать это сами. Еще в 1942 году создали новую штурманскую группу из вооруженцев. Руководила группой, создавала для нее программу, вела основные курсы Женя Руднева. Молодые «штурманята», как она их называла, относились к своему учителю восторженно: ведь никто, кроме Рудневой, не умел объяснять так понятно и просто, так хорошо разбирать трудные задачи. Более двадцати штурманов подготовила Руднева. Да и многие молодые летчицы свои первые боевые вылеты выполняли с ней…

Галя Докутович, одна из ближайших подруг Рудневой, посвятила ей стихи, в которых очень точно сумела передать наше отношение к Жене:

Рассказала ты чудесную сказку,
И сама ты на сказку похожа!
В нашей жизни простой и суровой
Ты как солнечный зайчик весной.
Поглядишь, улыбнешься ласково,
И глаза засмеются тоже,
Словно чистое небо майское,
Синей искристой бирюзой!…

Неожиданно для самой себя Руднева стала своего рода летописцем полка, и сегодня невозможно, восстанавливая по крупицам атмосферу нашей фронтовой жизни, обойтись без ее записей.

Через много лет после гибели Жени мне удалось прочитать ее некоторые до сих пор не публиковавшиеся строки. Они посвящены ее ежедневной боевой работе и одновременно являются эмоциональным документом, свидетельствующим о нравственной, духовной жизни полка. [169]

В ноябре 1943 года Женя и Наташа Меклин полетели в отпуск к родителям в Москву. В пути что-то случилось с мотором, летчик сделал вынужденную посадку. Пока устраняли неисправности и ждали летной погоды, прошло восемь дней. Тогда и случилось событие, о котором, вернувшись в полк, Женя доверительно поведала Евдокии Яковлевне Рачкевич.

- Каюсь перед вами. Влюбилась в одного капитана, которого знаю очень мало. Видите, какие у вас «дочери». Не надо было пускать одну так далеко…

Сказано это было шутливо, но Рачкевич поняла - к Рудневой пришла первая любовь. Любовь, чистая, светлая и глубокая, как все, что было связано с Женей, неожиданно ворвалась в ее жизнь…

Непоправимая беда случилась в ночь на 9 апреля 1944 года.

Мы бомбили Багерово и Тархан. Ночь выдалась лунная. Сильный северный ветер затруднял выход самолетов из зоны зенитного обстрела, поэтому командование изменило курс над целью с правого круга на левый. Руднева вылетела проверять молодую летчицу Пашу Прокофьеву.

У Жени это был 645-й боевой вылет. Самолет сразу поймали несколько прожекторов. Вероятно, снаряд попал в бензобак, так как машина падала, объятая пламенем. От огня воспламенились ракеты, и из кабины во все стороны летели снопы разноцветных огней. Все, кто летал в ту ночь, видели эту страшную картину…

Руднева ушла из жизни, когда ей было только двадцать три года. Командование полка посмертно представило ее к присвоению звания Героя Советского Союза.

26 октября 1944 года Евгении Максимовне Рудневой было присвоено это звание…

* * *

11 апреля 1944 года, через два дня после гибели Жени и Паши, войска Отдельной Приморской армии, прорвав оборону противника в районе Керчи, рванулись на соединение с частями 4-го Украинского фронта. Ночью полк наносил массированные удары по отступавшим колоннам гитлеровцев. Мы произвели рекордное количество вылетов - 194 и сбросили на врага около 25 тысяч килограммов бомб. [170]

На другой день получили приказ перебазироваться в Крым. Командир полка Бершанская разрешила нескольким экипажам произвести поиски погибших Жени Рудневой и Паши Прокофьевой. Летала и я с Катей Рябовой. Но на керченской земле было тогда столько разбитой техники, и нашей и вражеской, что мы ничего не смогли найти.

Много лет спустя после войны в Керчи побывали наши командир и комиссар полка. Им удалось установить, что Женя Руднева и Паша Прокофьева похоронены в городе, в братской могиле…

Здравствуй, Севастополь!

Получив приказ перебазироваться в Крым, мы вначале обосновались у спаленной немцами деревни Чурбаш. Но линия фронта быстро отодвинулась, и полк расположился под Карагезом.

Это было чудесное время. Советские войска одерживали одну победу за другой, и мы работали с большим подъемом. С аэродрома в Карагезе наш полк чаще всего действовал по целям в районе Ялты. Летать приходилось далеко, и главное - через горы. Молодым, только что введенным в боевой строй летчицам такие полеты были еще не под силу. Поэтому командование посылало на задания наиболее опытные экипажи.

Не удержавшись на Ак-Монайских позициях, противник стремительно откатывался к Севастополю. Чтобы постоянно находиться в боевом соприкосновении с гитлеровцами, мы перелетели под самый Симферополь, в деревню Карловку.

Это был тихий красивый уголок. Раскинув домики вдоль дороги, деревня далеко протянулась по дну живописной долины, окаймленной горами. Уже цвели сады, и вся Карловка утопала в белоснежных пышных шапках.

Здесь мы пробыли до конца апреля. Карловка понравилась всем. Это был единственный встреченный нами в Крыму населенный пункт, уцелевший от фашистских погромщиков. Не потому, конечно, что гитлеровцы пощадили этот чудесный уголок. В этом районе хозяйничали партизаны. Они-то и не дали врагу спалить деревню. Население [171] встретило нас очень радушно, гостеприимно, как говорится, по-русски - хлебом-солью. Не успели мы появиться в Карловне, как женщины разобрали нас по квартирам. Мы только диву давались, глядя на угощения. Творог, молоко, мясо, даже печенье - все это каждый день появлялось на нашем столе.

- Уж не скатерть ли у вас самобранка в каждом доме? - шутили девушки.

Но объяснялось все очень просто. Оказалось, что партизаны разгромили крупную фашистскую колонну и в числе трофеев захватили большой обоз с продовольствием.

Словом, жилось нам в то время неплохо. И работать стало проще. Советская авиация полностью господствовала в воздухе. Это как-то ослабило нашу бдительность, мы перестали маскироваться на аэродроме, не имели даже наземной охраны. Но если мы позабыли о противнике, то он решил напомнить нам о себе.

Как- то после боевой ночи, когда летный состав отдыхал, а

техники и вооруженны готовили самолеты к новым полетам, в безоблачном небе раздался гул мотора. Девушки еще не сообразили, в чем дело, как затарахтели крупнокалиберные пулеметы, и тут же вспыхнула одна из машин. Галя Корсун и еще несколько техников получили легкие ранения. Растратив боеприпасы и повредив несколько самолетов, фашистский истребитель убрался восвояси. Майор Бершанская немедленно сообщила о случившемся в штаб армии. Оттуда пришло распоряжение срочно перебазироваться в Изюмовку. Но не успели мы подготовить самолеты, как в воздухе снова появились вражеские машины. Теперь их было уже четыре. Не меняя курса, они стали заходить на аэродром.

Налет застал меня в кабине: я ожидала разрешения на взлет. Вдруг командир полка сигналом приказала мне выключить мотор.

- В чем дело, не знаешь? - обратилась я к Марии Щелкановой, находившейся на месте штурмана.

Та вместо ответа указала рукой влево. Я посмотрела туда и буквально онемела - прямо на нас пикировал фашистский истребитель. Быстро отстегнув ремни, мы выскочили из кабины и, отбежав от самолета метров тридцать, плашмя бросились на землю. Рядом что-то глухо стукнулось о землю. Затарахтели пулеметы. Несколько комьев земли упало мне на спину. «Все, - пронеслась [172] мысль. - Теперь будет взрыв». Но, к счастью, сброшенная гитлеровцем кассета с маленькими бомбами не раскрылась.

Отштурмовавшись, фашисты улетели. Несколько наших машин получили серьезные повреждения. Техники тут же приступили к их ремонту, а остальные самолеты поднялись в воздух и легли курсом на Изюмовку. В тот же миг из-за гор на низкой высоте выскочила девятка «фокке-вульфов». Что делать? Положение действительно было драматическое. На небе ни облачка, за которое можно было бы спрятаться, вблизи ни одной балки, куда бы можно нырнуть, до гор далеко. А на ровном месте приземляться бесполезно: все равно подожгут, либо при посадке, либо на остановке. А тут вдруг Маша крикнула в переговорный аппарат:

- Смотри, нам отрезают путь!

Я повернула голову: наперерез стремительно приближалось несколько машин, еще плохо различимых из-за солидного расстояния. Терять нам уже было нечего. Отжав ручку от себя и едва не цепляя колесами каменистую почву, я повела свой У-2 к горам. В сознании теплилась надежда: «Авось дотяну до них, а там уж скроюсь в распадках».

Но в чем дело? Приближавшиеся к нам самолеты вдруг круто взмыли вверх и, минуя нас, стали пикировать на фашистов.

- Так это же наши! - обрадованно закричала Щелканова. - «Лавочкины»!

Бой был недолгим. Потеряв три «фокке-вульфа», гитлеровцы развернулись и кинулись наутек.

В Изюмовке мы узнали, что выручили нас из беды летчики Героя Советского Союза В. И. Максименко. Запоздай они на минуту, и трудно сказать, что сталось бы с нами. Наверное, для многих из нас тот чудесный солнечный день был бы последним.

Во всяком случае, урок, преподанный немцами, научил нас осторожности. В Карловку срочно прибыли зенитчики.

К тому времени войска Отдельной Приморской армии и 4-го Украинского фронта окружили Севастополь и готовились к решительному штурму последнего оплота врага на крымской земле. Фашистская авиация фактически прекратила организованные действия. Наше господство [173] в воздухе было безраздельным. Поэтому вскоре 4-ю воздушную армию перебросили в Белоруссию, а в Крыму осталась лишь 8-я.

Гитлеровцы сделали все, чтобы сорвать наступление советских войск. Они построили доты и дзоты, оцепили горы проволочными заграждениями, минировали многие километры дорог, пристреляли каждый участок. На подступах к городу шла борьба, которую многие называли войной за метры. Мы, летчики, старались, чем только возможно, помочь солдатам.

Не один вылет совершили мы в районы Севастополя, Балаклавы, на Сапун-гору, на мыс Херсонес.

Небо над Севастополем гудело от рокота моторов. Мы вылетали с наступлением темноты и заканчивали боевую ночь поздно утром, когда на задание поднималась дневная авиация. Мы блокировали вражеские аэродромы, наносили удары по бухтам, куда заходили немецкие транспортные корабли, эвакуировавшие живую силу и технику.

Внизу, под нашими крыльями, страшный в ранах своих и бессмертный в своем героизме, лежал Севастополь…

А севастопольское военное небо! Днем и ночью было оно грозным для врага. Днем в нем господствовали советские штурмовики, истребители, дневные бомбардировщики. А ночью гитлеровцам не давали покоя наши У-2. Начиная с форсирования Керченского пролива и кончая разгромом фашистских войск на мысе Херсонес все мы жили одной мыслью - скорее освободить крымскую землю.

Наш полк вывели из состава 132-й бомбардировочной дивизии и временно передали 2-й гвардейской ночной

бомбардировочной Сталинградской Краснознаменной дивизии. Событие это совпало с награждением нашего полка за успешные действия по освобождению Феодосии орденом Красного Знамени.

- Ну что ж, посмотрим, каковы мои новые орденоносные подчиненные, - сказал командир дивизии генерал-майор Кузнецов, прибывший в Карловку.

Признаться, мы не очень обрадовались новому хозяину. Думали, что и здесь повторится то же, что было вначале в 132-й дивизии: ирония, снисходительные улыбки, оскорбительное любопытство. Когда мы только вошли в состав 132-й, за нами утвердилось нелестное прозвище - «несерьезная авиация». И хотя девушки сразу доказали, [174] что умеют воевать не хуже представителей «серьезной авиации», хотя своей работой заставили умолкнуть балагуров, обидное прозвище так и осталось за нами.

Во 2- й дивизии, вопреки опасениям, нас встретили, как равных, по-деловому. Полки этой дивизии имели однотипную с нашей материальную часть -самолеты У-2, и летчики ее по собственному опыту знали, что это за машина и каково летать на ней под зенитным огнем в лучах прожекторов.

Дивизия имела богатый боевой опыт: она участвовала в разгроме фашистов под Москвой, в боях на Дону, в обороне Сталинграда. Мы вошли в ее многочисленную дружную семью равноправными членами.

Здесь мы познакомились с совершенно новыми методами руководства. В прежней дивизии инспекция, наведываясь в полк, знакомилась с работой, проверяла и, только уехав, присылала приказы с выводами и требованиями исправить то-то, устранить то-то, обратить внимание на то-то.

По- иному строили свою работу представители 2-й дивизии. Они тоже присутствовали на старте, следили за нашими действиями, но не слали приказов и указаний сверху, а тут же помогали исправлять недостатки, советовали, подсказывали и, если надо, требовали.

Опыт передовых летчиков этой дивизии помог нам увеличить бомбовую нагрузку на самолет почти в два раза. До тех пор у нас считалось, что 150-180 килограммов бомб - это максимум того, что могут взять с собой наши машины. Конечно, мы понимали, что У-2 способен поднять и больше, но для успешных действий над целью этот груз казался нам предельным. Ведь мало поднять в воздух бомбы, нужно ежеминутно помнить о ресурсах мотора, сохранять маневренность машины. Вот мы и считали, что большой груз резко снизил бы пилотажные возможности самолета под обстрелом с земли. Как же мы были удивлены, когда узнали, что во 2-й дивизии бомбовая нагрузка в 250-300 килограммов считается обычной.

Среди нас разгорелся спор. Надя Попова заявила, что и мы на своих самолетах можем поднять такой же груз и даже больший.

- Материальная часть у нас такая же. Во всяком случае, я уверена, что триста килограммов доступны каждому экипажу.

[175]

Я и Дина Никулина поддержали Попову. Мы тут же пригласили техников и вооруженцев. Они произвели соответствующие расчеты и подтвердили наш вывод.

- Если правильно эксплуатировать мотор, - заявила инженер полка Софья Озеркова, - то и триста килограммов далеко не предел. Можно еще подкинуть килограммов семьдесят. Моторы вытянут.

- Как, Надя, рискнем? - спросила я Попову.

- Рискнем, пожалуй!

Не откладывая дела в долгий ящик, мы тут же отправились к Бершанской. Евдокия Давыдовна согласилась не сразу. Вновь вызвали специалистов, проверили расчеты. И только когда были взвешены все возможности, мы получили разрешение.

Признаться, я, Надя и Дина Никулина сильно волновались в ту ночь. Мы не сомневались, что самолет поднимет 300 килограммов. Но ведь дело не только в том, чтобы поднять такой груз, главное - отлично отбомбиться. А это значит - не дать лучам прожекторов поймать себя пли суметь уйти, если тебя все же поймают. Но ведь 300 килограммов - не 150. Смогут ли наши машины маневрировать с такой нагрузкой?

Волновались мы не из-за боязни личной неудачи. Пугало другое. На нас смотрели все. От нашего успеха или неуспеха зависело многое. Выполним задание - за нами последуют другие, и боеспособность полка увеличится почти вдвое. Не выполним - придется краснеть перед товарищами, перед командованием полка, дивизии и, что самое главное, подорвем веру летчиц в свои возможности. Тут было над чем задуматься.

Пока вооруженцы подвешивали бомбы, мы с Надей и с нашими штурманами еще раз уточнили порядок действий над целью, согласовали режим полета, установили больший, чем обычно, интервал между самолетами при заходе на бомбежку. Большим интервалом мы рассчитывали ввести противника в заблуждение и обезопасить себя от случайностей. Мало ли что могло произойти на маршруте. Поэтому и первому самолету, и второму, и третьему не мешало иметь в запасе лишние полторы-две минуты, чтобы в случае необходимости лучше осмотреться, оценить сложившуюся обстановку, принять правильное решение.
[176]

Нам предстояло бомбить вражеский аэродром в районе Балаклавы. В воздух поднялись до наступления темноты. Все-таки в первый раз взлетать с такой нагрузкой с неровной каменистой площадки при дневном свете было удобнее и спокойнее. Поэтому лететь мы рассчитывали на меньшей скорости, чтобы пересечь

линию фронта, когда на смену сумеркам уже придет ночь.

Первым стартовал наш с Катей самолет. Взревел мотор, и машина плавно тронулась с места. Из предосторожности я несколько удлинила пробег и, только набрав значительную скорость, слегка потянула ручку управления на себя. У-2 послушно и легко оторвался от земли.

Я облегченно вздохнула: перегрузки нет. Но как поведет себя машина при наборе высоты? Необходимо было подняться хотя бы на 800 метров. Внимательно вслушалась в работу мотора. Пока все обстояло нормально, плавно двигалась по кругу стрелка высотомера.

На самолет медленно наплывал темный массив гор. Скоро линия фронта. Я перегнулась через край кабины, всматриваясь в смутные очертания земли, и только тут заметила, что еще достаточно светло. В чем дело? Неужели мы просчитались? Посмотрев на часы, я поняла все. Погрузившись в свои мысли, я забыла о принятом нами скоростном режиме и нарушила график полета. В результате передний край предстояло пересечь в сумерках, а значит, и к цели мы должны были подойти еще до наступления полной темноты. Это было скверно - самолет могли обнаружить раньше времени. Но ничего другого делать не оставалось.

Приглушив мотор, я повела машину на снижение. Мозг сверлила одна мысль: «Только бы дотянуть до границы Балаклавского аэродрома!» Рябова, словно угадав мое настроение, почему-то шепотом сказала, что до бомбометания осталось пять минут.

Удивительно долго тянулись эти минуты. Уже показалась взлетно-посадочная полоса. Движения на ней не было заметно. Неужели нас засекли, а теперь затаились и ждут, когда мы окажемся над их орудиями? Стараясь сохранить спокойствие, я спросила штурмана, хорошо ли она видит цель.

- Давай чуть правее! - скомандовала Катя. - У кромки поля что-то поблескивает. Похоже, истребители. [177]

Прошло несколько томительных секунд. И вдруг включились прожекторы, на нас обрушился ураганный огонь.

Может, от неожиданности я сама качнула самолет, но мне почему-то показалось, что это Рябова сбросила бомбы. Я тотчас развернулась и пошла со снижением.

- Ты что, с ума сошла?! - закричала Катя. - Давай назад!

- Зачем? - спросила я. - Ведь ты отбомбилась.

- Ничего подобного. Все бомбы под плоскостями.

Сделав круг, я зашла на цель повторно. Разрывы снарядов все продолжались. Я попробовала произвести противозенитный

маневр и повела самолет змейкой, сворачивая то вправо, то влево. Он слушался, хотя на действия рулей реагировал не так быстро, как раньше. Вот они, эти 300 килограммов… Казалось бы, не так много они отняли у машины - всего доли секунды, но как дороги эти мгновения сейчас!

Нервы у меня были напряжены до предела. Так и хотелось крикнуть штурману: «Скорей! Чего медлишь!» Но Катя не торопилась. Я знала, она не сбросит ни одной бомбы, пока тщательно не прицелится.

Разноцветные линии огненных трасс проносились все ближе. Одна из них прошла перед самым винтом. Я инстинктивно до боли сжала ручку управления. Но взрыва не произошло. А через некоторое время самолет сильно тряхнуло. В переговорном устройстве послышался голос Рябовой:

- Вот теперь все. Можно уходить.

Последнее слово я скорее поняла по смыслу, чем услышала: его заглушил взрыв на земле. По силе его догадалась, что Катя разом сбросила все бомбы. У меня точно гора свалилась с плеч: эксперимент удался.

Теперь дело было за Поповой: судя по времени, ей уже следовало находиться на подходе. Обернувшись, я стала ждать вспышек взрывов. А их все не было. Пронзая тьму голубоватым светом, над аэродромом шарили несколько прожекторов. Потом и они погасли, а Надя все не давала зпать о себе.

- Неужели с ними что-то случилось? Как думаешь, Катя?

- Не будем торопиться с выводами, - ответила мне Рябова. - Мы вышли к цели раньше времени, а они могли задержаться. [178]

И словно в подтверждение ее слов, позади нас темноту ночи опять вспороли лучи прожекторов, затарахтели зенитки. А вслед за тем небосвод озарили вспышки взрывов.

Попова приземлилась минут через десять после нас.

- Молодцы, девушки, - встретила нас майор Рачкевич. - От всей души поздравляю. Считайте, что после вашего полета вместо одного стало два женских полка У-2.

В ту же ночь многие экипажи вылетели на бомбежку с увеличенной нагрузкой. С тех пор и до конца войны мы подвешивали под плоскости самолетов не меньше 300 килограммов бомб, а случалось, брали и 400. И ничего, моторы тянули. Конечно, изнашивались от этого они несколько быстрее. Но наши удары по врагу стали более ощутимыми. А это в конечном счете было главным.

* * *

Май сорок четвертого…

Май - весенний месяц любви и цветов, время, когда природа пробуждается после долгой зимы. В Крыму все зеленеет и расцветает особенно бурно. Душистыми весенними ночами мы летали к Севастополю бомбить врага.

Гитлеровцы стянули на севастопольскую землю много боевой техники, в том числе зенитную артиллерию. Они надежно окопались, позабирались в бетонные укрытия. Выковыривать их оттуда было трудно: враг, прижатый к морю, цеплялся за каждый метр крымской земли, особенно за мыс Херсонес. Но фашистам не было спасения ни на суше, ни на море. Севастополь расплачивался с ними за долгую свою боль.

На мысе Херсонес, где когда-то дрались последние защитники города, скопилось множество немецких войск. Отступать им было некуда. Позади лежало море…

* * *

Борьба за Крым близилась к завершению. С конца апреля полк базировался в Чеботарке, что в двух километрах восточнее города Саки. Отсюда мы летали добивать врага в Севастополь, в район Балаклавы и Байдарских ворот, на мыс Херсонес. Здесь гитлеровцы еще располагали тремя аэродромами, которые использовали для спешной эвакуации морем техники и живой силы. Чтобы [179] увеличить мощь своих ударов, наша авиация стала применять на этом участке фронта новую систему обработки вражеских объектов - полеты в несколько ярусов. Это позволяло наносить более концентрированные и ощутимые удары по врагу.

Но полеты ярусами требовали от штурманов и летчиц исключительной внимательности, точного расчета. Чтобы предупредить столкновения в воздухе, мы летали с бортовыми огнями, а выключали их только при подходе к цели. И несмотря на повысившуюся сложность работы, на плотную насыщенность вражеской обороны средствами противовоздушной защиты, в боях за освобождение Севастополя полк не потерял ни одного экипажа.

О нагрузке, которую выдерживали девушки в тот период, убедительнее всего говорит лаконичный язык цифр: за время боев в районе города-героя полк произвел 1147 боевых вылетов, что составляет в среднем 150 вылетов в ночь.

В эти незабываемые дни судьба подарила мне неожиданную

приятную встречу. Я часто вспоминала своих друзей по аэроклубу, иногда получала от них скупые известия, знала, что кое-кто находится на нашем фронте, рядом со мной. Но ни с кем до сих пор не доводилось встретиться на перепутье фронтовых дорог. А как хотелось хоть на миг увидеть знакомое лицо, почувствовать крепкое рукопожатие старого товарища, услышать от него несколько слов!

И вот однажды, вернувшись из очередного боевого полета и воспользовавшись какой-то заминкой у вооруженцев, я выбралась из кабины, чтобы немного размять затекшие ноги.

Ух, до чего же здорово, когда под тобой твердая земля! Особенно если до этого ты в течение трех часов только и делала, что взлетала, маневрировала под огнем вражеских зенитчиков, садилась и снова взлетала. Я с наслаждением потянулась, сделала несколько шагов и вдруг услышала голос дежурной:

- Чечневу - на КП, к командиру полка!

Обычно во время боевой ночи летчиц никогда не тревожили такими вызовами. Обеспокоенная, прибежала я на командный пункт.

- Не надо, вольно, вольно, - остановила меня майор Бершанская, увидев, что я вытянулась по стойке «смирно [180]» и хочу рапортовать. - Дело сугубо личное. Тут к вам гость.

Загадочно улыбнувшись, она отошла в сторону, и передо мной предстал - могла ли я подумать! - мой первый инструктор. Я буквально остолбенела от неожиданной радости и, наверное, с минуту стояла с раскрытым ртом, не в состоянии произнести ни слова.

- Ну здравствуйте, - услышала я, - здравствуйте, товарищ гвардии старший лейтенант!

- Миша! - невольно вырвалось у меня. - Михаил Павлович!

Дужнов шагнул мне навстречу, и мы долго молча и улыбаясь трясли друг другу руки. Вот и сбылось то, о чем я мечтала. Случай оказался более щедрым ко мне, чем я могла ожидать, он свел меня не просто с товарищем, а с другом, любимым учителем и воспитателем.

Дужнов был все таким же стройным, подтянутым, аккуратным и даже чисто выбритым. Война и фронтовые неудобства не изменили его привычек. Таким я увидела его в первый раз шесть лет назад на осоавиахимовском аэродроме, таким же повстречала и на фронтовом, где подчас даже помыться толком было негде.

- Да как же вы здесь? - наконец обрела я дар речи.

- А вы?

- Я в полку Бершанской.

- Стало быть, мы соседи. Наш полк тоже в составе второй гвардейской. Вот не чаял, что доведется встретиться со своей ученицей у самых стен Севастополя, да еще в такую жаркую боевую ночь.

- Значит, и вы летаете на У-2? Но как же так, воюем бок о бок и не знали об этом.

Дужнов развел руками:

- Всякое бывает. А я, откровенно говоря, был твердо убежден, что вы в истребительной авиации. Помните ваши планы?

- Не вышло, Михаил Павлович. Раскова отговорила, порекомендовала на ночные бомбардировщики.

- Жалеете?

- Пожалуй, немножко жалею. А вы?

- Тоже немножко.

И мы оба рассмеялись, прекрасно поняв друг друга. Встреча наша длилась не более пяти минут. Я спешила в очередной полет. Дужнова тоже ждал самолет. Михаил [181] Павлович оказался в нашем расположении неожиданно - залетел со своей эскадрильей пополнить запас бомб, которые кончились к тому времени в их полку.

- Чечнева, к самолету! - прокричал кто-то. Мы отошли от КП.

- Ну, Марина, - вдруг впервые назвал меня по имени Дужнов, - желаю тебе успеха. Может быть, свидимся в иной обстановке.

- Почему «может быть»?

Дужнов помолчал немного и тихо произнес:

- Война все же… Помнишь Мацнева?

- Анатолия Сергеевича? - Сердце сжалось от недоброго предчувствия.

- Да. Вместе сражались. Я вот уцелел, а он погиб под Сталинградом. Ну, бывай!

Дужнов еще раз крепко сжал мою ладонь, повернулся и быстро зашагал в темноту. Я постояла немного, вслушиваясь в звук его удалявшихся размашистых шагов, и медленно побрела к самолету.

И радость и печаль принесла мне эта неожиданная встреча. Весть о смерти Мацнева омрачила мою радость, но не могла совсем изгнать из сердца большого, непередаваемого словами чувства благодарности к судьбе, подарившей мне эту короткую, но приятную встречу.

* * *

Минула еще неделя, и наконец свершилось долгожданное.

Советские войска полностью освободили Крым от фашистской нечисти.

Обезумевшие гитлеровцы потеряли всякую ориентировку. Один их самолет пролетел на бреющем полете над нашим стартом в Чеботарке, заметался из стороны в сторону и произвел посадку на аэродроме соседнего с нами мужского полка. Остатки вражеских дивизий, в предсмертных судорогах цеплявшиеся за мыс Херсонес, были разгромлены до основания. Над Крымом опять голубело мирное небо, залпы орудий и взрывы бомб больше не заглушали морского прибоя.

Прекрасно сказал о тех днях поэт полковник Александр Кудряшов:

Уже весна. И крымский тополь
В ладошки лиственные бьет. [182]
Своих встречая, Севастополь
По звездным крыльям узнает.
Да, в час такой, неоспоримо,
И на земле и в сердце май.
И вот он, Южный берег Крыма!
Хоть всем путевки выдавай.

Солнечным погожим было утро 12 мая. Мы поставили самолеты на прикол, а сами чистились, мылись, приводили себя в порядок. Надеялись, что полку предоставят по крайней мере недельный отдых. Большинство из нас впервые попали в Крым, и девушки мечтали вдоволь покупаться в море, побывать в живописных уголках южного побережья. Вместе с подругами пошла и я на берег моря. Пронзительно кричали чайки. Воздух и море были голубыми, как акварель. Не верилось, что где-то продолжается война.

Но отдыхать нам не пришлось. Не суждено было исполниться нашим мечтам. Через два дня поступил приказ: немедленно вылетать на 2-й Белорусский фронт, в 4-ю воздушную армию.

Утром 15 мая полк взлетел с аэродрома Чеботарка, построился поэскадрильно и лег курсом на север. Пока делали круг, я все смотрела на море, согретое солнцем. Оно вело свой нескончаемый разговор с берегом и неустанно плело пышное кружево прибоя.

Ну, прощай. Нет, до свидания, Черное море! До встречи, истерзанный, но по-прежнему прекрасный Крым! Я верю - мы свидимся. Мы вернемся к твоим лазурным берегам, но уже не как солдаты. И думаю, что твои берега никогда не потревожит больше грохот новой войны.

Впереди Германия

Наши У- 2 шли все дальше и дальше на север. Над головой у нас было небо, уже чистое от фашистских самолетов. Внизу лежала израненная родная земля.

Безбрежные поля Украины постепенно сменились перелесками, которые все ширились, становились гуще, выше и наконец перешли в настоящие, могучие, без конца и края леса. [183]

Белоруссия! Далеко отсюда до Москвы - сотни километров, но природа Белоруссии чем-то напоминает мое родное Подмосковье. Те же здесь кудрявые веселые березки, ажурные клены, могучие дубы, та же, что в Подмосковье, тихая, приветливая красота.

Белорусская земля в то время была еще под фашистской пятой.

Особенно волновались однополчанки, уроженки Белоруссии: штурман и парторг эскадрильи Полина Гельман, штурман Ася Пинчук, авиатехник Аня Кириленко. Ушла в себя, сникла гвардии капитан Зинаида Горман: немецкие оккупанты расстреляли ее родителей, а шестилетнего сына живым закопали в землю.

Приземлились мы в Сеще. Осмотрелись и не увидели ни одного домика, ни одного сарая. Только березовая роща приветливо покачивала ветвями, будто радуясь нам. Нее вокруг было для нас необычно. Мы привыкли к горам, к морю, здесь нас окружали ровные поля и густые леса.

Наш полк вошел в состав 325-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии.

Мы быстро соорудили жилье: в березовом лесу вокруг аэродрома вырос целый городок из землянок.

Однако обжиться в Сеще нам не удалось - пришлось перелететь на другую площадку, к деревне Пустынка, название которой на редкость точно отражало действительность. После бегства гитлеровцев все вокруг напоминало пустыню.

Весь наш полк не смог разместиться в Пустынке. Две эскадрильи (Дины Никулиной и моя) расположились в близлежащем лесу. Все было бы ничего, но нам буквально не давали житья комары. В поисках спасения от них мы перебрались в бывший монастырь.

Первые три недели полк лишь тщательно готовился к боям в новых условиях. После Кубани и Крыма здесь было много необычного для летного состава. Там мы привыкли к четким и ясным ориентирам: горы, море, крупные населенные пункты. Здесь была однообразная, хотя и пестрая, местность: пески, леса, болота. Ориентироваться в ночных условиях теперь стало гораздо труднее. И эту трудность необходимо было преодолеть.

Технический состав под руководством инженера полка Софьи Озерковой, инженеров Надежды Стрелковой и [184] Клавдии Илюшиной готовил материальную часть самолетов, основательно потрепанную в Крыму.

Партийная и комсомольская организации полка, возглавляемые парторгом Марией Рунт и комсоргом Александрой Хорошиловой, вели большую воспитательную работу по подготовке личного состава к предстоящим боям.

А между тем назревали серьезные события. В ночь на 23 июня 1944 года войска 2-го Белорусского фронта перешли в наступление. Форсировав реку Проня, они прорвали сильно укрепленную оборону противника, прикрывавшую могилевское направление. Задача нашего полка состояла в том, чтобы, участвуя в авиационной подготовке, подавить огневые точки главной полосы обороны противника и непрерывными бомбовыми ударами сковать его действия, способствуя тем самым успешному прорыву обороны войсками фронта.

Ночью на старт вынесли наше гвардейское Знамя. Состоялся митинг. Командир полка гвардии майор Е. Д. Бершанская призвала личный состав с честью пронести наше боевое Знамя через Белоруссию, бить врага по-гвардейски, так же, как мы били его на Тереке, на Кубани, на Таманском полуострове и в Крыму.

Согласно плану боевого использования наш полк уничтожал гитлеровские войска в районе Перелоги. По решению командира полка экипажи действовали одиночными самолетами с высоты 700-750 метров с правым раз воротом над целью. Первый удар самолетами всего полка был нанесен в ночь на 23 июня. Последующие вылеты строились с расчетом непрерывного воздействия на цель с интервалом выпуска самолетов не более двух-трех минут. Маршрут был кратчайший: исходный пункт - цель. В ту ночь, по данным экипажей нашего полка, в Перелогах возникло 9 очагов пожара и 13 взрывов большой силы.

А когда советские войска расширили прорыв и устремились вперед, мы бомбили отходившие колонны гитлеровцев на дорогах, у переправ и железнодорожных станций.

В Белоруссии пришлось действовать в новых условиях. Мы ожидали встретить здесь, как и в Крыму, сильное сопротивление истребительной авиации врага и его зенитной артиллерии. А ничего этого не оказалось. Не потому, что у фашистов недоставало техники. Просто темпы наступления советских войск были столь стремительны и [185] немцы отступали так поспешно, что у них не было возможности создать организованную противовоздушную оборону. Во всяком случае, в течение месяца боев наши У-2 ни разу не попадали под настоящий зенитный

огонь. И в этом смысле нынешняя обстановка не шла ни в какое сравнение с той, в которой нам приходилось действовать раньше.

Зато в Белоруссии имелись свои трудности. Начать с того, что в ночное время густые леса и отсутствие сколько-нибудь заметных ориентиров сильно затрудняли визуальное наблюдение и поиск целей. А площадки для полета! Мало-мальски удобных площадок почти не было, их приходилось отыскивать с большим трудом. И если учесть, что мы нигде не задерживались дольше трех дней, то даже несведущему человеку станет ясно, что неудобство это являлось весьма существенным фактором.

Но как бы то ни было, мы летали, отыскивали врага и сбрасывали на него свои гостинцы. Работали напряженно, совершая по нескольку вылетов за ночь. Когда же под Минском наши войска загнали в котел 30 фашистских дивизий, к ночным полетам прибавились дневные. Теперь мы вели разведку, отыскивая среди густых лесов разрозненные группы гитлеровцев, а затем нередко и сами участвовали в их уничтожении.

Темпы наступления советских войск были высокие. С 23 июня по 30 июля 1944 года было пройдено с непрерывными боями на запад несколько сотен километров.

В ходе наступательной операции нашему полку пришлось перебазироваться десять раз. Для обеспечения беспрерывности боевых действий полка его передовые команды выезжали заранее на новые точки базирования. Опытные летчицы и штурманы вылетали с целью поиска и определения годности площадок. За это время было четыре случая, когда днем во время полетов в поисках площадок экипажи обнаруживали группы фашистских солдат, остатки разбитых частей. Штурманы ракетами или направлением полета наводили наземные части на такие группы и помогали захватывать их в плен.

10 июля нам поставили задачу: уничтожить днем окруженную группировку гитлеровцев в лесу восточнее населенного пункта Борки. До сих пор нам ни разу не приходилось бомбить противника днем с нашего маленького [186] фанерного самолета По-2{10}. Но экипажи успешно справились и с этой новой для нас задачей. Крупная блуждающая группировка гитлеровцев была полностью разгромлена наземными войсками при помощи наших самолетов.

В тот период женский полк вообще выполнял самые различные боевые задачи: разрушал вражеские мосты и переправы, уничтожал живую силу в местах скоплений, бомбил дороги, не давал двигаться отступавшим немецким колоннам, вел разведку укрывавшихся в лесах разрозненных вражеских групп.

Заместитель командира полка Серафима Амосова со

штурманом полка Ларисой Розановой однажды установили своеобразный рекорд: за один полет обнаружили семь отрядов фашистов. Экипаж Надежды Поповой со штурманом звена Евгенией Гламаздиной неожиданно заметил группу гитлеровцев численностью до ста человек. Штурман ракетами наводила наземные части на противника, чем помогла пленить его. Подобные полеты выполняли почти все опытные летчицы и штурманы.

К слову сказать, в период боев в Белоруссии больше хлопот мы имели не в воздухе, а на земле. Так и не удалось нам хотя бы примитивно благоустроить свой быт. В разрушенном, дотла разоренном фашистами крае не могло быть и речи даже о минимальных удобствах. Из-за частых переездов сооружать фундаментальные постройки не хватало времени. Крышей нам, как правило, служили плоскости наших же самолетов. Под ними спасались от дождя, спали, отдыхали. Даже штаб полка размещался под открытым небом. Лишь в тех случаях, когда донимали дожди, сооружался большой шалаш. И ничего, вытерпели. Настроение, несмотря ни на что, всегда было хорошее.

Единственное, что удручало нас и портило нервы, - это взлетные площадки. Они были часто настолько малы, что взлет и посадку приходилось совершать на одной полосе. Но и это бы еще куда ни шло, имей площадки достаточную длину. А то ведь отыскать и такие-то было чистой мукой. Летишь, бывало, а кругом леса, болота да [187] реки. Мелькнет где-либо прогалинка, да и та, как говорится, с гулькин нос.

Вот так под деревней Новоельня искали-искали площадку. Хорошей нет, выбрали из того, что было, самую большую, а она чуть не стала для нас западней. Сели, а взлететь невозможно - мало места для разбега да и сама площадка стиснута лесом. Взлететь-то взлетишь, но зацепишься за деревья. Что делать? Долго ломали голову, пока кто-то не предложил использовать принцип катапульты. Решили испробовать. Вырулили на старт самолет, летчица запустила мотор, несколько человек уцепились за нижние плоскости. Когда мотор заработал на полную силу, люди по команде разбежались в стороны. Освободившись от сдерживавшей его силы, По-2 рванулся вперед и почти без разбега оторвался от земли. Но и лес был уже рядом. Зацепится или нет? С замиранием сердца следили мы, как, натужно воя, машина медленно поднималась к небу, а когда наконец между колесами и кроной показался голубой просвет, у девушек вырвался вздох облегчения. Разумеется, потом нам пришлось искать новый аэродром.

Несколько дольше стояли мы в большом селе Новосады, утопавшем в садах. Между двумя рядами домов здесь тянулась широкая улица. Ее-то, не мудрствуя, мы и приспособили под взлетную полосу. Самолеты завели под деревья, приткнули хвостами к палисадникам.

Беспокойное это было время. Вокруг по лесам прятались уцелевшие от разгрома гитлеровцы. Одни группы покорно сдавались в плен, другие же, состоявшие из матерых нацистов, пытались любой ценой прорваться к своим. Эти были опасны, и нам постоянно приходилось быть настороже. Пулеметы и автоматы всегда держали наготове. Ночью выставляли усиленное боевое охранение. Спали у самолетов, готовые по первой тревоге подняться в воздух.

Не обошлось и без комического происшествия. Однажды глубокой ночью всех, кто был свободен от полетов, всполошил душераздирающий визг поросенка. Просто так поросята ночью не визжат. Значит, этого потревожили, и скорее всего - голодные гитлеровцы.

Девушки вскочили на ноги, схватили оружие.

- Бежим выручать свинину! - крикнул кто-то в темноте. - А то, чего доброго, останемся без продовольствия!

Завязалась перестрелка. Где-то на околице застрочил [188] пулемет, в небо взвилась осветительная ракета. Фашисты - а это действительно были они - вынуждены были ни с чем убраться восвояси.

Вскоре все стихло, и свободные от нарядов девушки легли отдыхать. Примостилась и я. Только стала засыпать, тишину разорвал выстрел. Снова все всполошились, опять схватились за оружие. Но на этот раз тревога оказалась ложной. Выяснилось, что потревоженный шумом и перестрелкой чей-то теленок выскочил из хлева в сад и бродил там, пока не приблизился к часовому. Тот перепугался и выстрелил.

Утром пятнадцать бойцов из батальона аэродромного обслуживания, вооружившись автоматами и гранатами, отправились к реке на разведку. Примерно через полчаса со стороны реки отчетливо донеслась перестрелка. Прибежавший связной сообщил, что обнаружена большая группа немецких солдат и что требуется наша помощь.

В воздух тут же поднялись шесть самолетов. Нагруженные бомбами, они сделали круг над Новосадами и ушли в направлении большой рощи, откуда слышались выстрелы. Группу возглавила Серафима Амосова, за ней летели Дина Никулина, Катя Пискарева, Рая Аронова, Таня Макарова и Ира Себрова. Остальные экипажи находились на аэродроме в полной боевой

готовности. С небольшого холма на окраине деревушки нам было хорошо видно, как, отделившись от самолетов, на головы гитлеровцев, засевших в роще, полетели бомбы.

Второго вылета не потребовалось. Через полчаса все было кончено - враг выкинул белый флаг. Наши маленькие самолеты прекрасно справились с задачей дневных бомбардировщиков. Более двухсот гитлеровцев сдалось в плен. Нестройной колонной они прошли по деревне, с удивлением глядя на девушек в летной форме.

А был и такой случай. Произошло это недалеко от Красного Бора. Самолет, обслуживаемый техником-лейтенантом Галей Пилипенко, при выполнении задания получил серьезное повреждение, и работникам ПАРМ надлежало его восстановить. Полк уже ушел на запад. На опушке леса осталось только «семеро смелых» с одной-единственной винтовкой. Работа продвигалась быстро. Но в лесу, вокруг стоянки, блуждали враги. По ночам Галя стреляла из винтовки, чтобы отпугнуть гитлеровцев. Трое суток прошло спокойно, а на четвертый день на лесной дороге [189] показалась группа немцев. Передний держал на палке белую тряпку.

Из предосторожности Пилипенко приказала немцам не приближаться и выслать представителя для переговоров. Таким представителем оказался переводчик. Назвав себя, он объяснил, что в их группу входят остатки штаба части во главе с генералом.

Гитлеровцев обезоружили и отправили на сборный пункт пленных. А техник-лейтенант Галя Пилипенко была представлена к поощрению за проявленную смелость и выдержку…

Подобный же случай произошел и в населенном пункте Мир, где одно время стоял наш полк.

Однажды днем мне в паре с Серафимой Амосовой пришлось вылетать на разведку новой площадки. Мы шли плотным строем и осматривали с бреющего полета местность. В районе станции Негорелое, юго-западнее Минска, откуда гитлеровцы были уже изгнаны, самолеты попали под обстрел.

«Кто стрелял?» - недоумевали мы. Пригляделись внимательно и увидели группу немцев. Они вели огонь из автоматов. У машины Амосовой пробили плоскость. Получил повреждения и мой самолет. Выполнив задание, мы вернулись на место базирования.

После этого случая заместитель командира полка гвардии капитан Амосова настояла, чтобы перед командованием дивизии был поставлен вопрос об оснащении всех наших По-2 пулеметами. Этого требовала обстановка. И очень скоро на всех машинах были установлены пулеметы. Кроме бомбардировки

целей мы теперь могли еще и обстреливать их. Днем пулемет мог оказать хорошую услугу как при обнаружении гитлеровцев, разрозненные группы которых еще бродили по нашей земле, так и при встречах с вражескими истребителями в воздухе.

В боях, в скитаниях с одного аэродрома на другой дни бежали быстро и незаметно. Наступление советских войск развивалось все шире. 16 июля фашистов выбили из Гродно, а вскоре наши передовые части ворвались на южную окраину Белостока, завязав уличные бои в черте города. Полк перебазировался на аэродром в Главаче. Оттуда мы продолжали летать на бомбежку немецких переправ через Супрасль, что протекает в нескольких километрах севернее Белостока. [190]

В Белоруссии мы долгое время базировались невдалеке от прославленного полка «Нормандия - Неман». Мы искренне восхищались мужественными летчиками, которые в небе России боролись и за свободу своей родной Франции.

После войны мне довольно часто приходилось встречаться с прославленными французскими летчиками, которые внесли достойный вклад в разгром нашего общего врага. Со многими из них я искренне подружилась. И как же приятно было мне прочитать в книге «Нормандия - Неман» французского летчика Франсуа де Жоффра, сражавшегося одно время рядом с нами, строки о нашем полке:

…Пока на фронте относительно спокойно. Вечерами мы читаем, пишем письма или играем в карты. В черном беззвездном небе время от времени пролетают одиночные невидимые самолеты, гул которых долго слышится в тишине ночи. Это ночные бомбардировщики или самолеты, выполняющие специальные задания.

Русские летчицы, или «ночные колдуньи», как их называют немцы, вылетают на задание каждый вечер и постоянно напоминают о себе. Гвардии майор Бершанская, тридцатилетняя женщина, командует полком этих прелестных «колдуний», которые летают на легких бомбардировщиках, предназначенных для действий ночью. В Севастополе, Минске, Варшаве, Гданьске - повсюду, где бы они ни появлялись, их отвага вызывала восхищение всех летчиков-мужчин.

Французы, как известно, любят шутку и прекрасный пол. Когда я хочу подразнить капитана Матраса, я прошу его разрешения обратиться к начальству с рапортом о назначении меня механиком в полк «ночных колдуний». Но однажды после этой шутки, ставшей почти классической, он спокойно отвечает:

- Оставьте меня в покое, барон. Завтра вам уже будет не до «колдуний». Приказано быть в полной боевой готовности, и мне

думается, будет жарко…

* * *

В период боев за освобождение Белоруссии наш полк совершил 1735 самолето-вылетов и получил несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего. Приказы [191] Верховного Главнокомандующего зачитывались всегда перед строем.

Последнее построение полка на территории Белоруссии было назначено на площади в Новоельне. Все мы пришли аккуратно одетые, подтянутые, с белоснежными подворотничками, при орденах и медалях.

Бои в Белоруссии закончились. Началось освобождение Польши. Теперь уже было рукой подать до самого логова врага.

В августе сорок четвертого года мы базировались в районе Белостока. Здесь снова произошла случайная встреча с летчиком из штурмового полка, который в трудном сорок втором году повстречался мне на Кавказе, когда мы с Олей Клюевой улетали днем на разведку линии фронта. Я уже успела забыть ту далекую встречу в сорок втором с голубоглазым лейтенантом: ведь прошло целых два года. Но когда мы увидели друг друга случайно на аэродроме, тот полет и встреча всплыли в моей памяти со всеми подробностями.

- Знаете, - сказал он, - я тогда здорово волновался за вас… А мы ведь даже не познакомились толком. Разрешите представиться - Константин Давыдов, командир эскадрильи штурмового полка.

- Значит, коллеги!

- Да. Мои товарищи внимательно следят за вашей работой. Жаль, надо опять расставаться. Скоро на задание. А может, еще и свидимся.

- В жизни бывает всякое. Желаю счастья, старший лейтенант!…

* * *

Громя немецко-фашистских захватчиков, советские войска вступили на территорию Польши. Под крылом самолета виднелись руины польских городов, сожженные деревни и хутора. Из груды пепла и битого кирпича к небу тянулись черные силуэты печных труб. По дорогам с запада на восток брели измученные люди. У многих были ручные тележки. А кое-кто тащил свой

немудреный скарб прямо на спине. Это возвращались в родные места жители польских сел и деревень, угнанные гитлеровцами в рабство. Люди спешили домой, чтобы начать строить новую жизнь. [192]

В августе стремительное наступление советских войск сменилось временным затишьем перед новыми боями. Наши части усиленно готовились к ним. Не бездействовал и противник: он лихорадочно создавал оборонительную линию по рекам Висла, Бобер, Буг, Нарев.

На 2- м Белорусском фронте шли только бои местного значения. А для нас, летчиков-ночников, это был период напряженной работы. Каждую ночь мы обрабатывали передовые гитлеровцев, мешая им вести оборонительные работы, беспокоя их войска, нарушая их сон и отдых.

Условия наших действий к тому времени усложнились. Стабилизировав фронт, немцы создали серьезную противовоздушную оборону. Такие пункты, как Остроленка, Макув, переправа северо-восточнее Ломжи, Цеханув, Носельск, прикрывались не менее чем пятью прожекторами а в общей сложности вдоль всей линии боевого соприкосновения тянулась непрерывная цепь прожекторных установок и зенитных средств. Кроме того, враг стал применять против нас истребительную авиацию.

Больше всего нам доставалось от фашистских истребителей в районе Ломжа, Остроленка. У нашего По-2 не было ни пушек, ни бронированной спинки, которая предохраняла бы экипаж от огня. И все же «ласточки» наносили большой урон врагу. Гитлеровцы по-прежнему охотились за каждым нашим маленьким фанерным самолетом.

В одну из темных августовских ночей нам поставили задачу нанести бомбовый удар по скоплению техники и войск гитлеровцев в районе Ломжи и Остроленки. Лететь предстояло далеко от основного аэродрома, в сильно укрепленный район, где, как мы знали, немцы сосредоточили большое количество зенитных батарей.

Первой вылетели на цель Таня Макарова с Верой Белик. Через пять минут за ними последовала Надежда Попова со штурманом Женей Гламаздиной. Надя Попова и рассказала, как погибли Таня Макарова с Верой Белик. Фашистский истребитель настиг их, когда девушки уже возвращались на свой аэродром. Произошло, видимо, прямое попадание в бензобак: сразу после разрыва снаряда горящий самолет Тани Макаровой вначале взмыл вверх. Таня мужественно боролась с огнем, пыталась сбить пламя, по тщетно. Потом объятая пламенем машина камнем

рухнула на землю. [193]

Гибель Тани Макаровой и Веры Белик явилась для всех нас тяжелой утратой. Мы потеряли замечательных товарищей и один из лучших экипажей.

Похоронили мы подруг в саду помещичьего имения. Опять был черный провал могилы, небольшой холмик над ней, залп прощального салюта. Впервые останки наших летчиц приняла чужая земля.

А через несколько дней вражеский истребитель подбил самолет Кати Олейник. Пилот и штурман Ольга Яковлева получили ранения. Машину, у которой от стабилизаторов остались лишь стойки лонжеронов, раненая летчица с великим трудом довела до своего аэродрома.

Ночную атаку истребителя пришлось испытать и мне, В это время штурманом эскадрильи ко мне вместо Екатерины Рябовой была назначена Саша Акимова. Москвичка, студентка педагогического института, она пришла в полк в начале его формирования. Год была старшим техником эскадрильи по вооружению, а затем без отрыва от боевой работы переучилась на штурмана. Начитанная, энергичная, очень выдержанная в бою, Саша понравилась мне сразу. Жаль было расставаться с опытной Рябовой, но я и к новому штурману привыкла быстро.

В ту ночь мы бомбили позиции гитлеровцев в районе Остроленки. Как всегда, после первых же сброшенных бомб заработали прожекторы, заговорили зенитки, огонь которых был очень сильным. Наш По-2 долго не выпускали лучи прожекторов, но нам все же удалось вырваться.

Стрелка высотомера показывала цифру «600». Я прибавила обороты. Сквозь редкие облака светила луна. Видимость была неплохой, и мне подумалось, что излишняя осторожность не помешает. Гибель Тани Макаровой и Веры Белик была еще свежа в памяти. Я попросила Акимову, чтобы она почаще просматривала задний сектор.

Минут пять мы летели спокойно. Далеко позади осталась уже линия фронта, и казалось, полет закончится благополучно. Вдруг рядом с нами пронеслась огненная трасса, а чуть сбоку и выше мелькнул силуэт вражеского истребителя. Я видела, как он разворачивался, чтобы вновь в ринуться в атаку.

Что предпринять? Высота и так невелика, снижаться дальше опасно. Но это единственный выход. Я резко изменила курс и отжала ручку. Когда до земли оставалось [194] метров двести пятьдесят, гитлеровец снова настиг нас и длинной очередью пропорол плоскости и фюзеляж. В последний момент я успела уклониться, и следующая очередь прошла мимо. Только когда до

земли было уже около ста метров, я выровняла самолет. Теперь было не опасно - темно-зеленая окраска По-2 сливалась с общим фоном земли.

Участившиеся случаи нападения истребителей на наши тихоходные машины серьезно обеспокоили командование. И вот тут-то, чтобы как-то обезопасить летчиц и штурманов в случае аварии, нам категорически запретили летать без парашютов. Скрепя сердце мы примирились с этим новшеством. Впрочем, это было разумное и очень своевременное мероприятие, и весьма скоро мы убедились в этом.

Из Курово полк перебазировался в хутор Далеке. Вблизи него оборудовали взлетно-посадочную площадку, под жилье заняли большую усадьбу сбежавшего помещика. Здесь мы пробыли довольно долго.

К тому времени погода окончательно испортилась, начался период затяжных дождей и туманов. Черно-свинцовые тучи непрерывной чередой ползли с запада, заливая и без того прокисшую землю холодными потоками воды. Облачность была низкой, облака нередко стлались в 50-70 метрах над землей. В нормальных условиях полеты следовало немедленно прекратить. Но война есть война, и, несмотря на почти нулевую видимость, мы продолжали работать.

В Польше нам впервые довелось бомбить вслепую из облаков. Это было в середине октября 1944 года. Действовали мы в районах Макува и Модлина.

Продрогшие от сырости и холода, мы с Сашей Акимовой сидели в кабине и ждали сигнала к вылету. Уткнувшись носом в воротник теплого комбинезона и поджав ноги, я дремала. Изредка, чтобы не заснуть, приоткрывала глаза, с минуту всматривалась в ночную темень, отыскивая смутные контуры соседних самолетов, и вновь погружалась в сладкое забытье.

Сердитый, колючий ветер Атлантики, пронесшийся через всю Европу и растративший в пути тепло океана, повизгивал в расчалках и тросах, раскачивал плоскости, изредка ронял на туго натянутую перкаль крупные капли. «Бум-бум!…» - сквозь дрему отдавалось в моих ушах, и [195] тут же все звуки заглушал пронзительный свист, завывание. «У-уу! Худо ва-ам, ху-удо!» - казалось, выговаривал ветер. «Ну и пусть, - думалось мне. - Нашел чем пугать. И похуже видели».

Вдруг кто-то толкнул меня в плечо. Я вздрогнула и лениво повернулась.

- Что случилось?

- Тебя требуют к гвардии майору Бершанской, - услышала голос Акимовой. - Ты что, заснула?

- Угу.

Поеживаясь от холода, я вылезла на крыло и вместе с Сашей направилась на командный пункт.

В большой с высоким потолком землянке, освещенной тусклой, вполнакала, лампой, уже собралось несколько человек. Помимо командования полка здесь были ветераны Дина Никулина, Мария Смирнова, Надежда Попова, Серафима Амосова, Ирина Себрова, Ольга Санфирова и несколько штурманов.

Бершанская коротко доложила обстановку, ознакомила нас с задачей. Помолчав немного, добавила:

- Метеоусловия чрезвычайно трудные. Облачность низкая. Спускаться ниже ее и бомбить с такой высоты рискованно - осколки могут повредить свои же самолеты. А если лететь выше - не будет видна цель. Вот мы и решили с вами посоветоваться. Как быть, товарищи офицеры?

Наступила долгая пауза. Все задумались. В самом деле, где выход? Для слепых полетов, и особенно для слепого бомбометания, наши машины не приспособлены. Правда, нам приходилось действовать в тумане, но тогда, даже при отвратительной видимости, все же хоть как-то просматривались ориентиры, что давало возможность вывести машину на цель. А как это сделать сейчас?

Мы выжидательно поглядывали друг на друга.

- Ну что, ветераны, или иссяк порох в пороховницах? - пошутила Рачкевич. - Неужели не сумеем выполнить приказ?

Ответом на это был сдержанный ропот недовольства.

- Тогда ищите выход. Вы же командиры, опыт у каждой солидный, воюете не первый год, возможности свои и своей машины знаете. Предлагайте, а там обсудим, взвесим, - глядишь, и отыщем нужное решение. [196]

- Да чего его искать-то? - смущенно произнесла Акимова. - Он весь на виду, как есть. Надо работать из-под нижней кромки облаков.

- Чтобы погубить самолеты и людей? - спросила командир полка.

- Почему непременно погубить? - разом заговорили все.

- Разве мы не бомбили с малых высот? А Тамань, а Крым?

- Там было другое дело, - заметила начальник штаба полка Ирина Ракобольская.

- Почему? Бомбы другие, что ли?

- И бомбы те же самые, и люди, и машины, а вот случаи эти можно пересчитать по пальцам. Да и высота, насколько мне помнится, была большей, недосягаемой для осколков. Взрывная

волна до машин добиралась, а для осколков был велик угол подъема. При высоте же облачности, которая имеется сейчас, воздействия осколков не избежать.

Спор разгорелся. В конце концов решили действовать так: к цели подходить под нижней кромкой облаков, затем подниматься в облака и бомбить уже оттуда, ориентируясь по времени.

И вот мы поднялись в воздух. Мне было немного не по себе. Саша Акимова определила по голосу мое состояние, когда обратилась к ней по переговорному аппарату.

- Да не волнуйся, - успокоила она. - Контрольный ориентир у нас надежный, не пропустим. Цель знакома, путь к ней выверен штурманами до секунды, так что в расчетах мы ошибиться не должны. Ну, а в случае чего, вынырнем из облаков и осмотримся еще раз.

- Хорошо, - согласилась я.

- Только выдерживай скорость. Постараюсь сбросить бомбы по назначению, - говорит мне штурман.

Минут через пятнадцать внизу тускло заблестела река Нарев, разделявшая советские и фашистские войска. Это и был наш контрольный ориентир: цель находилась совсем рядом. Я ввела самолет в облака и стала набирать высоту. В лицо пахнуло холодом и сыростью, точно из глубокого погреба.

- Как дела, Саша?

- Приготовься, осталось немногим больше минуты. [197]

Мерно, чуть глуше обычного, рокотал мотор. Незримо ползла навстречу липкая мгла, оседая на лице холодными каплями. Капли медленно скатывались по щекам, попадали за воротник и разбегались по телу ледяными мурашками, заставляя вздрагивать и поеживаться. Я недовольно ворчала, тихонько поругивая непогоду. Акимова, видимо, услышала мое бормотание.

- Ты чего?

- Да так. Капли за ворот попадают. Ну, а до цели нам еще далеко?

- Подходим. Сейчас сброшу первые бомбы.

Через несколько секунд машину слегка качнуло. Я невольно перегнулась через борт и насторожилась. Пробив толщу облаков, к нам донеслись приглушенные звуки разрывов.

- Надо посмотреть вниз. Если прожекторы зажгутся, значит, попали, можно будет сбросить и остальные бомбы, - передает штурман.

- А если нет?

- Тогда придется выйти под нижнюю кромку облака и повторить все сначала.

Но повторять маневр не пришлось. Внизу под нами забегали

отсветы прожекторных лучей, взахлеб затараторили зенитки. Приятно! Значит, наши бомбы попали в цель. Иначе враг не открыл бы такого плотного огня, а выждал более удобный момент. Самолет вновь качнуло - оставшиеся бомбы оторвались от плоскостей.

Первая бомбежка вслепую из облаков удалась, и с тех пор мы стали применять ее довольно часто.

* * *

Маленький По-2 не давал покоя гитлеровцам. В любую, казалось бы самую неподходящую, погоду мы появлялись над вражескими войсками на малых высотах и бомбили их.

Каждый боевой вылет требовал от девушек огромного напряжения сил, тщательной подготовки, последующего разбора проведенных вылетов, проявления разумной инициативы, непрерывной осмотрительности и беззаветной отваги. Случалось, тот или иной экипаж попадал, казалось, в безвыходное положение, однако воля к победе, мужество и мастерство летчиц и штурманов помогали нам выходить победителями. [198]

Весь октябрь прошел в ожесточенных боях северо-западнее Варшавы, и работы нам хватало. А в ноябре летали мало и, откровенно говоря, были рады, что наконец-то впервые нам представилась возможность немного отдохнуть, привести себя в порядок, всецело отдаться мелким житейским радостям, которых были лишены на фронте. Полк все еще дислоцировался на хуторе Далеке. В большой помещичьей усадьбе места хватило всем, и мы устроились даже с комфортом. Девушки с присущей им домовитостью старались как можно лучше организовать свой быт.

Но, конечно, мы не бездельничали. В октябре у нас часто устраивались конференции, проводилась командирская учеба, возобновили свою работу кружки. В общем, это был семейно-академический период, как называли его полковые остряки.

Через месяц советские войска вновь развернули активные боевые действия. Враг ожесточенно сопротивлялся, стараясь удержаться на реке Нарев и не допустить нас в Пруссию. Но разве остановишь снежную лавину, сорвавшуюся с крутой горы?…

Все видели: фашистская Германия находится при последнем издыхании, еще одно усилие - и с нацизмом будет покончено. И пусть для многих из нас этот бой станет последним, не все доживут до того счастливого мгновенпя, когда отгремит последний выстрел, но зато советские солдаты принесут мир на измученную войной землю…

В ночь на 13 декабря мы работали в районе Носельска. Я вылетела вслед за экипажем Ольги Санфировой, Мы встретились с ней на старте, когда вооруженцы подвешивали бомбы. Ольга спешила к самолету, на ходу дожевывая бутерброд.

- Как дела, Марина? - окликнула меня она. - Как Саша Акимова? Довольна ты новым штурманом?

- Конечно. А почему спрашиваешь?

- Да просто так. Настроение у меня сегодня хорошее.

- С чего бы это?

- А ты догадайся.

- Нашла время для головоломок.

- Ну, так я тебе скажу сама. Сколько мы с тобой на фронте? Два года и даже чуть больше. Сколько боев провели? Много. А этот есть наш последний и решительный. Сколько думала об этом и вот дожила до него. Понимаешь, [199] дожила! Вот и все. Вот почему мне радостно. Понимаешь теперь, Маринка?

Ольга легонько толкнула меня в плечо и побежала к самолету. Я улыбалась ей вслед, и мне самой стало как-то радостно от сознания, что война действительно подходит к концу и скоро жизнь восторжествует над смертью.

Но смерть еще посетила нас, и как раз в ту ночь.

Отбомбившись, командир эскадрильи капитан Санфирова возвращалась на аэродром. У линии фронта самолет снова попал под обстрел. Снаряд угодил в бензобак, и машина вспыхнула. Но Ольга упорно тянула горящий По-2 на свою территорию. Огонь уже охватил плоскости, подбирался к кабине. Когда были над линией фронта, ближе к своим, Санфирова приказала штурману Руфе Гашевой покинуть машину. Девушки выпрыгнули и удачно приземлились с парашютами, но на земле Оля Санфирова попала на нашу противопехотную мину. Взрывом ей оторвало ногу, разворотило правый бок. В полк Ольгу доставили мертвой.

По просьбе подруг Олю решили похоронить в Гродно. Во время прощания с покойной я впервые расплакалась, не стесняясь своих слез. Я не могла забыть нашей последней встречи, радостного лица Оли, ее веры в свое счастье, которую она выразила так по-человечески просто…

* * *

В ночь на 21 декабря соединения фронта прорвали вражескую оборону и форсировали Нарев. Полк в это время работал с небывалой интенсивностью. Летали мы тогда с основного аэродрома и с «подскока», который находился на расстоянии

артиллерийского выстрела от позиции немцев. Малейшая неосторожность могла выдать нас. И все же противник не обнаружил аэродром даже с воздуха - такая была у нас маскировка.

Посадочная полоса освещалась всего тремя фонарями «летучая мышь». Техники и вооруженны при заправке машин трудились вслепую, совсем не зажигая огней. Две-три минуты, и самолет снова был в небе. С основного аэродрома полетами руководила майор Бершанская, а на «подскоке» удивительно четкую работу организовала Серафима Амосова. За все время здесь не произошло ни одной аварии или поломки, ни одного чрезвычайного происшествия. Экипажи выполняли по 16-17 боевых вылетов. [200]

А командиры эскадрилий Надя Попова, Маша Смирнова, Дина Никулина и я вылетали на задания по 18 раз.

В связи со всем этим мне хочется сказать доброе слово о «хозяйках нашей судьбы», о девушках, готовивших наши победы, о наших верных помощницах, от самоотверженности которых в конечном счете зависело все.

Сказать, что наши инженеры, старшие техники, механики, вооруженцы, электрики, прибористы не жалели сил, - значит почти ничего не сказать. От их работы зависело все: и поведение самолета в воздухе, и то, как скоро он, израненный и разбитый, сможет вернуться в строй, и количество вылетов экипажей за ночь, а значит, и эффективность наших ударов по врагу.

Старший инженер полка Софья Ивановна Озеркова на формирование женской авиачасти прибыла одной из первых.

И с самого начала боевых действий у нас заработала своя «академия». Пройдя ее курс, девушки-вооруженцы становились механиками и техниками, переучивались на штурманов, а штурманы - на летчиков. Преподаватели «академии» - командиры, штурманы, стартехи эскадрилий и, естественно, старший инженер Софья Озеркова - учили новичков без отрыва от боевой работы.

А сколько всяких иных забот и хлопот было у самой Озерковой!

Она отвечала за каждый самолет, за надежность его работы в каждом вылете, за скорейший ввод в строй поврежденных в бою машин, за каждого механика и техника, за правильность организации работы всего технического состава. В прошлом кадровый командир Красной Армии, Софья Ивановна к моменту формирования полка имела за плечами десять лет службы в Иркутской авиатехнической школе. Взыскательная и строгая, она требовала от подчиненных высокой ответственности за порученное дело.

А нагрузка ее все возрастала.

Летчиков, штурманов, техников, вооруженцев изумляло мужество, стойкость, высокое чувство долга, присущее нашему старшему инженеру. Днем Озеркова проводила технические осмотры, проверяла выполненные работы, учила вновь прибывших. А ночью - отправляла машины на боевые задания и обязательно встречала их. Замечательная спортсменка, она не только была непременной [201] участницей всех спортивных соревнований, но и отвечала за строевую подготовку…

В 1943 году старший инженер полка Софья Озеркова получила первый орден.

А каких прекрасных специалистов она воспитала!

Взять хотя бы оружейниц. Сложна и кропотлива их работа, особенно ночью, в условиях затемненного аэродрома, когда выполнять самые опасные операции приходилось на ощупь. И тут наши девушки были на высоте. Лидия Гогина, Татьяна Масленникова, Мария Марина, Зинаида Вишнева, Анна Шерстнева и многие другие в темноте по капсюлю определяли тип взрывателя. А чтобы определить, закрыт или открыт замок бомбодержателя, им достаточно было прикоснуться к нему.

Одно из самых важных условий в работе оружейников - быстрота. Самолет не должен простаивать на старте ни одной лишней минуты. Это девушки хорошо уяснили себе. Если раньше на снаряжение машины у них уходило 30 минут, то позднее самолеты обслуживались за 6-7 минут. А мастера по вооружению Мария Логачева и Зинаида Вишнева управлялись с этим ответственным делом за 3 минуты.

С великой благодарностью вспоминаю я моего замечательного друга Веру Мамепко. Всю войну она мечтала стать штурманом. Штурманом Мамепко так и не стала, зато авиатехник из нее получился отличный.

Или взять, к примеру, инженера полка по спецоборудованию Клавдию Илюшину. В ее подчинение были назначены на должности техников Поля Ульянова, Вера Бондаренко, Оля Голубева и Тоня Павлова. Первые две девушки оказались вполне подготовленными и сразу стали прибористами. Олю Голубеву и Тоню Павлову пришлось назначить электриками, хотя у них о будущей работе даже представление было весьма приблизительное.

Занятия с девушками пришлось начинать с азов. Илюшина не пожалела ни сил, ни времени, и труды не пропали даром - ее подчиненные стали специалистами своего дела. Самолет у нас был маленький, а всем нам очень хотелось, чтобы относились к нему с большим уважением. Может, именно поэтому прибористы

и электрики Илюшиной старались оснастить «ласточку» всеми техническими новинками того времени. Прежде всего они провели на самолетах электропроводку. Затем на нескольких из [202] них установили фотооборудование для фотографирования. Позднее стали внедрять малогабаритные радиостанции для связи на близких расстояниях и разведки погоды. Для ночной посадки По-2 при тренировочных полетах инженер Илюшина приспособила вместо фар подкрыльные факелы.

В письме, полученном мной уже в послевоенные годы, Клавдия Илюшина вспоминала одну из декабрьских ночей 1944 года, когда полк совершил 324 боевых вылета. Восхищаясь летчицами и штурманами, Илюшина очень скромно упоминала о работе своих подчиненных. А ведь каждая девушка-вооруженец только за одну ту ночь подвесила к самолетам не меньше трех тонн бомб! Вдумайся в эту цифру, читатель, она красноречиво говорит о многом.

Работа наших специалистов наземной службы только на первый взгляд и только непосвященным могла показаться не очень важной. Мы же, летчицы, всегда высоко ценили их труд и очень дорожили их дружбой. Ведь именно им, этим скромным и неутомимым труженицам, мы были обязаны всеми своими успехами.

* * *

Захватив плацдармы и укрепившись на западном берегу реки Нарев, наши войска начали подготовку к последнему и решительному штурму укреплений Восточной Пруссии.

На этот раз передышка оказалась короткой. Внезапное наступление гитлеровских войск в Арденнах застигло армии США и Англии врасплох. Наши тогдашние союзники взмолились о помощи, и 12 января 1945 года на всем фронте от Балтики до Карпат вновь заговорили советские пушки. Фашистское командование вынуждено было приостановить наступательные операции на Западном фронте и стало спешно перебрасывать свои войска на восток.

Соединения 2-го Белорусского фронта начали активные действия через день после других фронтов. В ночь на 14 января наш полк работал в районе Жабичина. Низкая облачность и туманы сильно затрудняли прицельную бомбежку объектов, и все же мы сумели подавить несколько огневых точек противника и вызвать очень сильный взрыв.

К ночным вылетам вскоре прибавились дневные. Они не были

обязательными. Просто из дивизии прислали радиограмму с просьбой составить список летчиц, которые [203] пожелают летать днем. Разумеется, все экипажи тотчас дали свое согласие. Мы стали летать днем и ночью, снабжая боеприпасами вырвавшиеся далеко вперед наземные части.

Вот когда пригодился опыт боев за Керчь! Только теперь нам приходилось не просто, как раньше, доставлять груз в заранее известные места, а предварительно разыскивать свои части. Летать для этого нужно было совсем низко, под ожесточенным ружейно-пулеметным огнем противника. Посадки случалось совершать в самых непредвиденных, подчас невероятных условиях.

Первой тогда пострадала заместитель командира эскадрильи Зоя Парфенова. 29 января 1945 года полк получил задание перебросить в Кресин боеприпасы наземным войскам с посадкой в этом пункте на очень ограниченной площадке.

Погода стояла хоть плачь: облачность 10 баллов, а высота 100-150 метров. К тому же шел сильный снег. Видимость была столь плохая, что земля еле просматривалась.

Зоя Парфенова и вылетела первой на это задание. Дело предстояло не из легких: линия фронта в том районе была нечеткой, имелся риск внезапно оказаться над фашистами.

Пролетая близ предполагаемой линии фронта, Зоя обнаружила скопление войск, которые начали обстреливать ее По-2. Непрекращающийся снегопад залепил козырек кабины. Ориентироваться стало еще труднее. А Зоя летела одна, без штурмана. Вести самолет и одновременно следить за ориентировкой в таких сложных метеоусловиях было очень трудно. Но полет продолжался.

Показался населенный пункт Басскенхоф. Зоя увидела на земле движущиеся танки, пехоту и пошла на снижение, чтобы найти удобное для посадки место. Снизившись еще немного, летчица, к великому своему ужасу, различила на танках черные кресты. Это были фашисты. Словно электрический ток пробежал по ее телу. «Вот бы сюда бомб, да побольше!» - лихорадочно подумала Парфенова. Но под плоскостями самолета и в задней кабине находились только ящики с боеприпасами. Резко развернув машину, Зоя повела ее на восток. Но фашисты заметили красные звезды на крыльях По-2. По плоскостям, по фюзеляжу полоснули пулеметные очереди. Разрывы снарядов [204] будто облаком окутали кабину летчицы. Зоя почувствовала резкую боль в правом бедре. Надо было скорее уходить.

Раненая летчица нашла в себе силы продолжить поиск. Доставленные ею снаряды очень выручили наших артиллеристов.

В это время наш полк обрабатывал вражеские позиции под Насельском, Новы-Двуром, Плоньск-Гурой, Воровицами, Плоцком, а также действовал по переправам у Грауденца и Нозенбурга. За десять дней, что мы там работали, По-2 подавили огонь 16 артиллерийских батарей, уничтожили несколько пулеметных и минометных точек, склад боеприпасов, вызвали 10 пожаров и более 30 сильных взрывов.

Наступление советских войск шло успешно. В двадцатых числах января они вышли к границам Восточной Пруссии. Полк перебазировался в Бурше, что вблизи Млавы, а оттуда в начале февраля - в Шарлоттенвердер, уже на территорию самой Германии.

Сбылось то, о чем мы думали все эти годы, ради чего переносили тяготы войны, не жалели жизни. Позади осталась истерзанная родная земля - разрушенные и спаленные врагом села и города, могилы тех, кто пал в сражениях. Сердца наши были переполнены гневом. Но в груди солдат клокотала ненависть к фашистам, а не к мирному немецкому населению. Ступив на территорию врага, мы не питали злобы к немецкому народу. Нам, советским людям, были неведомы звериные инстинкты.

Мы жаждали скорее покончить с войной и потому били врага с еще большим ожесточением. Если же порой доставалось и мирным жителям, если горели поселки и рушились дома, то в этом мы были неповинны. Не мы первыми подняли меч, но нам предстояло последними опустить его. И чем быстрее это случится, тем лучше: меньше будет жертв и разрушений.

Мы не собирались делать ничего плохого немецкому народу. Но нелегко было сразу побороть в себе недобрые чувства, связанные с годами испытаний.

Я сама пережила подобное. Это было под Грауденцем. Деревня, возле которой мы стояли, была пуста, как и многие другие, встречавшиеся нам на пути. Просто из любопытства я вошла в деревню, свернула во двор первого попавшегося домика. Считая, что дверь заперта, я потянула [205] ее к себе совершенно машинально. Нас предупредили, что ходить в одиночку опасно, так как были случаи нападения на советских солдат и офицеров. И все же сильнее инстинкта самосохранения оказался стыд за внезапное малодушие и трусость. Я решительно перешагнула через порог и вошла в дом.

Первым делом я увидела стол, накрытый простенькой, но чистой скатертью с традиционными для Германии вышивками-пожеланиями. Недолго задержавшись на нем, я стала оглядывать комнату. Порядок в ней был идеальный. У меня возникло

ощущение, словно хозяева только что прибрались, а теперь куда-то ненадолго вышли. И вдруг в углу послышался шорох. Я инстинктивно положила руку на кобуру пистолета, резко обернулась.

У стены, обхватив руками мальчика и девочку, стояла женщина средних лет. Заметив мой жест, она прижала к себе детей и смертельно побледнела. Потом тихонько охнула и вымолвила изумленно:

- О, майн гот! Мадам!

Худые, с бледными лицами детишки испуганно таращили на меня глазенки. Стараясь спрятаться друг за друга, они все крепче прижимались к матери. При одном взгляде на женщину и ее детей, на чистенькую, но убогую обстановку без слов стало ясно, что я попала в дом бедняка. Мне вдруг сделалось по-человечески жалко эту ни в чем не повинную чужую женщину, безропотно принимавшую на себя удары, которые обрушивались на нее на протяжении долгих лет, с тех пор, как черная свастика стала символом ее родины.

Захотелось как-то подбодрить хозяйку дома, сделать приятное ей и детям. Ведь не с ними же я воевала, не они спалили мой дом в июле сорок первого. Я сунула руку в карман, где у меня лежало полплитки шоколада, и… не вытащила ее. В тот момент меня словно током ударило: Зина Горман! Перед мысленным взором всплыло печальное лицо подруги. Разве можно забыть ее трагедию: гибель ее родителей, расстрелянных оккупантами, трагическую участь ее сынишки, которого живым закопали в землю… Как знать, может, среди извергов, творивших это гнусное дело, находился в форме гитлеровского солдата и хозяин этого дома, отец этих детей. Может, и не он нажимал на спуск автомата, но суть дела от этого не меняется. Они нам свинец, а я… Круто повернувшись, я выбежала [206] на улицу и не могла успокоиться всю дорогу до аэродрома. Самые противоречивые чувства обуревали меня. Все оказалось гораздо сложнее, чем думалось несколько месяцев назад, когда мы дрались с врагом еще на своей земле… Откуда во мне эта двойственность - ненависть, жалость? От того, что я устала от войны и во мне заговорила женщина? Или же потому, что нельзя только ненавидеть, ненавидеть до бесконечности? Пожалуй, вернее второе. Человек создан, чтобы любить жизнь, украшать землю, создавать на ней прекрасное. И как бы он ни был ожесточен войной и горем, он никогда не забывает о своем призвании. Тем более мы - советские люди, люди новой морали и взглядов. Плохое причиняет нам боль, пожалуй, сильнее, чем кому бы то ни было, и мы умеем ненавидеть это плохое до

гробовой доски. Но охотнее мы прислушиваемся к светлым порывам своего сердца, ибо любим человека и верим в него.

* * *

Вторая половина февраля застала нас в небольшом городке Слупе. Весна еще только шествовала с далеких берегов Атлантики. По ее. дыхание уже чувствовалось и здесь.

Внезапно наступила оттепель. Аэродром раскис до такой степени, что шасси самолетов увязали в грунте и у моторов не хватало силы, чтобы оторваться от земли. Нам приходилось вытаскивать машины на руках. Вытянешь, бывало, самолет, а через минуту он снова засел в жидкой грязи.

Нужно было что-то предпринимать. По предложению майора Бершанской и инженер-капитана Озерковой решили построить для взлетно-посадочной площадки деревянный настил. Интенсивность вылетов, конечно, уменьшилась, но хорошо было уже и то, что полк снова действовал.

С оттепелью пришла непогода. То сутками моросил надоедливый мелкий дождь, то сыпал мокрый липкий снег. Летать приходилось под самой кромкой облаков, на высоте 400-500 метров. А в таких условиях тихоходные По-2 ничего не стоило сбить из крупнокалиберных пулеметов. Во всяком случае, доставалось нам от них основательно. Сплошь и рядом самолеты возвращались из полетов с изрешеченными плоскостями. Техники латали их [207] на скорую руку; в результате крылья многих машин вскоре стали походить на потрепанные лоскутные одеяла.

Но вот что характерно. Как бы ни было тяжело, наши девушки оставались оптимистами, не теряли чувства юмора. Помню, мы с Сашей Акимовой возвратились из опасного полета. А могли и не вернуться - крылья машины сплошь были посечены пулями, и мы диву давались, как это ни одна из них не угодила в мотор, а то и в штурмана или в летчицу. Надо представить себе состояние экипажа после такой переделки! Между тем у Саши еще хватило выдержки, чтобы пошутить, после того как она внимательно осмотрела нашу «ласточку» и пощупала каждую дырку в ее крыльях. Под конец мы обе пришли к выводу, что выскочили из переделки весьма удачно, раз не придется перетягивать плоскости. Этой операции в нашем полку боялись пуще всего на свете: летчик и штурман, оставшись «безлошадными», вынуждены были сидеть без дела.

Вскоре мы с Акимовой чуть было не попали в такое неприятное положение. Мы бомбили тогда немецкие позиции в

районе Нойенбурга. Мощная облачность не позволяла подняться выше 400 метров. Дул сильный порывистый ветер, крупный липкий снег залеплял козырек кабины. Земля еле-еле просматривалась.

- Погодка, чтоб ей пусто было! - ворчала всю дорогу Саша. - Как теперь прикажешь ориентироваться?

- Ничего, - успокаивала я, - фашисты выручат. Без внимания они нас не оставят. А начнут палить пулеметы - вот тебе и ориентиры.

Враг в самом деле встретил нас еще на подходе к цели сильнейшим огнем крупнокалиберных пулеметов.

- Хороши ориентиры, - со злостью бросила Акимова. - Я бы предпочла сама искать цель, чем пользоваться такими указками.

А обстрел был действительно мощным. За шумом мотора я, конечно, не могла слышать, как пулеметные очереди с сухим треском пропарывали перкаль плоскостей, но обостренное за годы войны чутье позволяло безошибочно определять эти моменты. Несколько пуль чиркнуло по козырьку кабины штурмана, и на нем появилась трещина. Потом в переговорном аппарате послышался голос Саши.

- Тьфу, черт, - обругала она кого-то. [208]

- Что там у тебя? - осведомилась я.

- Высотомер разбили, паразиты!

Чтобы уйти от огня, я ввела самолет в облака, а через минуту вновь вывалилась из них. И вовремя. Как раз под нами, резко выделяясь на фоне потемневшего снега, извилистой черной лентой потянулись окопы.

Акимова отбомбилась и дала курс в сторону своего аэродрома. Возвратились мы тогда благополучно. Но на аэродроме, осмотрев наш самолет, старший техник эскадрильи Маша Щелканова покачала головой:

- Вот это отделали вас… На плоскостях и без того заплата на заплате, а теперь и вовсе живого места не осталось.

- Неужели будете перетягивать? - испугалась Саша Акимова.

- Посмотрим… Может, обойдется и на сей раз.

И обошлось…

* * *

В жарких боях дни летели незаметно. К концу февраля войска 2-го Белорусского фронта продвинулись так далеко, что осталось совсем немного до берегов Балтийского моря.

В это время в полк пришла радостная весть. Девяти нашим

лучшим летчицам и штурманам - Надежде Поповой, Руфине Гашевой, Екатерине Рябовой, Ирине Себровой, Наталье Меклин и Евгении Жигуленко - присвоили звание Героя Советского Союза. Ольга Санфирова, Вера Белик и Татьяна Макарова были удостоены этой высокой воинской награды посмертно. Теперь в полку стало четырнадцать Героев. Помимо этого, орденами и медалями была отмечена большая группа девушек. Сашу Акимову и меня наградили орденом Красного Знамени…

Я очень люблю поэзию и много лет назад записала для себя стихи Владимира Карнеко «Дорога под небом». Они потрясли меня:

. …Прошли мы пятнадцать, и двадцать,
И сотни, и тыщи шагов.
И небо устало качаться
На лезвиях наших штыков…
По звездам идем и по солнцам,
Топча каблуком облака…
А чья- то звезда оборвется,
И в роте не хватит штыка… [209]
«Дороге - конец…» - замирая,
Мелькнет в голове у бойца.
Он так и затихнет, не зная,
Что нет у дороги конца.
Затихнет, не зная, что следом
Торопятся маршевики,
Шагают, упавшее небо
Успев подхватить на штыки…

Нечто подобное пережила в те дни каждая из нас. Смертельно уставшие от бессонных ночей, теряя в бою подруг, мы, несмотря ни на что, днем и ночью бомбили врага. Смерть подстерегала нас в каждом полете. Но мы знали: скоро - победа и не хотели думать о смерти…

Полк прилетел в Восточную Пруссию.

Население было эвакуировано немецкими властями в глубь Германии. Делалось это с такой поспешностью, что хозяева бросали свои дома, не успев взять даже самое необходимое.

Вечером 8 марта мы собрались в театре прусского городка Тухоля. Вручать правительственные награды приехал сам командующий фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Мы страшно волновались, ожидая встречи с прославленным полководцем, не знали, как себя держать. А оказалось, что маршал - обаятельный человек. Он так просто держался с личным составом полка, что всем было удивительно тепло и радостно. Вечер удался на славу и надолго остался в

памяти.

Из зала вынесли кресла, вместо них расставили столы с закусками. Мы с трепетом ждали высокого гостя. Когда наконец маршал появился в зале в сопровождении нескольких генералов, среди которых был и командующий 4-й воздушной армией К. А. Вершинин, девушки растерялись. Было похоже, что смутился и сам Константин Константинович, особенно когда внезапно наступившую тишину разорвала буря аплодисментов. Он обернулся к Бершанской и что-то сказал. Евдокия Давыдовна развела руками, показывая, что это-де от нее не зависит. Мы захлопали еще громче, желая подчеркнуть свое уважение к прославленному полководцу.

Маршал улыбнулся и, улучив момент, громко сказал:

- Ого! Да вы тут все орденоносные.

Константин Константинович сам вручал награды. Всем пожимал руки, желая дальнейших боевых успехов. Потом [210] на помост вышла комсорг полка Александра Хорошилова. Маршал передал ей Грамоту ЦК ВЛКСМ, которой награждалась комсомольская организация полка. Пожалуй, это был самый неожиданный и приятный для нас сюрприз. Мы долго аплодировали, не давая Хорошиловой произнести слова благодарности. Хотя к тому времени большинство из нас стали коммунистами, но по годам мы не вышли еще из комсомольского возраста. Многое связывало нас с комсомолом. В его рядах мы получили боевое крещение, возмужали, стали настоящими солдатами. Поэтому Грамоту ЦК комсомола мы восприняли и как награду всем нам, молодым коммунистам. Поэтому так бурно аплодировали Хорошиловой, когда, поблагодарив Центральный Комитет ВЛКСМ, она твердо заявила, что мы с честью пронесем эту высокую награду до Берлина.

* * *

В начале марта гитлеровцы отошли к Данцигу, отдав нам города Прейсиш, Старгард, Диршау. 10 марта советские войска вплотную подошли к Данцигу:и Гдыне, заняли Цопот, Оливц, Колиткен, тем самым расчленив надвое крупную группировку противника.

Погода к тому времени резко ухудшилась. Влажный ветер принес с собой туманы и обильный снег. Но полеты не прекращались. Сквозь снег и ветер наши легонькие По-2 пробивались к вражеским объектам, и не было случая, чтобы экипажи вернулись на аэродром, не выполнив задания. За весь

этот период, несмотря на сложнейшие метеорологические условия и ожесточенный обстрел с земли, полк не имел потерь.

Только однажды не вернулись на аэродром Клава Серебрякова и Тося Павлова. Они вылетели вместе с нами бомбить военные объекты в районе Данцига. Погода стояла ужасная. С первого вылета нам стало ясно, что задание придется выполнять в исключительно тяжелых условиях. Более двадцати зенитных точек и столько же прожекторов встречали каждый советский самолет. Надо было прорваться сквозь эту сплошную завесу смертельного огня и слепящего света, чтобы потом взять курс в северо-западный район города. Туда же уверенно повела свою машину отличная летчица и волевой командир звена Клава Серебрякова со штурманом Тосей Павловой. Но на аэродром девушки не вернулись. В полку ждали их несколько дней. [211]

Пока наводили справки, шло время. Мы не переставали волноваться. Пожалуй, никогда еще у нас так мучительно не переживали за пропавших подруг. И это было вполне понятно. Нелегко терять соратников в любое время, но особенно тяжелы потери, когда уже ясно, что основные тяготы и невзгоды войны остались позади и вот-вот прозвучит заветное слово «мир».

Прошло долгих две недели. А мы не переставали ждать. Ждали молча, упорно, хотя и сознавали, что надеяться практически уже не на что. Тут-то из штаба армии и сообщили, что Серебрякову и Павлову разыскали наши пехотинцы на восточном берегу Вислы, под обломками самолета, и что пострадавшие находятся в госпитале.

- Живы! - ликовали однополчане. - Какое счастье! Живы!

Четырнадцать часов, истекая кровью, пролежали раненые девушки под обломками самолета и снегом! Долго, очень долго боролись врачи за жизнь наших подруг. Их вернули в строй через многие месяцы, уже после окончания войны…

* * *

12 марта 1945 года нам с Сашей Акимовой было поручено подыскать площадку для перебазирования полка.

До наступления темноты оставалось около двух часов, и за это время можно было выполнить задание. Поэтому мы не стали медлить, хотя погода не благоприятствовала полету. В районе Торуня, когда позади оставалась значительная часть пути, мы попали под артиллерийский обстрел. Но продолжали держать курс в сторону Данцига. И снова попали под огонь.

Снегопад еще больше усилился, а мотор вдруг стал давать

перебои. Кругом были леса и болота, однако мы решили совершить посадку.

К счастью, внизу мелькнули контуры небольших строений. Дальше стояла стена леса. Мы и сели недалеко от строений, предварительно вытащив пистолеты.

Не прошло и нескольких минут, стало видно бегущих к самолету детей. Сидим мы с Сашей в кабинах и судорожно соображаем: среди своих мы или среди чужих? За детьми торопливо шагал молодой мужчина.

- Свой, свой! Не бойтесь, - еще издали прокричал он. [212]

Только тогда мы разглядели на рукаве мужчины красно-белую повязку, какую носили тогда польские патриоты.

Сумерки сгущались. Мы обе изрядно продрогли. Нашим спасителем оказался Стефан Жонда. Мы поочередно оставались у машины, хотя здесь уже была выставлена охрана во главе со Стефаном. Наша «ласточка», «называется, села на огороде, рядом с селом. В доме у Стефана нашлись для нас доброе слово, пища и теплый угол. Его мать позаботилась о нас, как о родных детях. Нам и в голову не могло приши, что немцы находились в нескольких километрах от этого села.

Рано утром я, Саша, Стефан и деревенские ребятишки принялись выстилать дорогу снопами соломы. Когда все было готово и мы с Сашей, поблагодарив наших добровольных помощников, забрались в кабины, я достала листок бумаги и написала нашему новому другу благодарственное письмо. Вручая ему листок, пообещала, если переживем войну, прислать Стефану самых лучших русских папирос…

Саша Акимова хорошо запомнила этот случай, а я вот забыла подробности того полета. И вдруг спустя много лет получила письмо из Минска:

Уважаемая Марина Павловна!…

У нас в гостях был подполковник Войска Польского Станислав Пилотинский. К нему обратился летчик капитан Ф. А. Левандюк с просьбой разыскать поляков, которые в 1945 году оказали ему помощь, когда он был сбит над территорией Польши. Тов. Пилотинский выполнил просьбу, провел большую работу и нашел этих людей. В августе 1963 года я был в Польше, и он показал мне записки, которые были написаны нашими летчиками в знак благодарности польским гражданам за оказанную помощь.

Среди этих записок я увидел и ту, что была написана Вами в марте 1945 года…

Это письмо от Бориса Александровича Лицинского я получила в 1964 году и тут же поехала к Александре Акимовой.

Моя подруга отлично помнила и Стефана, и наше обещание.

А нашей запиской заинтересовались польские корреспонденты. Меня пригласили в редакцию «Красной звезды» для встречи с корреспондентом польской авиационной [213] газеты капитаном Каролем Шеленгом. Я рассказала ему все, что помнила, и очень просила разыскать нашего Стефана. Шеленг пообещал сделать это и выполнил свое обещание. В двух репортажах, опубликованных на его родине, корреспондент подробно описал наш полет. А 11 ноября 1965 года в «Красной звезде» появился его очерк под названием «Живет ваш друг в Косьцежине».

…Кто же такой Стефан? Меня заинтересовала его судьба и волнующая история с экипажем Марины Чечневой…

Поздней весной этого года я отправился в Косьцежину. Первым делом обратился за помощью к председателю районного правления Общества польско-советской дружбы Эдварду Томашевскому. Мой собеседник, к сожалению, о Стефане Жонде ничего не слышал, однако вся эта история его глубоко заинтересовала, и дальнейший путь мы продолжали вдвоем.

Как назло, машина застряла по дороге, не доезжая каких-нибудь пяти километров до цели. Кое-как добрались до озера и наконец нашли дом Жонды.

Встретила нас вся его семья - жена, шестеро детей и старики родители. Сам Стефан был в городе. Домашние с любопытством разглядывали нас, интересуясь целью нашего визита.

Слышали ли они о летчицах, которые приземлялись здесь в 1945 году?

Еще бы! Это были первые дни свободы. 8 марта советские войска отбили Косьцежину, а тремя днями позднее Стефан надел на рукав красно-белую повязку и пошел дежурить на пост народной милиции. Тогда как раз и приземлился в поле краснозвездный самолет.

Пока мы беседовали, жена Стефана хлопотала в соседней комнате, а потом вручила мне два листка бумаги. На них было написано по-русски:

«Мы, летчики, старший лейтенант Чечнева и лейтенант Акимова, произвели вынужденную посадку. Большую помощь оказал нам Стефан Жонда, который сердечно о нас позаботился и предусмотрел все, что было необходимо. Мы очень благодарны Стефану Жонде как честному поляку.

Старший лейтенант Чечнева.

Лейтенант Акимова». [214]

На том же листе наклеена другая страничка.

«…Стефану Жонде в том, что он с братом содействовал скрывать нас от немцев и полиции. Приносил нам продукты,

несмотря на угрозу немцев расстрелом…» Фраза не закончена. Оторван кусочек бумаги. Сохранились, однако, две подписи, одна из которых вполне разборчива - Дяченко. Следующая запись говорит о том, что написавшие эти строки были советскими летчиками…

А что знает о них семья Стефана?

…В одну из ноябрьских ночей 1944 года в окно постучали. Это были два советских летчика, сбитые в воздушном бою в районе Тчева. Встретил их Стефан, как родных. Поскольку по соседству жили немцы, советских офицеров решил укрыть подальше и понадежнее. Вместе с братом прятали их в землянке, на другой стороне озера. Семья Шонды заботилась о русских летчиках до самого прихода советских войск. Носила им хлеб, молоко и все, что было в доме…

Две странички из тетради. О разных событиях рассказывают они и вместе с тем об одном: о больших человеческих чувствах моих соотечественников к своим братьям-освободителям - советским людям.

Прошли годы, и я встретилась со Стефаном Жондой. По приглашению польских друзей я провела несколько дней в Гданьске. С первых минут моего приезда мы не расставались со Стефаном. Живет он в том самом селе, где в далеком сорок пятом году помог нам с Сашей Акимовой. Мы долго бродили по тем местам в сопровождении чуть ли не всех жителей села и вспоминали прошлое. Через двадцать два года я выполнила слово, данное в мартовские дни 1945-го. От себя и от Александры Акимовой я привезла не только обещанные русские папиросы, но и подарки шестерым детям Стефана, его родным и близким, а главное передала польскому патриоту большую благодарность. Вместе с сувенирами я вручила Стефану Жонде грамоту Советского комитета ветеранов войны.

* * *

С конца марта до середины апреля полк действовал главным образом по данцигскому котлу и на штеттинском направлении. Его активное участие в боях за город Кезлин было отмечено орденом Суворова III степени. Известие это дошло до нас, когда полк уже перебазировался [215] в Бухгольц, северо-западнее Берлина. Здесь мы отпраздновали это событие, здесь же и закончили войну.

Стрелки часов, отсчитывавших время гитлеровского рейха, неумолимо приближались к последней черте. Знамя Победы уже взмыло над рейхстагом. Берлин пал, защищавшие его части

сложили оружие. Фронт гитлеровских вооруженных сил был рассечен.

Одну из фашистских воинских группировок мы добивали в те дни на берегу Балтийского моря в порту Свинемюнде.

Здесь скопилось большое количество вражеских войск и техники. Уцелевшие от разгрома гитлеровские вояки снешно грузились на транспортные суда, чтобы морем удрать к нашим союзникам.

Советская авиация днем и ночью непрерывно бомбила порт. Над городом ни на минуту не смолкала канонада орудий, лихорадочный треск крупнокалиберных зенитных пулеметов. Взметая фонтаны свинцовой балтийской воды, перемалывая железобетон портовых сооружений, днем и ночью рвались авиационные бомбы.

Бомбежка Свинемюнде была для меня 810-м боевым вылетом. Во время полета не случилось ничего особенного, но запомнился он на всю жизнь.

До цели мы со штурманом эскадрильи Таней Сумароковой долетели спокойно. Внизу смутно просматривались темные громады кораблей у причалов. Матовым блеском отливала вода. Где-то на востоке небо то и дело озаряли всполохи взрывов: это на Курляндском полуострове войска 1-го Прибалтийского фронта уничтожали остатки восточнопрусской группировки противника. Там тоже рвались бомбы, только более мощные, чем наши. То была работа наших товарищей по оружию - летчиц 125-го гвардейского Борисовского ордена Суворова и ордена Кутузова полка пикирующих бомбардировщиков, носившего славное имя М. М. Расковой.

Самолет, как всегда, качнуло, когда 50-килограммовые «гостинцы», начиненные взрывчаткой, оторвались от плоскостей. И мне подумалось вдруг, что мы с Таней сбросили, может быть, последние бомбы.

Произошло удивительное совпадение. В следующую ночь полетов не было. Вторую и третью ночь мы тоже провели на земле. Но третья ночь, пожалуй, выдалась [216] самой бурной из сотен всех ночей, что мы провели на фронте.

В помещичьей усадьбе, где разместился полк, все давно спали. Вдруг в комнатах начался переполох. Не успела я очнуться от сна, в спальню ворвалась дежурная по полку старший техник эскадрильи Римма Прудникова.

- Девчата! - закричала она во весь голос. - Победа! Мир! Да вставайте же! Вставайте!

Римма перебегала от одной кровати к другой, стаскивала со спящих одеяла, тормошила девушек и, словно опьянев от счастья,

кричала возбужденным голосом:

- Мир! Мир! Победа! По-о-бе-да!

Сперва мы опешили от неожиданности. На несколько секунд воцарилась мертвая тишина, а потом поднялось такое, что со стороны могло показаться, будто в усадьбе все посходили с ума. В довершение всего во дворе вдруг поднялась стрельба, кто-то достал ракетницы, и звездное майское небо взорвалось вспышками красных, зеленых и белых огоньков. Ни о каком сне, конечно, не могло быть и речи.

Только к утру девушки несколько угомонились, разошлись по комнатам. Но никому не спалось. Все были чересчур возбуждены, лежали с открытыми глазами и либо тихонько переговаривались, либо молча предавались своим думам.

Не брал сон и меня. Я встала, накинула на плечи шинель, вышла на улицу. Было тихо-тихо, как бывает только самым ранним утром. А после недавней суматохи, шума и криков тишина казалась словно бы гуще.

Невдалеке, за поломанной оградой, дремал окутанный сизоватым туманом сад. Справа от него поблескивало мокрым асфальтом шоссе, а у самой обочины, задрав вверх наподобие орудийных стволов оглобли, валялась перевернутая телега.

Небо уже поблекло, звезды мерцали не так ярко. Наступал рассвет. Рассвет первого дня мира. Как и положено, он надвигался оттуда, где лежала моя родная земля.

Я долго смотрела, как алел восток, как заря разгоралась все ярче и ярче. Наконец за лугом блеснул диск солнца, взметнулись во все стороны его лучи. Они прошили насквозь плотный туман, заиграли бриллиантами брызг на росистой майской траве. Наступил первый день мира, и солнце спешило приветствовать его. [217]

Как это прекрасно - мир, тишина! Вот они вокруг меня. Я будто осязала их, ощущала всеми фибрами души. Я жадно всматривалась в то незабываемое утро, чутко вслушивалась в его тишину, боясь шелохнуться, смотрела, как растекается с востока рассвет. А он уходил все дальше, стирая с лица Европы тень ночи, внося в дома и сердца людей долгожданную тишину. Изгнанная фашистами, она все же вернулась в эти края. Вернулась, как только советские солдаты заставили умолкнуть пушки, когда-то заговорившие на Западе.

Итак, кончилась боевая страда, наступили мирные будни. Вскоре полк перевели в Альт-Резе - курортное местечко под Нойбранденбургом. Чудесное озеро, водная станция, большой тенистый сад - все здесь располагало к отдыху. Больше месяца мы только и делали, что спали, ели, гуляли, устраивали спортивные

праздники, занимались художественной самодеятельностью.

Здесь нас вновь посетил Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Он присутствовал на торжестве по случаю трехлетия пребывания нашего полка на фронте.

А через несколько дней мы вылетели в Москву для подготовки к первому послевоенному воздушному параду. Это событие, можно считать, завершило последнюю страницу летописи 46-го гвардейского Таманского ордена Красного Знамени и ордена Суворова III степени авиационного женского полка.

9 октября 1945 года в полку было проведено последнее партийное собрание. Близилась пора разлуки с подругами. Мы подытожили свою боевую работу. За три фронтовых года летчицы полка совершили 23 672 боевых вылета и сбросили на врага почти 3 миллиона килограммов бомб. В результате, по далеко не полным данным, было уничтожено и повреждено 17 крупных переправ, 9 железнодорожных эшелонов, 26 складов с боеприпасами и горючим, 176 автомашин, 86 огневых точек, вызвано 811 очагов пожара, отмечалось 1092 взрыва большой силы{11}.

Но это не все. Начав войну совсем молодыми, мы вышли из нее возмужавшими, зрелыми людьми. Война закалила нас не только физически, но и духовно. К концу пребывания на фронте почти все девушки стали коммунистами. [218] За три года боевых действий в партию вступило 180 человек. Орденами и медалями был награжден весь личный состав полка, 23 человека стали Героями Советского Союза.

Через месяц с небольшим после партийного собрания волк был расформирован. С грустью расставались мы друг с другом. Война связала нас крепчайшими узами дружбы. Все эти годы мы жили как одна семья, делили и радости и горе. И потому в сознании как-то не укладывалось, что отныне наши дороги и судьбы разойдутся.

Что ж, в сущности, так оно и должно быть. Ведь на войну мы пошли именно для того, чтобы на земле восторжествовал мир, чтобы человек вернулся к созидательному труду, сменил меч на орало. И все-таки сердце сжималось от одной мысли, что недавнее близкое становится далеким прошлым, что нет больше 46-го гвардейского бомбардировочного, что не будет больше ночей, опаленных всполохами выстрелов, искромсанных лучами прожекторов.

В груди тоскливо щемило от сознания, что нет больше летчиков, штурманов, техников, вооруженцев, нет спаянного воинской дисциплиной и долгом боевого коллектива, а есть более

двухсот непохожих друг на друга девушек, и у каждой из них - своя жизнь, свои тревоги. Мы хорошо понимали: судьба разбросает нас по стране, время принесет новые заботы, о фронтовых годах останутся только воспоминания. Надолго ли? Нам хотелось, чтобы навсегда. И потому, расставаясь, мы дали клятву не забывать прошлое, а с ним и нашу фронтовую дружбу, в установленные дни встречаться всем вместе. И слово свое держим.

А все-таки мы счастливые!

Каждому, наверное, знакомо ощущение, когда ждешь большого, радостного события и оно наконец приходит. Но и здесь, оказывается, неумолимо действуют законы бытия: вслед за счастьем приходят боль в печаль.

Кончилась война. Наш полк был расформирован в ноябре 1945 года.

Расставаясь в польском городе Швейднице, мы все обнимали друг друга и плакали, не стыдясь слез. Ведь распадалась [219] даже большее чем семья - распадалось святое для каждой фронтовое братство.

Мои подруги стали больше времени уделять личной жизни: выходили замуж, возвращались к прерванным занятиям, шли на фабрики и заводы, уезжали на стройки.

У меня была мечта летать в мирном небе, вернуться к спортивной работе.

В то время ко мне пришла большая любовь. В ноябре я вышла замуж за Константина Давыдова - командира эскадрильи штурмовиков, Героя Советского Союза.

Вместе со своим полком он прошел трудный боевой путь. Защищал Ленинград и Сталинград. Штурмовик Давыдова появлялся над руинами многострадального Смоленска, над городами Кавказа, Белоруссии, Польши и Германии. В День Победы в летной книжке Кости Давыдова числилось 170 штурмовых боевых вылетов.

Я рассказывала, что первая наша встреча с Костей произошла в августе 1942 года. Потом мы виделись еще раз на фронтовом аэродроме, в 1944 году. Позднее, когда наш полк перевели на короткий отдых в Альт-Резе, полк Давыдова базировался всего в 50 километрах. Костя с товарищами часто приезжал к нам, и мы крепко подружились. Потом мы с девушками улетели в Москву для участия в первом послевоенном параде. За два месяца пребывания в Москве я получила от капитана Константина Давыдова шестьдесят писем. Тут, как говорится, было над чем задуматься.

Из Москвы мы возвращались на транспортных самолетах и произвели посадку в польском городе Лигниц, где как раз базировался полк, в котором служил Костя.

Вскоре меня вызвали к командиру нашего полка и здесь, у Бершанской, я увидела своего друга. Костя попросил у Евдокии Давыдовны согласия на наш брак…

В конце ноября мы сыграли свадьбу. Я осталась служить в штурмовом полку в Северной группе войск, в Польше. Костя продолжал командовать эскадрильей, а я выполняла различные полеты по заданию командования.

Не представляла я жизни вне авиации даже тогда, когда готовилась стать матерью. В августе 1946 года родилась на свет наша дочка. А уже через четыре месяца я снова вернулась к летной работе.

После войны мне три года довелось летать в мирном польском небе. В 1948 году мы с Костей вернулись на Родину [220] и получили назначение на работу в ДОСААФ. Мы мечтали продолжать летную службу всегда рядом, вместе.

Надолго запомнился день, когда приехали в Тушино. Нас обоих принимал один из первых Героев Советского Союза генерал-лейтенант Николай Петрович Каманин. Мы и раньше слышали об этом чудесном человеке, много читали о нем, но лично видеть его не приходилось.

Разговор с Н. П. Каманиным решил нашу дальнейшую судьбу: он предложил нам работу в Центральном аэроклубе имени В. П. Чкалова. Неизгладимое впечатление произвела на нас с мужем эта встреча. Мне и потом посчастливилось много общаться с Николаем Петровичем, который был и остался для меня человеком из легенды.

Чудесной была юность Николая Каманина. Будучи комсомольцем, он уже участвовал в качестве командира авиазвена в спасении экспедиции О. Ю. Шмидта. Давая в те дни интервью журналистам, молодой летчик смущенно пожимал плечами: «У меня еще нет биографии. Моя биография только начинается…» И оказался пророком. Ныне известно, какой значительный вклад внес генерал Каманин в нашу победу в годы войны, сколько воспитал он замечательных летчиков в мирные дни, каким высоким примером служения Родине является он и сегодня - наставник и воспитатель «первых граждан Вселенной».

Не удивительно, что Николая Петровича любят все, кому хоть однажды посчастливилось с ним соприкасаться…

И вот я снова в Центральном аэроклубе, из стен которого уходила на фронт. Много воды утекло с тех пор. Большинство моих старших товарищей, с кем здесь работала и дружила, унесла

навсегда война.

В один из июльских дней сорок восьмого года, когда мы с Константином знакомились с клубным аэродромом, здесь шла тренировка к воздушному параду. На аэродроме с утра до ночи шлифовали свое мастерство летчики, планеристы, парашютисты. В небо как раз поднялась пятерка спортивных самолетов, управляемых летчицами. Исключительно четко и красиво выполняли они фигуры высшего пилотажа. Мне предстояло снова учиться, учиться у тех, кто освоил новые самолеты и групповой пилотаж. И я с радостью готова была сделать это, лишь бы продолжать летать. [221]

Девушки произвели посадку и зарулили на стоянку. Я не могла удержаться, подошла к ним, высказала свое восхищение. Это оказались Анна Бодрягина, Зоя Постникова, Мария Дриго, Анна Шмелькова, Вера Дубровина. Все пятеро в годы войны были летчиками-инструкторами в военно-морской школе летчиков. Все тепло отнеслись ко мне.

- Ну что ж, - сказала Аня Бодрягина, - нашего полку прибыло. Будем летать вместе.

В аэроклубе я встретила замечательных мастеров летного дела Якова Форостенко, Николая Голованова, Петра Захудалина и многих других. Их внимание, поддержка, советы помогли мне твердо поверить в себя. Я занималась, не жалея сил, и дело пошло: через год мне поручили возглавить женскую пилотажную группу на воздушном параде в Тушино.

Радостно начался для нас с Костей 1949 год. Оба занимались любимым делом, жили душа в душу, наша маленькая Валечка росла здоровым, хорошим ребенком. Казалось, ничто не предвещало беды. А она уже подкрадывалась к моей семье.

Воздушный парад 1949 года прошел отлично. Он показал, что возобновившие свою деятельность аэроклубы снова становятся, как в довоенное время, очагами массового авиационного спорта. Возможно, что не последнюю роль здесь сыграло то, что подготовкой авиационных спортсменов занимались теперь люди, за плечами которых был опыт Великой Отечественной войны…

Вскоре мы приступили к пилотажу в составе пары, отрабатывая будущий номер для программы празднования Дня Воздушного Флота. Константин Давыдов в тот период был назначен заместителем командира пилотажной группы из 25 самолетов Як-18. Этот номер получал всегда самую высокую оценку специалистов и с восторгом воспринимался зрителями. 25 самолетов разбивали на три группы, по восемь машин в каждой. Один Як-18 оставляли в резерве. С аэродрома взлетали восьмерками, группа за группой. В воздухе группы

перестраивались в колонну.

Шли они на высоте 1100-1200 метров точно в хвост друг другу с превышением одной машины над другой в один-полтора метра. Этим строем в 24 самолета и выполнялся пилотаж: три косые петли (петли Шовиара), переворот [222] через крыло, вираж и спираль до 50 метров. Выполнив задание, самолеты уходили на бреющем полете. В процессе пилотажа требовалось точно выдерживать строй. Мы много тренировались и даже выехали в лагеря на один из подмосковных аэродромов. Здесь, в начальный период формирования группы, Костя очень много летал, шлифуя технику пилотирования каждого летчика. Костя был очень вынослив. Выполнив 12-15 заходов на пилотаж, он никогда не жаловался на усталость.

Много поработал Константин Давыдов над шлифовкой группового пилотажа группы из 24 самолетов. Командиром этой группы был прославленный летчик-спортсмен Яков Данилович Форостенко. Костя близко дружил с ним, упорно учился у Форостенко мастерству пилотажа. В день парада этот номер получил самую высокую оценку.

Так работал Костя. Я пыталась не отставать от него. Каждый полет словно придавал мне сил.

Спорт перестает быть спортом, если не стремишься к новым достижениям. Вскоре после парада Яков Данилович Форостенко стал готовить меня и Анну Бодрягину к установлению рекордов на самолетах Як-18.

6 сентября 1949 года подготовка к полету была наконец закончена. Первым решил лететь на установление рекорда сам Форостенко. Пройдя 1000 километров по замкнутому кругу (Москва - Смоленск - Орел - Москва), Яков Данилович побил не только всесоюзный, но и мировой рекорд. Средняя скорость его Як-18 превысила 223 километра в час.

Мне предстояло установить рекорд скорости на замкнутом 500-километровом треугольнике: Москва - Вязьма - Серпухов - Москва.

Полет прошел спокойно, без происшествий. Среди тех, кто встречал меня на московском аэродроме, прежде всего я увидела Костю, Аню Бодрягину и моего чудесного тренера Якова Форостенко. Муж и подруга приветливо улыбались мне. По лицу тренера я поняла, что все прошло хорошо, и уже со спокойной душой стала подробно докладывать о полете.

Через несколько дней спортивная комиссия, обработав данные барографов, подсчитала, что средняя скорость моего полета была равна 244 километрам в час. В таблице рекордов впервые появился рекорд по новому типу спортивных [223]

самолетов. Это была наша общая победа, победа нашего Центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова.

После рекордного полета мы окончательно удостоверились, что Як-18 конструкции А. С. Яковлева - замечательная машина, вполне доступная для спортивно-рекордной работы. Мы были уверены, что на этом самолете авиационные спортсмены порадуют Родину новыми достижениями…

Сейчас, когда пишу эти строки, мне хорошо известны достижения наших спортсменов по всем видам авиационного спорта за 1969 год. Их, конечно, трудно сопоставлять с теми результатами, которых мы добивались двадцать пять лет назад. И все же некоторые наши тогдашние достижения, являвшиеся первыми послевоенными рекордами, и сейчас еще значатся в таблице рекордов…

Через несколько дней после моего полета мы провожали на установление рекорда Анну Бодрягину. На легком спортивном самолете Як-18 ей удалось развить скорость 264 километра в час, что явилось новым достижением для данного класса спортивных самолетов.

Вскоре после установления этих рекордов сотрудники и спортсмены нашего аэроклуба встретились с прославленным конструктором Александром Сергеевичем Яковлевым. По его просьбе мы высказали свои соображения по дальнейшему усовершенствованию конструкции самолетов Як-18 и Як-11. Александр Сергеевич учел наши пожелания. Несколько позднее на его машинах были установлены новые рекорды, связанные с именами летчиков Николая Голованова, Марии Дриго, Петра Захудалина, Владимира Маркова. Несколько мировых рекордов установил и сам Яков Форостенко.

По настоянию тренера я стала готовиться к установлению рекорда высоты полета на спортивном самолете Як-11.

Советские летчики имели богатый опыт высотных полетов. Они первыми в мире начали штурм заоблачных высот, как только партия и правительство поставили задачу летать дальше, быстрее и выше всех. Первое слово принадлежит здесь советскому летчику В. Коккинаки, который еще в ноябре 1935 года достиг невиданной по тому времени высоты - 14 575 метров.

Через некоторое время он же поднял на высоту 12 816 метров самолет с коммерческим грузом в 500 килограммов. Выдающиеся высотные полеты с большим грузом [224] совершили в тот же период наши известные летчики М. Алексеев, А. Юмашев, М. Нюхтиков, М. Липкин. До сих пор не превзойден мировой рекорд высоты полета на гидросамолете - 8864 метра, установленный в 1937 году Героем Советского Союза Полиной Осипенко.

Немалый интерес представляли высотные полеты и на спортивных самолетах. Благодаря Я. Д. Форостенко мне удалось после тщательной подготовки успешно выполнить высотный полет на Як-11 и превысить на 1000 метров рекорд, установленный в 1937 году для данного класса спортивных самолетов.

…Костя, я и Аня Бодрягина были неразлучны. Мы вместе летали в командировки, постоянно делились опытом, строили планы на будущее. И я и Костя горячо привязались к этой обаятельной скромной девушке. Аня часто бывала у нас дома, играла с нашей маленькой дочкой, вместе с нами ходила в театр, кино, на выставки, в музеи.

Анна Бодрягина раньше работала на строительстве Московского метрополитена и одновременно училась в метростроевском аэроклубе. В 1938 году, после отличного окончания аэроклуба, ее оставили там работать в качестве летчика-инструктора. В годы войны Ане удалось подготовить свыше 70 летчиков для фронта. Демобилизовавшись, она пришла в Центральный аэроклуб и занялась подготовкой летчиков-спортсменов.

Уже в сентябре 1949 года на первых Всесоюзных соревнованиях летчиков ДОСААФ Анна Бодрягина показала лучшие результаты по всем упражнениям и заняла первое место. Ей было присвоено звание чемпиона по технике пилотирования на спортивных самолетах. На вторых Всесоюзных соревнованиях летчиков ДОСААФ она снова опередила всех участников мужчин и стала абсолютным чемпионом страны по самолетному спорту за 1950 год.

В 1949 году мы с Бодрягиной в совершенстве освоили Як-11 и высший пилотаж на этой машине. А вскоре вместе поехали в летный центр ДОСААФ под Киев, чтобы научиться управлять другими типами самолетов-истребителей. За короткий срок нам удалось полностью пройти программу на истребителях Як-3 и Як-9 и освоить высший пилотаж на них. Счастливые и радостные вернулись мы с подругой в Москву. Нас ждали новые рекорды и интересная летная работа. [225]

В октябре 1949 года несколько летчиков аэроклуба поехали в Ленинград, чтобы перегнать оттуда большую группу самолетов. Среди летчиков были и мы трое: Костя, Аня и я. В городе на Неве мы провели несколько дней. Вылет в Москву был запланирован 28 октября, хотя стояла прескверная погода. Бодрягина, я и еще трое летчиков перегоняли Як-11, а Костя был назначен заместителем командира по перегонке другой группы спортивных самолетов. С определенными интервалами группы брали курс на

Калинин, где должны были произвести посадку и дозаправить машины горючим.

Вначале все шло нормально. Наши Як-11 имели большую скорость, чем спортивные машины, и первыми произвели посадку на аэродроме в Калинине.

Через некоторое время должны были появиться и другие самолеты. В группе Я. Д. Форостенко, в которой летел Константин, вначале все тоже было благополучно. Однако в районе станции Малая Вишера Костя, находясь на высоте 400-500 метров, подал сигнал о выходе из строя на вынужденную посадку и, развернувшись, взял обратный курс. Мотор давал перебои, машина стала резко терять скорость. Костя решил произвести вынужденную посадку возле железнодорожной станции Мстинский Мост. Рядом было поле, на котором он мог приземлиться, но там пасли скот. Давыдов сделал два круга, показывая пастуху, чтобы убрал животных. Он мог воспользоваться парашютом, но не сделал этого: хотел спасти самолет. На третьем круге мотор полностью отказал. Машина, не дотянув до площадки, врезалась в железнодорожную насыпь.

Костя был еще жив, когда люди остановили поезд Ленинград - Москва, чтобы доставить летчика в маловишерскую больницу. Через тридцать минут его не стало.

…Я ничего не знала. Два дня от меня скрывали происшедшее. Потом сообщили, что майор Давыдов, раненный, доставлен в Москву. Мы сели в поезд. Самолеты было приказано оставить в Калинине до особого распоряжения. Лишь перед самой Москвой мне сказали, что Костя погиб.

Аня и товарищи привезли меня домой. Что было потом, я не помню…

2 ноября гроб с телом мужа был установлен в зале Центрального аэроклуба. Мы похоронили Костю на Новодевичьем кладбище. Рядом со мной в те страшные дни был его верный и преданный друг Герой Советского Союза [226] полковник Петр Колесников. Он приехал из Белоруссии, чтобы отдать последний долг моему мужу.

Личное мое счастье было коротким. Я осталась вдовой в 26 лет. Осталась одна с трехлетней Валечкой. Три месяца Аня Бодрягина ни на день не расставалась со мной. Ее участие и любовь помогли мне пережить ужасную потерю.

* * *

И сейчас, несмотря ни на что, я хотела бы снова обрести

счастье. Оно представляется мне как верность себе самой, а значит, и тебе. Я призываю чудо: однажды проснуться счастливой, без ощущения тяжести на душе. Я знаю, земля содрогнулась, на ее теле образовалась рана, она нанесена на карту моей новой географии, я смирилась с ней, но я хочу, чтобы она перестала кровоточить…

Эти строки я прочитала совсем недавно у Аня Филип, в книжке, которую она написала после смерти любимого мужа и друга Жерара Филипа.

Чувство кровоточащей, незаживающей раны было мучительно знакомо мне в то время. Просто не знаю, как бы удалось выжить, если бы не товарищи и любимая работа. Люди, с которыми я общалась, не оставили меня один на один с моей бедой. На письменном столе у меня появились неоконченные статьи для авиационного журнала, мне без конца звонили из аэроклуба и школ. Нужно было побороть внутреннюю опустошенность, вызванную обрушившимся на меня горем.

Мне было очень трудно. Даже небо казалось враждебным. Краски окружавшего меня мира поблеяли. Безысходная тоска давила душу. Я никак не хотела смириться с мыслью, что Кости уже нет, что никогда не услышу его голоса, не увижу его лица…

Даже сейчас трудно вспоминать о том, каких нечеловеческих усилий стоило мне взять себя в руки. Нужно было жить, работать, учиться, растить дочку. Ведь я отвечала за ее судьбу и перед Костей…

Сейчас Валя закончила институт и преподает в том же вузе, где училась. Двадцать пять лет прошло со дня гибели Кости, но память о нем живет в нашей семье, в наших сердцах.

Не забыт он и земляками-сормовичами. На заводе, где работал Константин, установлена мемориальная доска о [227] надписью: «В этом цехе работал до 1938 года токарем замечательный летчик нашего.времени Герой Советского Союза гвардии майор Константин Иванович Давыдов».

Время от времени я подучаю письма из Горького - то от вожака сормовских комсомольцев Володи Кашичкина, то от учащихся ГПТУ № 26{12} (так теперь называется ФЗУ, которое перед войной окончил Костя).

…Вначале мы думали организовать в одном из классов музей памяти К. И. Давыдова, но собрали столько материалов, что решили весь третий этаж посвятить Константину Ивановичу, - сообщили мне ребята.

Наши авиамоделисты сейчас делают модели самолетов Р-5 и Ил, на которых он летал.

Педагогический совет принял решение о зачислении К. И.

Давыдова навечно в списки учащихся группы №1. Этот номер будет присваиваться учебной группе, которая по результатам за первый год обучения добьется лучших показателей. Первым в этой группе будет значиться К. И. Давыдов.

Физкультурники училища приняли решение 5 и 6 ноября ежегодно (в день рождения Константина Ивановича) проводить блицтурнир по баскетболу на приз Героя Советского Союза К. И. Давыдова…

В День Победы мы ежегодно будем направлять группу лучших учащихся для возложения венков на Новодевичьем кладбище на могиле майора К. И. Давыдова…

На стене моей комнаты висит портрет Кости. Мы с Валей любим вдвоем сидеть здесь. Посадим, помолчим - и вроде бы поговорили с дорогим человеком.

* * *

Нелегкий, в общем-то, путь выпал на мою долю. Но все же, должна признать, что в жизни мае повезло.

Повезло на верных друзей и высокое солдатское братство. Повезло в том, что встречалась и работала рядом с людьми удивительного мужества, таланта, высокой внутренней чистоты.

Сложно рассказывать о тех, кто был для тебя одновременно другом, легендой, неподдельной живой любовью в [228] чей образ воплотился на твоих глазах в бронзу бесчисленных памятников.

Я поймала как-то себя на том, что мы не всегда до конца понимаем все величие и значимость такого емкого слова, как слово «история». Совсем недавно, кажется, я разговаривала с Юрием Гагариным, мы смеялись, и в ту минуту я меньше всего думала о том, что мой обаятельный собеседник уже при жизни являлся частицей истории. И не только России, но и всего человечества. А вот не стало его - и сразу иной меркой я мерю и тот разговор, и другие встречи с ним, и все, что совершил этот отважный сын Земли.

Так всегда бывает с настоящими людьми. В жизни они меньше всего думают о рубежах, которые пройдены. Мысль их занята будущим и сегодняшними делами, а мы знаем, сколько наплывает их ежечасно, ежедневно. Человек вроде бы растворяется в них.

Я сказала «вроде бы» потому, что настоящая, большая личность остается сама собою и в большом и в малом. Истинная натура не делится, не дробится на взаимоисключающие друг

друга состояния, и потому бронзовая Марина Раскова никогда не вытеснит из моего сердца и памяти живую, смеющуюся, строгую, спокойную и милую женщину, которую я знала.

Когда мы говорим «история», наши представления ассоциируются с чем-то подернутым дымкой времени, отошедшим в годы.

А мы шли рядом с этой историей, соприкасались с ней ежеминутно, даже не предполагая, что потом будем мучительно восстанавливать в памяти каждый прожитый с такими людьми день. Потому что такой день тоже был подвигом, непрекращающимся во времени, а значит, еще более значимым, весомым…

Во время войны до нас дошла весть о подвиге Алексея Маресьева, который был сбит в одном из трудных боев и получил тяжелое ранение в ноги. Мы знали, что он приземлился на вражеской территории и около одиннадцати суток полз к своим. Замерзшего летчика нашли в лесу и спасли от смерти крестьянские ребятишки Сережа Малин и Саша Вихров.

Потом, еще будучи на фронте, мы узнали о несгибаемой воле Алексея Маресьева. Лишившись ступней ног, летчик добился возвращения в боевой строй и вместе о [229] товарищами по оружию продолжал громить гитлеровцев на своем самолете-истребителе.

После войны я несколько раз прочла замечательную книгу Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». А потом и сама познакомилась с Алексеем Петровичем. Случилось это в 1948 году, в военном санатории Марфино, под Москвой. Мы с Костей набрались смелости и первыми подошли к Маресьеву.

Алексей Петрович, видимо, понял наше состояние. Не говоря ни слова, он улыбнулся и крепко пожал нам руки. Его поведение было столь естественным и дружелюбным, что мы с Костей сразу воспрянули духом. Завязался непринужденный разговор. Потом выяснилось, что наши комнаты в санатории находятся совсем рядом. Мы стали часто встречаться…

В 1956 году, когда в нашей стране был создан Советский комитет ветеранов войны, его ответственным секретарем единодушно был избран А. П. Маресьев. С этого времени я, как член комитета и член президиума, часто встречаюсь с этим редкостным человеком. И чем ближе узнаю его, тем безграничней чувство огромного человеческого уважения и искренней дружбы, которое я к нему питаю.

Все послевоенные годы А. П. Маресьев посвятил неутомимой борьбе за мир. Он - член Всемирного Совета Мира, член президиума Союза советских обществ культурных связей с

зарубежными странами. Голос Маресьева, обличающий поджигателей новой войны, звучал с трибун многих международных конгрессов. И люди всего мира внимательно прислушивались к нему.

Алексей Петрович и сейчас все так же прост в обращении с окружающими. Нельзя не восхищаться его спокойствием, скромностью, внимательностью к людям. И я счастлива, что работаю под его руководством, что являюсь его современницей…

Думая о своих сверстниках, я невольно провожу параллель между ними и молодыми людьми, с которыми встречаюсь сегодня. И хорошо вижу, как много у них общего. Вспоминаю нашего любимца Юрия Гагарина. Он был первым, и на него обрушилась вся земная слава. Он выдержал. Он до конца дней оставался самим собой: скромным, умным, обаятельным человеком. И в то же время в чем-то он не был и не мог быть прежним. Когда [230] Гагарин совершал свой легендарный полет вокруг планеты, он не являлся космическим специалистом в буквальном смысле этого слова. Он стал им. И пожалуй, мало кому из выпускников Академии имени Жуковского приходилось учиться в столь нелегких условиях, как ему. Беспредельно добрый к людям, Гагарин не терпел снисхождения к себе самому. Все, чего достиг, он добился собственным трудом и энергией.

Так передается эстафета поколений.

* * *

Когда, оправившись после гибели Кости, я вернулась в спортивную авиацию, она целиком захватила и увлекла меня. Как в былую пору юности, мне подчас не хватало времени на сон и отдых. Но что-то неладное стало твориться со здоровьем. С каждым разом меня все дольше задерживали на врачебно-летной комиссии. А потом, в конце 1956 года, вынесли приговор - запретили продолжать летную службу.

Авиации было отдано восемнадцать лучших лет жизни, летать хотелось вечно, но это оказалось невозможным…

Теперь у меня стало больше времени, чтобы осмыслить пережитое и рассказать о нем людям. И раньше, будучи очень загруженной, я ухитрялась всегда находить время, чтобы встречаться с молодежью. В последние же годы такие встречи стали для меня внутренней потребностью. Ведь каждая из них дарит не только радость общения с теми, кто идет нам на смену. Каждая из них является словно бы волнующей встречей с моей фронтовой юностью…

Не однажды и с большим удовольствием выступала я в университете на Ленинских горах. И каждый раз, попадая туда, с трепетом рассматривала в вестибюле стенд с фотографиями бывших студентов - героев войны. Среди них и она, милая, родная наша Женя Руднева. Все до мельчайших черточек знакомо мне в ее незабываемом лице. С ней, с ее юностью много связано у каждой из нас.

Я всегда вспоминаю Женю в дни, когда наша страна одерживает победы в космосе. Как мечтала она о запуске искусственных спутников Земли, о старте космических кораблей, направляющихся на другие планеты. Как верила, что все это будет. [231]

Так я и начала выступление, рассказывая о Жене, о ее короткой и беспримерной жизни…

Много лет я собираю материалы и документы о ней, встречаюсь с людьми, которые знали ее в различные годы жизни.

Родители Жени жили до самой смерти в городе Бабушкине, под Москвой. Мы с однополчанами часто бывали у них. Все в их квартире напоминало о нашей подруге.

В последний раз мы навестили Анну Михайловну и Максима Евдокимовича Рудневых втроем - Ира Ракобольская, Катя Рябова и я. Тогда, листая дневник Жени, я опять перечитала запись, которую она сделала, познакомившись с романом «Как закалялась сталь». Из записи ясно, что Женя ставила превыше всего тех людей, для которых личное - ничто по сравнению с общественным.

Приятно сознавать, что именно такими людьми идут по жизни и в мирные дни мои боевые подруги. Как сложились их судьбы после войны? Где они? Что с ними? Все мы по-прежнему верны фронтовой дружбе и встречаемся вот уже много лет подряд. Встречаемся дважды в год - 2 мая и 8 ноября в Москве. Московская весна переменчива, как и осень. Иногда в мае выпадают теплые дни. Тогда по скверу возле Большого театра гуляет легкий ветерок, на глазах распускаются маленькие, липкие листочки, набухают почки на кустах сирени. А иногда 2 мая похоже на 8 ноября. В сквере - пронизывающий ветер, небо покрыто тучами, сыплет холодный дождь. Но погода не смущает нас. Те, кто не может в эти дни приехать или прийти на встречу, непременно шлют весточку и поздравления подругам. И хотя адрес корреспонденции несколько необычен: «Москва, сквер Большого театра, бывшим однополчанам 46-го гвардейского Таманского орденов Красного Знамени и Суворова III степени авиаполка ночных бомбардировщиков», телеграммы доходят до адресата. Наши традиционные встречи всегда волнуют, приносят

много радости. Каждый раз мы узнаем что-нибудь новое друг о друге и так же, как в прежние годы, волнуемся и переживаем за своих товарищей. Узы дружбы, связавшие нас в суровую пору войны, становятся еще крепче.

Первое мое слово, естественно, о нашем дорогом командире полка. Гвардии подполковник Евдокия Давыдовна [232] Бершанская-Бочарова ведет большую работу в Комитете советских женщин. Она - член Советского комитета ветеранов войны и неутомимый пропагандист патриотических традиций. Я часто вижу Евдокию Давыдовну. Годы не состарили ее. Тот же неукротимый огонь в глазах, та же бьющая через край энергия, та же удивительная человечность. Ей, матери троих детей, радостно сознавать, что и ее собственные дети, и ее однополчане заняты любимой работой на благо Родины.

Несколько лет назад по состоянию здоровья уволилась в запас и гвардии подполковник Евдокия Яковлевна Рачкевич. Мы по-прежнему называли ее «наша мамочка». А она иногда шутила: «Я самая многодетная мать на земле».

Но не зря, видимо, говорят, что в каждой шутке есть доля правды. Для нас Евдокия Яковлевна была не только близким другом и товарищем, но и человеком по-родственному близким, и чувство это с годами не утратило своей первоначальной силы. Да, для каждой из нас - она была мать в самом всеобъемлющем, благородном значении этого слова. Мы гордились ею и любили ее, как любят настоящих матерей.

Жила Евдокия Яковлевна в скромной квартире на Малой Пироговке. Оттуда мы и проводили ее в последний путь в январе 1975 года.

Заместитель командира полка по летной части Серафима Тарасовна Амосова-Тараненко является сейчас редактором устного журнала «Боевая подруга» при Центральном Доме Советской Армии. Много сил отдает она военно-патриотическому воспитанию молодежи. Прекрасная летчица, выполнившая за годы войны 555 боевых вылетов и подготовившая более сорока летчиц и штурманов, она вырастила трех сыновей. Андрей успешно закончил суворовское училище и Балашовскую авиационную школу, Константин - институт, Сергей стал кадровым военным.

Начальник штаба полка Ирина Вячеславовна Ракобольская - доцент кафедры космических лучей физического факультета МГУ, автор многих научных работ, бессменный член парткома университета.

Старший техник эскадрильи Татьяна Алексеева, которая так самоотверженно ухаживала за мной во время тяжелой болезни,

уехала в Херсон и работает в аэропорту. [233]

В 1955 году она награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Удачно сложилась судьба и Нины Максимовны Распоповой. После победы она вернулась в Мытищи, где прошла ее авиационная юность, где перед войной работала летчиком-инструктором. Нина создала в Мытищах музыкальную школу, где занимается более 500 ребят. Нину Максимовну Распопову знают в городе. Знают, что она храбро воевала в годы войны, что ей присвоено звание Героя Советского Союза.

Сейчас Нина Максимовна - заместитель председателя мытищинского филиала общества «Знание» и член пленума центрального комитета ДОСААФ. У нее два взрослых сына, Володя и Валерий.

Надежда Васильевна Попова после войны вышла замуж за летчика-истребителя Семена Ильича Харламова, с которым познакомилась еще в сорок втором году, когда их самолеты были сбиты фашистами. Интересно, что звание Героя Советского Союза им было присвоено одним и тем же Указом от 23 февраля 1945 года.

Гвардии капитан Попова демобилизовалась в 1948 году, будучи командиром эскадрильи. Однако с авиацией не рассталась. Вместе с мужем она служила в разных гарнизонах и всюду находила работу по сердцу. Генерал-лейтенант авиации С. И. Харламов и по сей день продолжает службу в Вооруженных Силах. А Надежда Васильевна является членом Советского комитета ветеранов войны и заместителем председателя республиканского Комитета ветеранов войны Белоруссии. Как борец за мир, она побывала во многих странах. А недавно посетила Англию. Командование военного авиационного колледжа пригласило ее на праздник, посвященный выпуску молодых офицеров, и попросило вручить им в торжественной обстановке дипломы об окончании колледжа.

Парторг полка Мария Ивановна Рунт живет в Куйбышеве. После войны она закончила Академию общественных наук при ЦК КПСС, получила звание кандидата филологических наук и сейчас преподает в институте. Наш комсомольский вожак Александра Хорошилова-Архангельская живет в Одессе. Ныне она доктор экономических наук, профессор, мать троих детей. На педагогическом поприще трудится Герой Советского Союза Евдокия Борисовна Пасько, ведущая курс высшей математики в [234] Московском высшем техническом училище имени Баумана.

Штурман Катя Доспанова после окончания Высшей партийной школы в Казахстане много лет была первым

секретарем ЦК комсомола республики и членом ЦК ВЛКСМ. В связи с 30-летием ВЛКСМ была награждена орденом Трудового Красного Знамени, избиралась депутатом Верховного Совета Казахской ССР, некоторое время являлась секретарем Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

Приходят вести и от летчицы Клавдии Серебряковой. Нелегко пришлось ей после аварии самолета. Около двух лет Клава пролежала в гипсе. Из госпиталя вышла на костылях, руки почти не слушались ее, но Клава не пала духом. Она упорно занималась лечебной гимнастикой и вернулась в трудовой строй. В конце 1946 года Катя Рябова получила от Клавы письмо: «Учусь хорошо. Решила стать человеком самостоятельным». Клавдия Федоровна Серебрякова не только получила высшее педагогическое образование, но и защитила диссертацию на звание кандидата педагогических наук. Сейчас она преподает в одной из средних школ прекрасного города Октябрьска. Недавно мы виделись в Москве.

- Удивительная штука жизнь, - сказала как-то Клава. - Чем больше живешь, тем большим кажется путь впереди. Это, наверное, оттого, Марина, что мы многое не успели сделать…

Я невольно улыбнулась. Неутомимый человек наша Клава. Такой была, такой и осталась. И не случайно две ее дочери гордятся своей мамой, хотят быть во всем похожими на нее.

Штурман Антонина Павлова, которая вместе с Клавой Серебряковой была погребена под обломками самолета, также вернулась в трудовой строй. Она - мать троих детей, живет в Тамбове и преподает в одной из средних школ.

После войны чаще всего мне довелось встречаться с Надеждой Тропаревской. Надя, как и я, долгое время работала в ДОСААФ, обучая молодежь искусству прыжков с парашютом. Она не раз занимала призовые места на всесоюзных парашютных соревнованиях, установила несколько мировых рекордов. В течение десяти послевоенных лет Тропаревская была участницей воздушных парадов. [235] С 1949 по 1956 год она - чемпион СССР по прыжкам на точность приземления и по затяжным прыжкам. За спортивные достижения Надежде Евгеньевне Тропаревской-Есионовой в 1952 году было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР. На ее счету 613 парашютных прыжков.

Сейчас Надежда Евгеньевна Тропаревская-Есионова работает старшим инженером-испытателем грузовых парашютных систем. Весь огонь своего сердца она по-прежнему отдает любимому делу и подготовке парашютистов-испытателей.

Муж Надежды Евгеньевны тоже авиатор. Василий Михайлович Есионов долгое время был заместителем начальника

одного из московских аэроклубов. Их сыновья, Владимир и Михаил, оба стали авиаторами.

В Одессе обосновалась старший инженер полка Софья Ивановна Озеркова. У нее трое детей и семейных забот, казалось бы, хватает. Но она еще ведет большую общественную и партийную работу. Старший техник эскадрильи Мария Щелканова живет в Ангарске и работает инженером.

Мой первый техник Катя Титова находится в Харькове. Недавно мы встретились с ней впервые после войны.

Ну а что поделывают мои штурманы? Кроме Клюевой, остальные три живут и трудятся в Москве.

Жизнь Екатерины Рябовой, как она и мечтала, началась с того, на чем ее прервала война. В 1948 году Катя окончила с отличием механико-математический факультет МГУ, а в 1951 году успешно защитила диссертацию и получила звание кандидата физико-математических наук.

После войны Катя Рябова и Григорий Сивков сыграли свадьбу. Оба самозабвенно, упорно учились. Их призванием стала наука. Воспитанник Пермского аэроклуба дважды Герой Советского Союза Григорий Флегонтович Сивков 243 раза водил в атаки на фашистов самолеты Ил-2. После войны он также получил высшее образование и защитил диссертацию. Сейчас Григорий Флегонтович - генерал-майор-инженер, кандидат технических наук.

В крепкой дружной семье Рябовой-Сивковой выросли две дочери - Наташа и Ирина. Обе девушки получили высшее образование. [236]

В книге уже рассказано, как встретились в годы войны Григорий и Катя. Встретившись, оба поняли, что не расстанутся никогда. «Нет, это далеко все не случайно, - записал тогда после встречи Григорий Сивков. - Всегда мыслить вместе, жить одними интересами, учиться, добиваться, дерзать, и все - вдвоем. Это ли не счастье?»

Так думала и Катя. В годы войны они мечтали о тишине, о разработке интересных научных проблем, говорили о физике, решали задачи по высшей математике. Оба страстно хотели учиться. «Друг, настоящий друг! Как интересно мне с ним, как много я узнаю от него», - писала Рябова в письмах к матери.

Екатерина Васильевна Рябова и Григорий Флегонтович Сивков были по-настоящему счастливы, пока на их семью не обрушилось великое горе: в сентябре 1974 года Катя Рябова скончалась в расцвете творческих сил.

Кандидатом наук стала и Саша Акимова. Она преподает в Московском авиационном институте имени Орджоникидзе.

Татьяна Сумарокова избрала профессию журналиста и заведует редакцией в издательстве «Знание». Первый мой штурман Ольга Клюева обосновалась в Саратове. Здесь она получила высшее образование и стала инженером-экономистом.

Бывшие командиры эскадрилий Герои Советского Союза Мария Смирнова и Дина Никулина - на партийной работе. Первая в городе Калинине, вторая - в Ростове-на-Дону.

Герои Советского Союза Руфина Гашева и Наталья Меклин-Кравцова окончили институт иностранных языков и живут в Москве. Первая - редактор одного из издательств, а вторая стала журналистом.

Герой Советского Союза Лариса Розанова-Литвинова, заменившая Женю Рудневу на посту штурмана полка, трудится и живет в Москве. Когда я узнала, что одна из пионерских дружин названа ее именем, мне вспомнилась ночь в багровых вспышках огня, треск раздираемых осколками перкалевых плоскостей и спокойный голос Ларисы:

- Маринка, идем правильно. Держи курс!

Пионеры, назвавшие дружину ее именем, не ошиблись. По таким людям, как Лариса Николаевна Литвинова, можно сверять свой курс. Он выведет к цели. [237]

И поныне служит в Советской Армии Екатерина Тимченко-Оксентюк. Она подполковник-инженер, кандидат технических наук, преподаватель военной академии. Герой Советского Союза Евгения Жигуленко много лет являлась начальником управления культуры города Сочи, а не так давно переехала в Москву. Герой Советского Союза Антонина Худякова живет и работает в городе Александрии, Кировоградской области. Герой Советского Союза Зоя Парфенова находится в Рязани. Подполковники-инженеры Надежда Стрелкова и Клавдия Илюшина трудятся в Москве. Мой первый инструктор Михаил Павлович Дужнов обосновался в Борисоглебске, и мы иногда видимся с ним, вспоминаем наш родной аэроклуб, товарищей.

Много теплых слов хотелось бы мне адресовать всем однополчанам. О некоторых я уже рассказала в вышедших книгах, о других надеюсь поведать в будущем. В этой книге я попыталась описать лишь то, что видела сама, что переживали я и мои подруги. Хочется верить, что мой скромный труд поможет молодому читателю лучше и больше узнать о том, как в годину тяжелых испытаний сражались за Родину молодые советские патриотки.

* * *

Каждый праздник мне кажется, что вот зазвонит телефон и я обязательно услышу родной голос Жени Рудневой или голос другой славной моей однополчанки - Глафиры Кашириной.

Умом я понимаю - они не позвонят. Женя Руднева, Евдокия Носаль, Татьяна Макарова, Ольга Санфирова, Вера Белик, Глаша Каширина погибли, а мертвые не возвращаются к живым.

Но я знаю и другое. Стартуют в космос ракеты, горят огни Братска, застыли над микроскопами ученые - продолжается жизнь. Та самая жизнь, частицей которой являются безвременно ушедшие от нас подруги и которая не могла бы быть прекрасной, не встань тысячи и тысячи таких, как они, на смертный бой с фашизмом.

Для нас, чью юность опалила война, пережитое никогда не станет историей. Оно - наше прошлое и настоящее, наша радость и боль, наша жизнь и счастье трудных дорог.

Примечания

{1} *Л. И. Брежнев* . Речь на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. М., Изд-во «Молодая гвардия», 1968, стр. 6-7.

{2}Формирование женской авиационной части завершалось в Энгельсе. - *Прим. авт.*

{3}Впоследствии - Главный маршал авиации. - *Прим. авт.*

{4}Случай, о котором вспоминает И. Дрягина, произошел в ту трагическую ночь, когда погибла Люба Ольховская. - *Прим. авт.*

{5}Газета «Боевые соколы» № 78 от 11 августа 1942 года.

{6} *М. Чечнева.* Боевые подруги мои. Книга вторая, издательство ДОСААФ, 1968, стр. 270. - *Прим. ред.*

{7}В то время на У-2 не было еще пулеметов. Гитлеровцы могли и не знать этого. - *Прим. авт.*

{8}М. Чечнева. Боевые подруги мои. Книга первая, издательство ДОСААФ, 1967, стр. 124. - *Прим. ред.*

{9}Тем, кто захочет узнать подробней о событиях в Эльтигене, очень советую прочитать воспоминания В. Ф. Гладкова «Десант на Эльтиген». - *Прим. авт.*

{10}В 1944 году в честь авиаконструктора Н. Н. Поликарпова самолет У-2 был переименован в По-2. - *Прим. авт.*

{11}Архив МО СССР, ф. 46-го гв. НБАП, оп. 508098, д. 2, л. 5, - *Прим. авт.*

{12}С 1965 года училище носит имя Героя Советского Союза К. И. Давыдова. - *Прим. ред.*

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

26.09.2015